

НОВОЕ ВРЕМЯ

июнь 1991

Купить
наган
на Рижском
рынке...

24

Цена 60 коп.
Индекс 70621

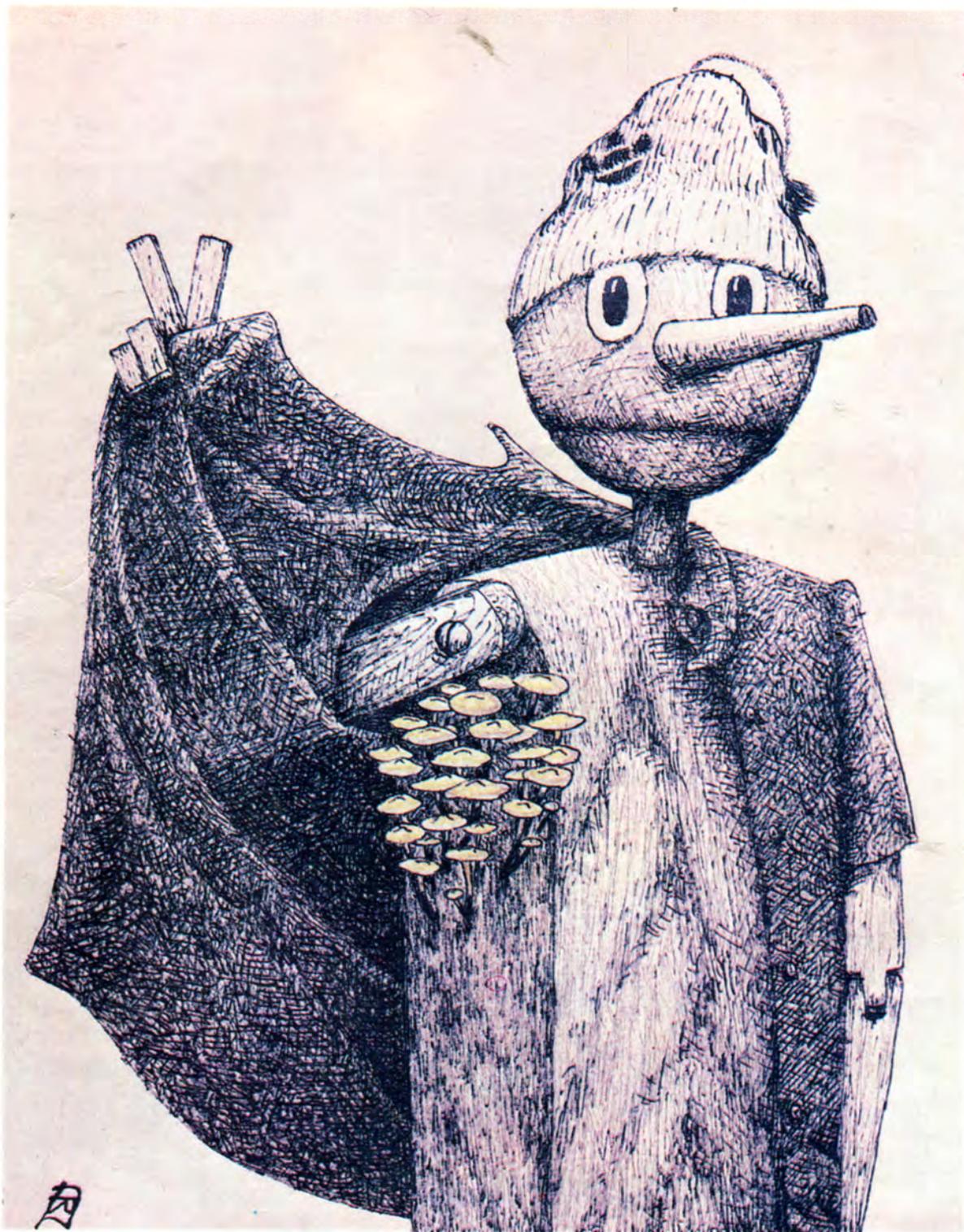

Сверим
часы,
товарищ!

ISSN 0137 - 0723

РАКУРСЫ

ВЛАДИСЛАВ ДАНИЛОВ

Читайте в этом номере:

СТРАНА

ВЫБОРЫ В РОССИИ <i>Г. Бурбулис</i> ВЛАСТЬ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ	5
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ <i>М. Шакина</i> ВОЗВРАТИВШИЕСЯ БОМБЫ	7
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>А. Дидусенко</i> ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПРОКУРОРА	8
ПОЛЕМИКА <i>Л. Млечин</i> АРХИВНАЯ ПЫЛЬ	10
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ <i>Л. Алексеева</i> КАК БАСТОВАТЬ	12
МЫСЛИ ВСЛУХ <i>С. Соловейчик</i> ДАВАЙТЕ ЖЕ НАКОНЕЦ СДЕЛАЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР	14
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО <i>Т. Лехто</i> БОЙ ЗА ПРИВИЛЕГИИ	17

МИР

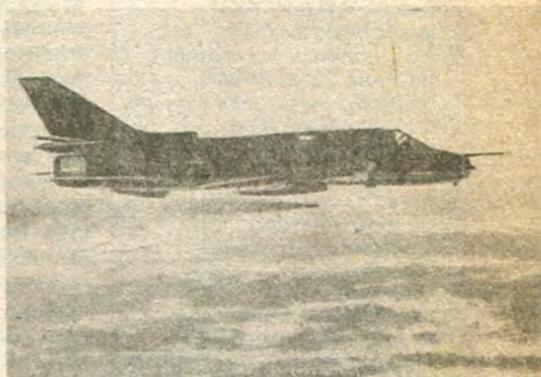
ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

<i>А. Полюхов</i> В ЕВРОПУ – СЕВЕРНЫМ ЭКСПРЕССОМ	18
ДИАЛОГИ НА ЮГЕ АФРИКИ <i>К. Каунда</i> Я ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВЫЙ, НЕДОУМЕВАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК	20
АЛБАНИЯ <i>Г. Сысоев</i> ЗОЛОТОЙ ЛОЖКИ НЕ БУДЕТ	23
ПРОГНОЗ «НВ» <i>П. Кандель</i> ОТЛИВ КОММУНИЗМА	24
ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ <i>С. Кортунув</i> В ПОИСКАХ «ТРЕТЬЕГО НУЛЯ»	26
ПАНАМА <i>Ю. Кудимов</i> БАНКИРЫ НЕ ЛЮБЯТ, КОГДА СТРЕЛЯЮТ	28
КИТАЙ <i>В. Шувалов</i> ОНА БЫЛА САМОЙ МОГУЩЕСТВЕННОЙ ЖЕНЩИНОЙ В МИРЕ	30

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА <i>М. Литов</i> КИЕВСКАЯ РУСЬ: КИЕВ ИЛИ РУСЬ?	32
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА <i>Л. Елин</i> ЕГО АДРЕС: ПЕРМЬ-35	35
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>К. Шухнов, А. Наумов, Э. Калачев</i> МАУЗЕР ДЛЯ ВСЕХ?	36
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>С. Котляревский</i> ОЗДОРОВЛЕНИЕ	40
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> К ВОПРОСУ О ВЕРЕВКЕ	43
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА <i>В. Афанасьев</i> ВИНО, МЕБЕЛЬ И КНИГИ	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>А. Иванов</i> КТО КУДА, А МЫ НА РЫНОК!	48

ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)

Бомбовый удар
из-за границы
Стр.7

Президент Замбии –
специально для
«Нового времени»
Стр.20

Благие намерения
Богдана Хмельницкого
Стр.32

**Главный редактор
Александр
ПУМПЯНСКИЙ**
Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ
(коммерческий директор),
Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,
Алексей БУКАЛОВ
(ответственный секретарь),
Виталий ГАНЮШКИН
(первый заместитель
главного редактора),
Сергей ГОЛЯКОВ,
Лев ЕЛИН,
Виталий ИГНАТЕНКО,
Леонид МЛЕЧИН
(заместитель главного
редактора),
Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,
Галина СИДОРОВА,
Марина ШАКИНА
Игорь ШЕИН
(главный художник)

Собственные корреспонденты:

Белград
Геннадий СЫСОВЕВ
Бонн
Никита ЖОЛКВЕР
Бухарест
Сергей СВИРИН
Варшава
Рудольф БОРЕЦКИЙ
Вена
Анатолий КОВРИГИН
Гвазна
Виталий СОБОЛЕВ
Дели
Сергей ИРОДОВ
Лондон
Сергей БАБУСЕНКО
Прага
Инна РУДЕНКО
Претория
Николай РЕШЕТНЯК
Мехико
Юрий КУДИМОВ
Нью-Йорк
Евгений РУСАКОВ
Рим
Павел НЕГОИЦА
Стокгольм
Александр ПОЛЮХОВ
Токио
Владимир ОВСЯННИКОВ

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском, английском,
французском, немецком, испанском,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»

© «Новое время»

П О Ч Т А

■ Зачем вы печатаете так называемые опросы общественного мнения, которые проводятся неизвестно кем? Мы, народ, результатам таких опросов не верим. Не может быть плохого отношения к армии — она была и остается символом государства. Наверное, опрашивали вы лоботрясов с московского Арбата. Они за доллар продадут не только армию, но и родную маму. Нападки на КПСС тоже осточертели. Рано празднуете победу: буржуям не пройти. Народ не желает сажать на свою голову господ из Демосоюза.

Мое письмо вы не только публиковать, но и читать не станете. Но запомните: так думает большинство простого народа и мы еще свое слово скажем.

Иванов
Иркутская область

■ «Новое время» (№ 49/90) опубликовало объявление концерна «Союз-Сатурн» о готовности обеспечить иностранных партнеров любым количеством торфа. Меня, как бывшего агронома, это объявление ужаснуло.

Недавно в печати сообщалось об аресте на государственной границе эшелона с черноземом, следующего в Голландию. Вот это и есть распродажа страны. Не те же ли люди переключились теперь на торф? Знают ли они, что земля — достояние всего народа? Что осушение болот ради добычи торфа уже приводило к бедствиям, засухам? К слову сказать, на торфяниках прекрасно растет картофель, поэтому ученые пришли к выводу, что болота надо сохранять. Запасы торфа у нас огромные, но и страна гигантская. Если нефти можно найти замену, то земле нет. Ладно бы расходовали торф на восстановление собственных пашен. Так нет, отправляем его за рубеж. Привезите торф к нам в город — его с руками оторвут...

Борис Машков
Краснодарский край

■ С интересом прочитал статью «Немецкая Атлантида» (см. «НВ» № 32/90). Я занимаюсь историей рабочего движения, в частности историей СЕПГ и КПСС.

Автор пишет, что руководители СЕПГ были людьми иного склада, чем московская партийная бюрократия, и не сомневались в том, что своим участием в борьбе с фашизмом завоевали моральное право руководить страной. Но не забывайте, что по меньшей мере трое из руководства СЕПГ (Мильке, Пик и Ульбрихт) прошли «школу» московской партийной бюрократии.

Известен и тот факт, что при Сталине погибло больше руководящих деятелей КПГ, чем при Гитлере (я вовсе не оправдываю преступлений фашизма). Таким образом, в коммунистической партии Германии имел место «отбор» сталинского толка. Историк Герман Вебер пишет, ссылаясь на достоверные источники, что 60 процентов функционеров КПГ высшего звена стали жертвами сталинизма.

Но было бы ошибкой искать корни пороков социализма ГДР только в сталинизме — сама КПГ допустила большие ошибки. Судя по высказываниям старых коммунистов, у них было скорее религиозное отношение к социалистической идеологии, и они абсолютно идеализировали Советский Союз. Когда Брехт представлял в Москве один из своих фильмов, советские граждане с удивлением узнали, что у немецкого безработного могут быть часы...

Берт Вернер
Нагольд, Германия

■ Много верного в материале Л.Млечина «Москва поддержала не ту сторону?» (№7/91) о событиях в Персидском заливе. До апреля 1985 года ближневосточная политика СССР, как это ни парадоксально, определялась не в Москве, а в Багдаде, Да-

маске, а еще раньше в Каире. Думаю, что поддерживают Хусейна в основном сталинисты и неосталинисты. Собственно, ими и был заключен с Ираком Саддама Хусейна Договор о дружбе и сотрудничестве в 1972 году. Много общего было тогда у наших режимов, в их основе одна природа — тоталитарная, диктаторская, антидемократичная. А сейчас неосталинисты «бьют тревогу», что Москва, ай-яй-яй, поддержала «не ту сторону»!

Формально договор 1972 года все еще действует, и это ставит нас в двусмысленное положение и ведет к тем колебаниям, которые просматриваются в нашей ближневосточной политике.

Арнольд Анучкин-Тимофеев
Москва

■ Хочу обратить ваше внимание на то, что вы неточно приводите название нашего соседа — Польша. Точным переводом будет не «Республика Польша», а «Польская республика».

Если в русском языке прилагательное крайне редко стоит после существительного, то в польском очень часто. Слово «Polska» в этом языке может быть и существительным, и прилагательным, то есть может означать, как «Польша», так и «польская». Но дело в том, что в качестве прилагательного и в качестве существительного это слово склоняется по-разному. В названии государства оно склоняется как прилагательное. Сокращенное название должно писаться «ПР», а не «РП».

Недавно я беседовал с одним из польских сенаторов, и он согласился с моим мнением.

Эрист Орловский
Ленинград

■ Спасибо вам за материалы о людях, обиженных судьбой. Новый закон об инвалидах для многих из нас остается филькиной грамотой. Ведь не затронуто главное: ВТЭК (врачебно-трудо-

«Лоботрясы с московского Арбата за доллар продадут родную мать»

Оставьте России хотя бы торф!

По инвалидам план выполнили...

вая экспертная комиссия) — этот ГУЛАГ для инвалидов нашей бедной страны. Инвалиды как были бесправны, так и остались.

В детстве я работала с мамой на свекловичном поле, сильно простудилась и тяжело заболела. Потеряла слух, речь. В школу ходила, держась за плетни, придорожные деревья. Окончила техникум — нечего и говорить, чего мне это стоило. Была у меня II группа инвалидности и было трое детей. Каждый год меня насильно помещали в больницу. От «лечения», от наших лекарств становилось только хуже. И вот в очередной раз ВТЭК посылает меня «лечиться», иначе, мол, отнимут инвалидность. Я отказалась — куда девать троих малышей? За это меня лишили II группы и тех 16 рублей, что я получала. По специальности работать меня не брали из-за

глухонемой. Пошла на трикотажную фабрику — там и здоровым тяжело. Часто теряла сознание, домой меня приводили дети, соседи. Так продолжается и по сей день. А ВТЭК выполнил свой план по реабилитации инвалидов. Сидят в комиссии здоровые, откормленные церберы и смотрят на нас как на нелюдей.

Т. Поперечная
Хмельницкая область

■ Наталья Морозова решила продолжить спор с Татьяной Ивановой и перенесла его на страницы «Правды». А я-то по наивности думал, что аргументация Татьяны Ивановой («НВ» № 5/91) была убедительной и подействовала на Морозову.

Мне трудно судить о статье Татьяны Ивановой в «Независимой газете»: это издание не продается в Вологодской области в отличие от «Правды» и «Советской России». Поэтому боюсь, что после публикации в «Правде» кто-то и в самом деле поверит, будто Татьяна Иванова берет «на себя миссию от имени одной части народа объявить войну другой». Это любимый способ изданий такого рода: приписывать оппонентам то, чего у них и на уме не было, а потом победно разоблачать. А вот утверждение Ивановой о том, что демократы никогда

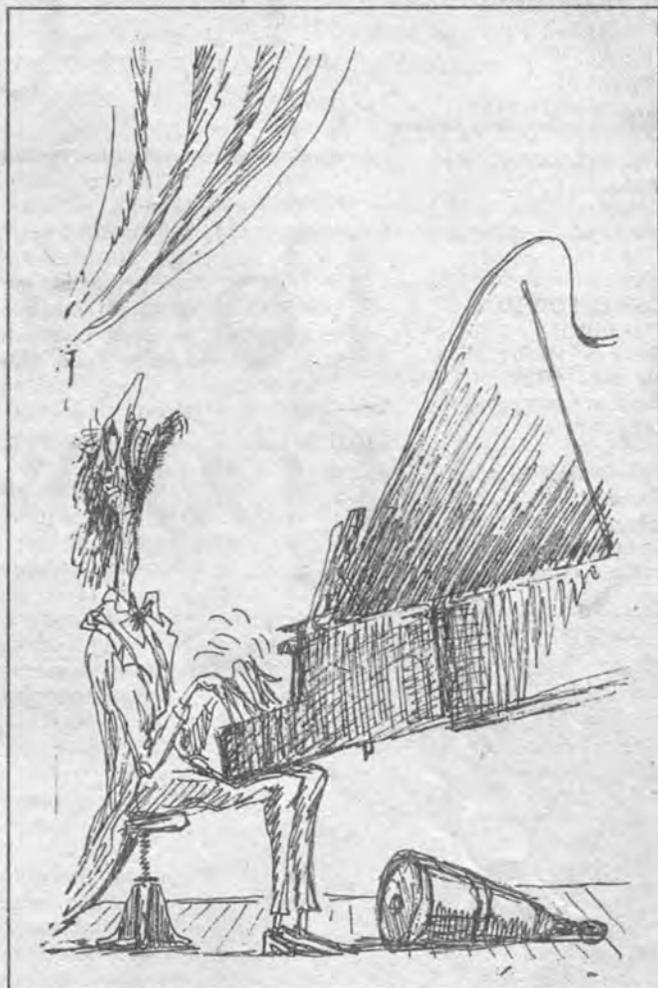

Рисунок Виктора Богорода

не призывали к насилию, ее оппонент не смогла опро-

вергнуть. Автор «Правды» торжественно заявляет, что «некоторые демократические публицисты призывают... запретить коммунистическую идеологию». Тогда уж скажите, Наталья Морозова, и о том, что именно эта идеология проповедовала насилие по отношению ко всем другим идеологиям в течение многих лет. Да и сейчас пламенные коммунистические идеологи не отказались от этих идей. Хотя я не припомню, чтобы кто-то из видных демократов требовал запретов. Ведь в том и отличие (если рассуждать упрощенно) между демократами и коммунистами, что первые всем несогласным дают возможность высказывать свое несогласие.

Сергей Коробов
Вологодская область

Подборку подготовила
Т. Чернова

«Я бросил автомат и ушел»...

■ Журнал «Лиезма» опубликовал материал о десантнике, который после участия в вильнюсских событиях оставил свою воинскую часть. Вот что рассказал бывший десантник.

«Было 11 января, обеденное время, объявили тревогу. Через несколько минут мы уже были в бронжилетах, в руках — автоматы. Все как при обычной учебной тревоге, поразило только количество боеприпасов — столь богато снабжали только во время боев в Афганистане. Еще через мгновение мы были уже в бронетранспортерах. Роте приказали ворваться в какое-то здание. Мы его захватили — это оказалось помещение литовского департамента безопасности. Мы увидели «врага», против которого нас послали воевать, — невооруженных людей, которые смотрели на нас с ужасом, презрением, немим вопросом в глазах. Недалеко от меня солдат размахнулся прикладом и ударил кого-то по лицу. Солдаты бросали в толпу взрывпакеты. Если они взрываются в непосредственной близости от человека, то могут оторвать руку. А на площади было много детей. Мирные люди, на которых нас натравили.

Вернулись обратно в дом. Военные повсюду рылись, все разворовывали, командир велел мне найти носки 28-го размера...

Скоро обратились в обратный путь. Сначала — к дому командира. Туда занесли все, что было собрано в завоеванном здании: ящики с носками, технику, фуражки. По-моему, во время войны это называлось мародерством.

Так мы выполнили задание. «Послужили Советскому Союзу». А потом смотрели фильм Невзорова. Он был о событиях, в которых мы сами участвовали, но это были совсем другие события. Оказывается, в подвале, откуда мы стащили дефицитные носки, смелые разведчики нашли незаконно хранимое оружие. А счета за вязку свитеров, которые я сам просмотрел, превратились в списки подлежащих уничтожению коммунистов...

Генерал встал перед нашим строем и спокойно сказал: «Некоторые утверждают, что десантники применяли оружие... У вас не было с собой даже боевых патронов!» Мы стояли проглотив языки, зная, что нам выдали четыре «рожка» боевых патронов. Мы стреляли — хотя и не в людей. Оказывается, весь мир можно построить на лжи.

Через несколько дней я бросил автомат и ушел.

Иварс Розенбергс
Елгава, Латвия

СТРАНА

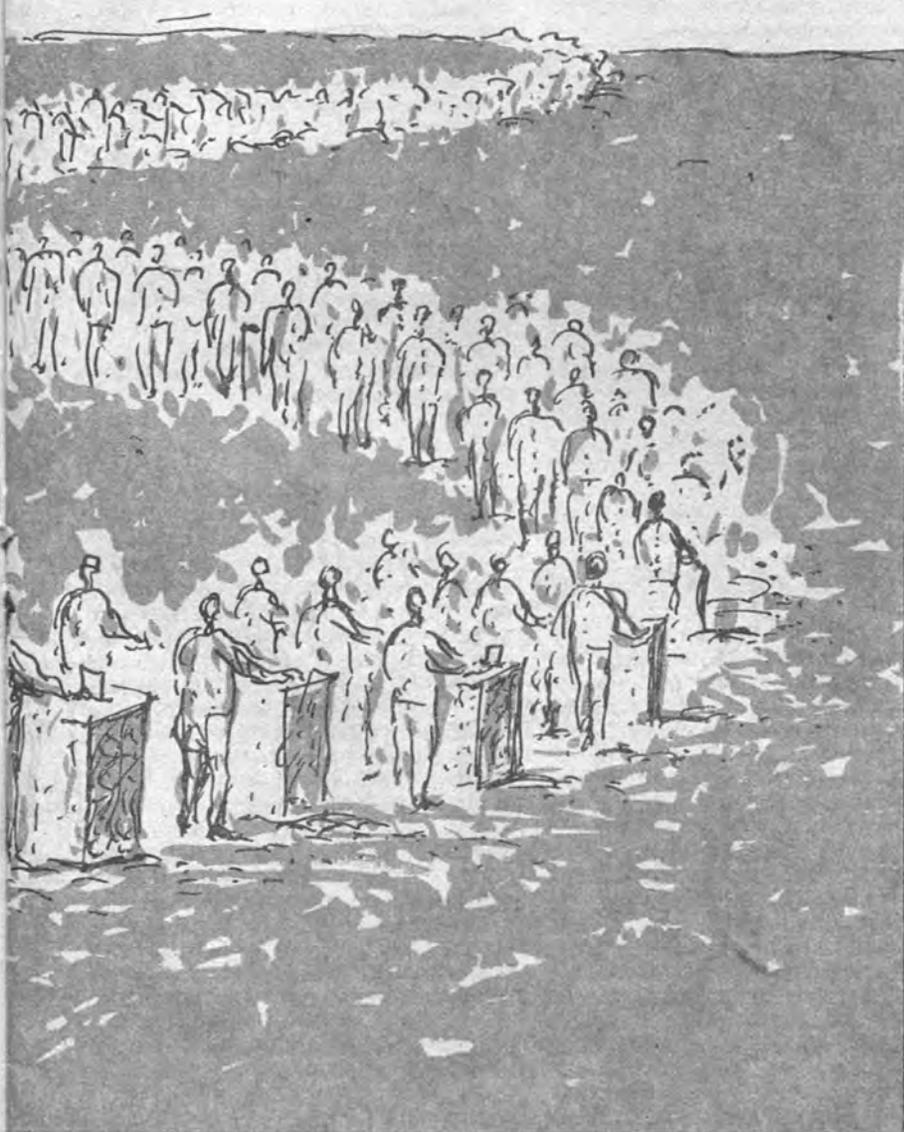
ВЫБОРЫ В РОССИИ

Голосуйте и обрящете

12 июня — день первых прямых выборов президента России. Надеемся, что дней, подобных этому, у нас будет еще много, ибо лучшего пути узнать волю народа, чем устроить голосование, демократия не придумала. Демократия — не безупречный, не застрахованный от случайностей способ существования, но лучший из испробованных человечеством.

Кто станет президентом? Нужны ли российским столицам мэры и кто именно? Как называться городу на Неве — Санкт-Петербургом, Свято-Петроградом или Ленинградом? Не надо рвать рубаху на груди — «Не отдадим врагу город Ленина!». Не надо искать помощи у итальянской мафии в борьбе с отечественными кандидатами. Не надо копить «компромат» на председателей Моссовета и Ленсовета. Пригласите избирателей к урнам — и вы все узнаете. Сколько нервов, усилий, запала, энергии сэкономит нам квалифицированно проведенное голосование. Придиры подсчитывают, во сколько миллионов обойдется тот или иной опрос, референдум, выборы. Но мы пока не так богаты, чтобы скупиться на демократию. Гражданское согласие стоит большего. Привычка решать все проблемы не секирой, не лозунгом, не мифической «просьбой трудящихся», а голосованием будет самым ценным нашим приобретением

Власть президентская

Новая система власти —
что думает о ней команда
Бориса Ельцина

На вопросы «НВ» отвечает
Геннадий Бурбулис

— Что будет означать президентство для России?

— Новый институт главы государства и главы исполнительной власти позволяет провести подлинное разделение законодательной и исполнительной власти, наполнить их конкретным содержанием. Ибо в том виде, в каком это разделение существует сейчас, согласования не получается.

Президент получает прямые полномочия на собственное нормотворчество — указы. Он совмещает в себе главу государства и главу исполнительной власти, то есть он принимает решения и обеспечивает их выполнение. В этом и есть новизна.

— Не есть ли это, по существу, воспроизведение в другой форме нашей обычной моноструктуры власти, которая прежде принадлежала КПСС?

— Та почти военизированная система управления, о которой вы говорите и в которой была своя целесообразность, исторически исчерпала себя. В отличие от недавней системы государственно-партийной власти, вобравшей в себя и исполнительные структуры, президентская власть базируется на конституционной основе и пользуется доверием населения.

Институт президента, персонально отвечающего за все принципиальные решения, придает исполнительным структурам совершенно новое качество.

— Где гарантии, что президентская форма правления окажется эффективной?

— Гарантия одна: осознание большинством населения России потребности в практических делах с их активным участием. Ожидание чуда сверху исчерпано до дна, и выстрадана необходимость дееспособной власти, которая бы свою главную задачу видела в создании условий для стимулирования инициативы и самостоятельности.

— Как будет управлять российский президент? Предпочтет ли он издавать указы, минуя Верховный Совет, как это делает Горбачев, или станет назначать префектов, как Гамсахурдиа, вместо Советов?

— Я думаю, что для России, хотя универсальная система управления исключена, предпочтительнее иная модель — организация прямых выборов высших должностных лиц исполнительных органов власти на местах и передача «президентской ответственности» по вертикали. На переходный период, возможно, понадобятся и полномочные представители президента, но с очень четко прописанными, ограниченными функциями.

— Представители, наделенные правом приостановить решения легитимных местных властей?

— Нет, без властных полномочий. Они будут обеспечивать и государственный контроль за выполнением президентских решений. Они не распорядители от лица президента, а его представители. Они не подменяют местные власти, не ущемляют их прав, а усиливают и дополняют их. Разъясняют позицию президента и информируют президента о действиях местных властей.

— Создается впечатление, что правительство оказывается лишним...

— Мне думается, что придется перестроить нынешний рыхлый Совмин таким образом, чтобы президент непосредственно руководил такими ведомствами, которые традиционно считаются «силовыми», — МВД, КГБ, МИД. Вероятно, при нем потребуются какой-то орган по выработке стратегической политики в рамках федерации. Тогда Совмин может сконцентрироваться на самом главном — экономике. А президент при этом — не «надпремьер». У него другая компетенция. Таким образом снимается вечный

спор, кто глава правительства. Разделяются государственные и экономические функции. Президент возглавляет свой совет, а премьер — кабинет.

Деликатный вопрос — финансы, но и его можно решить. Главные средства, думаю, должны быть сосредоточены в Совмине, ибо самое трудное и важное сегодня — активизация хозяйственной деятельности России с учетом реальных условий.

Главное — разграничение функций и поля деятельности. Недопустимо повторять ошибку союзного президентства, когда сфера деятельности вновь «сотворенного президента», характер его полномочий и формы управления не были определены.

— Каким будет место парламента в новой системе власти?

— Предполагается структурное и содержательное изменение всей вертикали. Следует при этом различать, как это делается в нормальных здоровых обществах, уровень государственного управления и уровень самоуправления. Мы уже близки к выводу, что полноправный государственный уровень — это власть края, республики, области, а не только Верховного Совета России. За ними закрепляется свое, присущее им законодательное нормотворчество.

Верховный Совет федерации — орган, обеспечивающий нормотворчески нашу стратегию, закладывающий фундамент правового государства. И вот у него должна быть своя «властная вертикаль», свое «продолжение» в республиках, краях, областях. А низший уровень — самоуправление. Местные Советы тоже должны будут видоизмениться, чтобы соответствовать новым задачам, чтобы стать органами самоуправления.

Начав демократические преобразования, мы наивно полагали, что, как только партийные комитеты перестанут осуществлять монополию на власть, ее содержательно, на новом профессиональном уровне обеспечат Советы. Но Советы никогда подобным делом не занимались и ни по характеру, ни по структуре не способны взять на себя эти задачи.

— Какими должны быть самые первые шаги новой «президентской рати»?

— Прежде всего — без этого не выжить никакой власти — определение и обозначение стратегии стабилизации жизни населения. Люди должны знать конкретные цели и избавиться от состояния безысходности и на работе, и дома. От президентской власти потребуются максимальная правда. Нужно будет точно сказать населению, какое наследство получают президент и его команда, чем мы владеем, а чего нет и нужно создавать.

Если кому-то кажется, что президентство в России в первый же месяц преобразит условия жизни россиян, то это наивно. Грех в такой ситуации раздавать обещания, на которые не скупилась некоторые претенденты. Важно остановить процесс распада. Наследие, которое нам досталось, — репрессивное государство как фундамент системы и невменяемое общество как следствие системы. Репрессивным государство как было, так и осталось. Можно не прибегать к танкам, не разгонять митинги, но при этом продолжать репрессию в хозяйственной, экономической, идеологической, культурной, образовательной сферах.

Невменяемость общества состоит в том, что у большинства населения деформированы представления о естественных человеческих ценностях, травмирована трудовая мотивация, а понятия чести, достоинства, уважения к знанию, профессионализму, мастерству возвращены наизнанку.

Вчерашнее состояние населения — отчуждение от структуры власти, зависимость от нее. Надеемся, что президентство изменит это положение вещей.

— Что вас привлекло в команду Ельцина?

— Я занимался историей философии, нравственности, политическими проблемами. Мне кажется, мое научное прошлое органично слилось с моим сегодняшним делом. Невероятное везение — все, что знал, о чем передумал, можно сейчас без посредников, без опошления воплотить в реальные практические дела.

— Демократов, в том числе Ельцина и его команду, не устает обвинять в провалах, ошибках, популизме, даже в злоупотреблениях. Принимаете ли вы этот упрек?

— Под демократами понимают поголовно тех, кто в той или иной форме выступил против командно-административной системы и ее ценностей. Сегодня наступил новый этап эволюции демократов, политическая и идеологическая ситуация в обществе прояснена до предела и можно говорить о том, что сформировались две силы. Одна — за так называемый социалистический выбор. Другая — за движение в цивилизованный мир (это и есть демократы нового этапа). Я назвал бы два признака современной демократичности: профессионализм, который при тоталитаризме не был востребован, его заменяла преданность номенклатуре, корпоративная групповая мораль и, конечно, способность держать в чистоте цель — высвобождение инициативы и самостоятельности гражданина, то есть обеспечение его гражданской и экономической свободы, дабы преодолеть то унизительное положение, в котором мы находимся.

Геннадий Бурбулис — народный депутат СССР, полномочный представитель Председателя Верховного Совета РСФСР, руководитель избирательной кампании Б.Н.Ельцина, кандидат философских наук

Беседа вел Геннадий Ариевич

Возвратившиеся бомбы

Инцидент с бомбежкой приграничного таджикского кишлака разъяснен. Извинения и соболезнования получены. Все в порядке?

Впервые после окончания Великой Отечественной войны на территории Советского Союза падали бомбы. Недалеко от советско-афганской границы на нашей стороне в Таджикистане атаке с воздуха подвергся кишлак Намадгуги Поен. Четыре разорвавшиеся боеприпаса убили четверых жителей кишлака и с десятком ранили. После этого самолет удалился. Никто ему не помешал.

Бомбежка произошла в четвертую годовщину полета Матиаса Руста, но ехидничать по этому поводу как-то нет настроения. «Ребячество» Руста могло окончиться трагически лишь для него самого, а афганский «залетка» произвел прицельное бомбометание — и результат налицо. На этот раз надо отдать должное службам информации Министерства обороны и Министерства иностранных дел. Вполне приемлемое объяснение было дано на следующий же день: летчик военно-воздушных сил Афганистана, вылетевший из Кабула атаковать позиции моджахедов близ советской границы, потерял ориентировку и выполнил боевое задание уже на нашей территории. При этом, утверждает командование ПВО, нарушения советского воздушного пространства не было, а то, что бомбы упали за несколько километров от границы — такое, говорят, бывает. Итак, войска ПВО не виноваты, пограничники подавно — они отвечают лишь за поверхность земли и пространство над ней до высоты пограничных вышек. И все же невозможно поверить, что все в порядке. Даже если это была случайность, которую никто — а не только наша критикуемая со всех сторон армия — не мог предвидеть.

Афганский самолет было трудно опознать потому, что он был наш — советский. Штурмовик СУ-25. И авиационные бомбы — наши, советские. В Афганистане после нашего ухода продолжается гражданская война, в которой мы по-прежнему участвуем поставками оружия, снаряжения и продовольствия, оправдывая это тем, что нам нужна политическая стабильность в соседней стране. Советский Союз поставил Афганистану: за период 1979—1990 годы 56 самолетов СУ-22, в 1986—1990 годах 60 самолетов СУ-25, за последние два года 53

МИГа-23 и, по неподтвержденным данным, в прошлом году — какое-то количество МИГов-29. Афганистан потребляет 13 процентов нашего экспорта вооружений в страны «третьего мира». Это третий самый крупный потребитель. И вот это стремление к стабильности повернулось к нам совсем неожиданной стороной — возвращением советских авиабомб.

Вопрос вроде бы исчерпан — объяснение есть, извинения и соболезнования получены, даже шума особого не успела поднять, как говорится, «падкая на подобные инциденты демократическая пресса».

За двенадцать лет мы поставили Афганистану около двухсот боевых самолетов. Один из них и сбросил смертельный груз на советскую территорию

Через неделю забыто? И все-таки случившееся вряд ли пройдет бесследно, заставив вспомнить нас об афганской войне, о той помощи, которую мы оказываем режиму Кабула. Не случится ли так, как и в истории с Ираком, что мы собственными руками вооружим монстра, — и «хорошо» (хотя чего ж хорошего!), если все обойдется только случайностями вроде таджикской — всего четыре жертвы. Наводняя Афганистан оружием, мы повышаем опасность любой случайности — и того, что наше оружие будет попадать в руки не столь дружественных нам моджахедов, и того, что бомбы могут улететь через границу на нашу сторону, что нашими ракетами могут сбить гражданский самолет, да и мало ли что еще!

Сбившийся с пути афганский лет-

чик напомнил нам об афганской войне и о нашем нынешнем участии в ней. Смерть в Таджикистане — следствие того, что в соседней стране продолжается братоубийство, а мы снабжаем одну из сторон военной техникой. Сколько ни тяни, а проблему эту решать придется — и, может быть, очень скоро.

Просто невозможно не сопоставить инцидент в Таджикистане с тем, чем занимаются советские вооруженные силы в Литве, в Азербайджане, с тем, что говорится о роли армии с экранов телевизоров. Некоторые генералы убеждены, что армия будет и сеять, и веять, и урожай собирать. А как насчет конституционной обязанности — защиты отечества и населения от внешних посягательств?

За все время нашего присутствия

в Афганистане на советско-афганской границе было неспокойно — обстрелы нашей территории с той стороны, переходы границы не были чем-то необычным. Сегодня, через два года после нашего ухода отсюда, район продолжает оставаться нестабильным: афганские подступы к границе — «епархия» моджахедов. Создается довольно тревожная картина для нашего приграничья. Казалось бы, такая ситуация — достаточно всесок-

основание для того, чтобы проявлять повышенное внимание к этому отрезку границы, для того, чтобы здесь наша оборона была запрограммирована на случайность. Однако происшедшее в Таджикистане говорит о другом. Все-таки удивительно, что бомбы нам принес летчик дружественного режима, который мы инструктируем, консультируем, с которым согласуем действия, с которым поддерживаем теснейшие военные контакты и развиваем военное сотрудничество. Может быть, не стоит нашим военным чересчур увлекаться проблемами внутренней политики, а лучше позаботиться о том, что если обучать иностранцев летному делу, да еще на наших самолетах, так уж делать это на совесть?

Марина Шакина

Последнее слово прокурора

Александр Дидусенко

В начале июня Прокуратура СССР осчастливила нас еще одним основополагающим материалом. Генеральный прокурор СССР Н. Трубин в опубликованной в «Советской России» статье «Схватка у телецентра» о событиях 13 января в Вильнюсе приходит к тому же выводу, к которому его высокое правоохранительное учреждение приходило и ранее, разбирая обстоятельства трагедии в Новочеркасске 1–3 июня 1962 года и бойни в Тбилиси 9 апреля 1989 года. По мнению прокурора, применение оружия против населения в Вильнюсе оправдано. Виноваты сами погибшие. Сами пострадавшие. Не надо было бунтовать, сопротивляться, толкать друг друга под танки...

Ах, как знакома эта формула! Как она удобна! Ничего новее сказки об унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла, так и не придумано.

Прокуратура в своих заключениях приводит множество доказательств. Было бы наивно с этими заключениями спорить. Как известно, живем мы до сих пор в состоянии, которое еще Шедрин называл «сумерки законов», когда на каждое действие можно найти как обвинительную, так и оправдательную статью. В Новочеркасске, например, войска действовали против рабочих, возмущенных повышением цен. В Вильнюсе войска поддерживали «естественное возмущение» населения таким повышением. Концы с концами явно не сходятся.

Попробуем поэтому, отрешившись от всевозможных пропагандистских разнотолков, ответить на два основных вопроса.

Вопрос первый: чем было вызвано вмешательство вооруженных сил в Новочеркасске, Тбилиси, Вильнюсе?

В Новочеркасске. В выступлениях рабочих против повышения цен власти усмотрели бунт против самой системы и приняли решение подавить его.

В Тбилиси. Недовольство населения политикой республиканских руководителей, вылившееся в демонстрацию и голодовки протеста, и эти руководители, и центральные власти сочли угрозой системе.

В Вильнюсе. Принятые парламентом республики решения о выходе Литвы из Союза были восприняты центром как угроза системе.

Вопрос второй: кого защищали при этом войска?

В Новочеркасске. Советскую власть? Неправда! Заводскую администрацию — от рабочих, городские власти — от населения, прибывших в город партийных руководителей — Кириленко, Козлова, Микояна, Ильичева, Полянского, Шелелина — от рядовых коммунистов и беспартийных.

В Тбилиси. Порядок и законность? Неправда! Партийное и со-

Виноваты сами погибшие?

ветское руководство республики — Патиашвили, Никольского и прочих, а в их лице — неизбежность строя.

В Вильнюсе. Законопослушную часть населения республики от антисоветских, антикоммунистических, националистических провокаторов и экстремистов? Опять неправда! Незаконно созданный анонимный комитет национального спасения, выступивший против законно избранного правительства республики с целью его свержения и возвращения Литвы в лоно Союза ССР.

Таковы, если отбросить все побочные второстепенные факторы, главные побудительные мотивы военного вмешательства. Принимая решения об использовании армии для подавления недовольства населения, власти предрешали считали, что они спасают систему и, естественно, свою незаменимую ру-

ководящую роль в рамках этой системы.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление. Летом 1962 года, когда новочеркасская трагедия была строжайшим секретом, о котором можно было говорить только в тесном кругу, один весьма высокий партийный руководитель на встрече с группой специально приглашенных в ЦК журналистов сказал: «Поймите, что необходимо было произвести небольшое кровопускание, чтобы успокоить народ и избежать большой крови». Стремление оправдать «небольшое кровопускание» просматривается и сегодня, когда читаешь материалы прокуратуры о тбилисской и вильнюсской трагедиях.

Примечательная формулировка. Кровопускание! Но опять возникает вопрос: зачем? Выше были названы лишь непосредственные цели трех акций в Новочеркасске, Тбилиси и Вильнюсе. Но существовало, очевидно, в действиях властей и соображение высшего порядка. Которое — по крайней мере в собственных глазах руководителей — выглядело как оправдание, позволяло избежать угрызений совести.

Ну разве в социалистическом, идущем к коммунизму обществе, где верхи спят и видят, как сделать жизнь людей богаче и лучше, разве в таком обществе можно, бросив работу, выходить под окна местной власти и еще что-то требовать? Нельзя! Преступно! Наказуемо! Болезнь следует немедленно вылечить. Можно ли в Литве, которая должна быть безмерно счастлива тем, что полвека назад ее (пусть, как утверждают, недобровольно) включили в братскую семью народов, строящих социализм и коммунизм, вдруг заявлять о желании вновь обрести суверенитет? Недопустимо! Немедленно требуются танки с врачами!..

Если хотите, и Новочеркасск в свое время, и Тбилиси, и Вильнюс уже в наши дни — наглядное подтверждение потрясающей оторванности нашего союзного руководства от народа. Какое уж тут морально-политическое единство, когда народная жизнь никак не хочет укладываться в предначертанные руководством рамки, то там, то тут вылезает то нарывом, то вздутием, то некоей политической кистой.

И вместо того чтобы брать эту реальную жизнь как данность, где-то наверху, а в последнее время и неиз-

вестно где именно, начинают искать скальпель. Чтобы подравнять жизнь под схему — идеологическую («социалистические ценности»), патриотическую («защита державы») или любую другую.

И неудивительно, что этот скальпель порой оказывается в руках таких людей, кого никак к кровожадным монстрам не отнесешь. Потому что и для них противостояние народа своей родной советской власти казалось и кажется чем-то чудовищным, диким, злокачественным, опасной болезнью, распространение которой следует предотвратить любой ценой. Потому-то и в наши дни нет-нет да и возникает в кругах, обладающих властью, желание отсечь порочные клеточки или по крайней мере поместить их в секретную изолированную от мира лабораторию, куда вход по спецпропускам. Потому-то и брали когда-то подписки о неразглашении со свидетелей новочеркасских событий, потому-то и общество узнало о невинных жертвах и тех, что пали под пулями, и тех, кто были казнены, и тех, кто долгие годы провели в лагерях и тюрьмах, лишь десятилетия спустя. Но все-таки узнало.

Несомненно, придет когда-нибудь время, когда мы узнаем и все имена «действующих лиц и исполнителей», режиссеров и постановщиков трагедий в Вильнюсе и в Тбилиси. Надеяться, что история удовлетворится туманными разъяснениями относительно того, что никто сверху никаких приказов не отдавал, Пуго и Язов не информированы, президент отсутствовал, не приходится. После будапештского позора 1956 года тоже долго-долго утверждалось, что приказов никто не отдавал, на бумаге ничего не сохранилось. Но историки все равно докопались до правды. Докопаются и здесь.

Кстати, в некоторых органах печати уже появились упреки в циничной предвзятости, с которой Прокуратура СССР вела расследование в Новочеркаске, Тбилиси и Вильнюсе. Я бы сказал, что не в предвзятости дело. Дело в том, что в рамках нашего сегодняшнего правосудия трудно, если не невозможно, было ожидать иных результатов. Ну как, посудите, может один государственный институт — прокуратура обвинить другой государственный институт — вооруженные силы в том, что они совершили преступные действия, защищая систему, в рамках которой только и могут существовать оба эти института в их современной форме? Поэтому и неудивительно, что в итоге всех трех расследований наши правозащитники приходят к выводу: состава пре-

ступления не было, организаторы и участники карательных акций невинны, а если кого-то и пришлось, как говорили в революционную эпоху, «пустить в расход», то, как утверждают прокуроры, лишь «в порядке самозащиты». Именно такой вывод предлагается парламенту. И наши народные избранники спокойно (а в большинстве своем даже с удовлетворением) соглашались. И никому не приходит в голову спросить: «А почему вопрос о том, было или не было совершено преступление, решает прокурор?» Ведь, насколько известно, только суд вправе назвать человека преступником или оправдать его.

Впрочем, видимо, нетрудно понять, почему такой вопрос задан не был. Стоит только представить себе фантастическую картину суда (лучше всего суда присяжных), слушающего дело о тбилисской трагедии. На скамье подсудимых сидит цвет партии и армии, Лигачевым, Патиашвили и Никольским начиная и генералом Родионовым кончая. В роли их защитника выступает... главный военный прокурор СССР, а обвинение ведет независимая парламентская комиссия Собчак.

Нетрудно предугадать, чем бы такой суд кончился. Потому он и не состоялся. И, конечно, ничего подобного не состоится до тех пор, пока правоохранительные органы в нашей стране не перестанут действовать в духе унаследованной от «государства диктатуры пролетариата» традиции и не превратятся из инструмента государственного насилия над гражданами в инструмент защиты гражданских конституционных прав. От всех, в том числе и от государства.

Выступая с нобелевской лекцией в Осло, Президент СССР произнес знаменательную фразу из своей книги о перестройке и новом мышлении: «Мы хотим быть понятыми». Да, это чрезвычайно важно — быть понятым в мире. Но с каждым днем и часом нашей сегодняшней стремительно текущей жизни мы все полнее осознаем, что важно и нам самим понять себя и свою историю. И мне трудно представить, что Генеральный прокурор Союза и сотрудники его аппарата не понимали тех внутренних побудительных причин, которые привели к конфликтам в Новочеркаске, Тбилиси, Вильнюсе. Как специалисты, не лишены совести, они не могли не понимать, что вина за гибель людей в первую очередь лежит на системе. Но как чиновники, состоящие у системы на службе, сделали все, чтобы ее оправдать.

Поистине нехорошо сегодня быть прокурором, которому по долгу службы приходится защищать недостойное защиты и обвинять незаслуживающее обвинения.

Научно-информационный центр
«МИКРОДИН»
ПРЕДЛАГАЕТ

ксероксы
фирмы
CANON
формата А-4
(производство Японии)

Стоимость одного комплекта — 29.000 рублей.

Поставка со складов в Москве и Московской области в течение суток.

Характеристики ксерокса:

- а) автоматическая подача бумаги,
- б) многократное выполнение копии,
- в) ручная и автоматическая регулировка яркости копии.

Нашим покупателям гарантируется поставка дополнительных картриджей в любом количестве. При оптовых поставках возможна значительная скидка.

Справки по телефонам в Москве: (095) 125-58-11, 121-12-81, 268-85-83, 166-12-64

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Архивная пыль

Секретные документы КГБ как аргумент в политической борьбе

Молдавский социолог и сторонник полной независимости республики Мирча Друк потерял кресло премьер-министра, конечно, не потому, что в провинциальной печати вдруг объявилось его давнее письмо. Президент республики Мирча Снегур и многие парламентарии давно выражали неудовольствие главой правительства. Но письмо, написанное Друком в 1974 году, с гордым признанием в оказанных Комитету государственной безопасности услугах и словами «я был, есть и буду коммунистом», появилось как раз накануне вынесения в парламенте востума недоверия премьер-министру. И поставило крест на его карьере.

Торжество справедливости или меткий выстрел в политической борьбе?

Дмитро Павлычко, народный депутат СССР и Украины и тоже сторонник республиканской независимости, давно под обстрелом печати, которая принадлежит компартии. Набор обвинений обычный — «перебежчик», «антикоммунист», «сепаратист», «националист». Вдруг украинская «Рабочая газета» получает убийственный аргумент против своего оппонента Павлычко.

В 1955 году на допросе в КГБ молодой поэт Павлычко худо отозвался о коллеге-стихотворце, назвал его носителем «враждебных нашей действительности буржуазно-националистических идей». Откуда у газеты секретные документы? Из архива управления КГБ по Одесской области. Неожиданная щедрость. Обычно КГБ не разрешает даже детям репрессированных взглянуть на дело погибшего отца или матери, чтобы они не увидели имен тех, кто писал доносы, — «из гуманных соображений, чтобы не возбуждать в обществе ненависть». Отчего вдруг отступили от правил, строго соблюдаемых в других случаях?

Еще один украинский поэт Борис Олейник обильно процитировал в центральной «Правде» из-

бранные места из протоколов допроса свидетеля Павлычко и предъявил серьезный моральный счет дважды депутату Павлычко. Имеешь ли право говорить сейчас о свободной Украине, если 36 лет назад в кабинете заместителя начальника следственного отдела местного управления КГБ Украины обличал буржуазный национализм? Можешь ли ныне клеймить КПСС, если прежде писал стихотворения к ленинским юбилеям?

Дмитро Павлычко не первый, кто услышал эти риторические вопросы от бывших товарищей по компартии.

Пять лет назад Виталий Коротич, тоже украинский поэт, назначенный редактором «Огонька», подвергся атаке по этой линии. Из почившего в бозе журнала «Политическое самообразование» вытщили рецензию Коротича на «Малую землю» и предъявили редактору перестроечного журнала в качестве обвинительного заключения. Историк Юрию Афанасьеву припомнили работу в редколлегии «Коммуниста» и то, что в прежние времена он весьма одобрительно отзывался о социализме и неодобрительно о капитализме.

Потом это стало привычным способом политической полемики. Скажет кто против руководящей роли КПСС — ему цитату из собственной книги. Предложит частную собственность на землю — опять цитату в зубы. Злобно припомнили работу в аппарате ЦК КПСС, преподавание на кафедре марксизма-ленинизма, долгую и беспорочную службу генеральным секретарям... Кто же не мог забыть новым политикам, лидерам недавно созданных партий их коммунистического прошлого? Бывшие диссиденты, которые в свое время предпочли лагерь сотрудичеству с режимом?

Нет, не все, подобно Борису Олейнику, настолько уверены в своей безупречности, чтобы упрекать в аморальности других. Бывшие диссиденты-лагерники вполне по-христиански больше радуются одному раскаявшемуся грешнику, чем ста праведникам. Ярятся те, кто и сейчас бьется за социалистический выбор, за коммунистическую перспективу, имея в виду под этим сохранение пирамиды власти, где они наверху, а остальные внизу. Бьются не на жизнь, а на смерть.

Украинский поэт Олейник даже внес вклад в развитие русского языка, предложив неологизм — «коммутанты», то есть перебежчики из КПСС.

Любое приспособленчество мерзко. Разумеется, есть новые приспособленцы, новые конъюнктурщики. впащие в сверхдемократический экстаз. Плохо, когда «записываются в демократы» ради каких-то дивидендов.

Но разве старая конъюнктура лучше? Мораль новым приспособленцам читают приспособленцы старые.

Борьба с антикоммунизмом пока еще самое что ни на есть прибыльное занятие, приносящее прекрасные дивиденды. Замзав становится членом политбюро. Служитель муз сразу получает депутатский мандат — и не в жестокой борьбе с соперниками (как, скажем, те же Павлычко, Коротич, Афанасьев), а на пленуме ЦК КПСС по уютному партийному списку — с предоставлением режима наибольшего благоприятствования во всех сферах жизни.

Сам неологизм «коммутанты» выражает неприятие любых мутаций,

то есть изменений, даже если они совершаются к лучшему. Что же требуется от людей? Не меняться, продолжать жить по-прежнему, колебаться вместе с линией партии, поклоняться богоданным вождям, внимать партийным ораторам, покорно голосовать. Кто не желает так жить — коммутант, то есть отступник, предатель. А с предателями разговор соответствующий. Использование позаимствованных из досье КГБ аргументов в мировоззренческом споре — достаточное на сей счет предупреждение.

Перелистывание старых книжечек оппонента было по крайней мере игрой для всех, это удовольствие мог доставить себе каждый. Но сейчас игра другая. Цитаты пошли в ход не из общедоступных книжечек, а из сверхсекретных архивов КПСС и КГБ. И обвинение предьявляется самое тяжкое, которое ни прощению, ни оправданию не подлежит: сотрудничество с КПСС и КГБ.

Это действительно сильное оружие. И в компартии это понимают, и в КГБ, и используют его против тех, кого надо полностью вывести из игры, скомпрометировать навсегда.

Два эти эпизода — с Друком и Павлычко — должны заставить нас задуматься о том, как может развиваться политическая борьба дальше. Мы могли бы сообразить это раньше, когда с проблемой архивов госбезопасности столкнулись наши соседи в Восточной Европе. Извлекаемые из папок старые документы губили жизни людям, которые только что проявили себя с самой достойной стороны. Они не были доносчиками, платными осведомителями. Наводившие общество агенты госбезопасности беседовали с ними, а записи разговоров воспроизводили в своих рапортах, которые ложились в папки с пугающей надписью «хранить вечно». Вина этих людей была более чем сомнительна, но ненависть общества к госбезопасности оказалась столь велика, что прощения быть не могло.

У нас ситуация другая. КГБ не распущен и не реформирован. Верховный Совет СССР упустил свой шанс. Со старых папок можно сдуть пыль и пустить в дело. Но воспользоваться ими смогут не все, а только те, кого владелец архивов сочтет достойным. Своих сексотов, агентов, платных доносчиков фирма, разумеется, в обиду не даст. А случайно замазанного человека может погубить.

Леонид Млечин

Рисунок из газеты «Цайт» (Германия)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЭКОНОМИКА

*всем
руководителям
и специалистам*

Пакеты типовых документов с комментариями:

«ОРГАНИЗАЦИЯ И УЧРЕЖДЕНИЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ И ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ»

Объем пакета — 152 с., цена 220 руб. плюс 11 руб. — налог с продажи.

«ТОВАРНАЯ БИРЖА: КАК ЕЕ СОЗДАТЬ? КАК ОРГАНИЗОВАТЬ РАБОТУ? КАК УЧАСТВОВАТЬ В БИРЖЕВЫХ ТОРГАХ?»

Объем пакета — 176 с., цена 250 руб. плюс 12.50 — налог с продажи.

Пакет нормативных документов с комментариями

«ВАЛЮТА. КАК ЕЕ ЗАРАБОТАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ?»

Объем пакета — 200 с., цена 300 руб. плюс 15 руб. — налог с продажи. Срок поставки — август 1991 г.

Сборники нормативно-методических рекомендаций:

«МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ: ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Объем — 240 с., цена 250 руб. плюс 12.50 — налог с продажи.

«ОЦЕНКА, АНАЛИЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Объем — 142 с., цена — 1250 руб. плюс 62.50 — налог с продажи.

Издания можно заказать, выслав заявку и копию платежного поручения по адресу: 121864, Москва, Бережковская наб., 6. Издательство «ЭКОНОМИКА».
Наш расчетный счет № 362109 в Киевском филиале Индустриального банка г.Москвы, МФО 201081.

Пакеты документов и сборники высылаются почтой. Стоимость пересылки входит в цену издания.
Издания можно приобрести и за наличный расчет.

для справок: 240-48-72, 240-58-18, 240-58-16

Как бастовать

и как обходиться без забастовок

Опыт советских правозащитников и американских профсоюзов

Людмила АЛЕКСЕЕВА — участница правозащитного движения 60-х, член Московской Хельсинкской группы, вскоре после выступления против вторжения в Чехословакию в 68-м году ее вынудили эмигрировать. Алексеева стала представителем Московской Хельсинкской группы на Западе. Участвовала в создании аналогичной группы в США — Хельсинки уотч (1978 год) и стала ее консультантом по Советскому Союзу. С недавнего времени — консультант крупнейшего американского профцентра АФТ — КПП по рабочему движению в СССР.

«Новое время». Ваша оценка роли «самого революционного класса» в процессе перемен в СССР?

Людмила Алексеева. Успехи демократизации этой страны зависят от перспектив рабочего движения. Если оно сохранит нынешнюю демократическую направленность, страна пойдет по демократическому пути. А если увлечется, собьется с пути — это чревато национализмом, популизмом.

«НВ». А вам не кажется, что в сегодняшнем рабочем движении заложены очень серьезные слабости: элемент бунта и своего рода верность социалистическим идеалам при отсутствии настоящего демократического начала. Если вспомнить громкие рабочие восстания 60-х годов, то и там протест, как правило, принимал формы бунта. В наши дни на это накладывается непонимание, неприятие рыночных отношений, ограниченное стремление решить все проблемы за счет уступок правительства, привилегий, дарованных старой системой...

Л.А. Вы правы, в 60-е годы действительно был очень силен элемент бунта. Даже в новочеркасских событиях. Они выделяются из всех остальных, потому что это была общегородская забастовка — с четкими требованиями, с демонстрацией, — и тем не менее элемент бунта был очевиден. Ведь войска начали стрелять, когда демонстранты ворвались в здание горкома.

Вы правильно перечислили и отрицательные характеристики современного рабочего движения. И если бы они были главными, я несколько не удивилась бы: это был бы нормальный результат предше-

ствующей эпохи. И просто оставалось бы ждать, когда образованные слои в рабочем классе вслед за интеллигенцией придут к правильным экономическим выводам. Но то-то и поразительно, что наряду с «социалистическими ценностями» в среде рабочих уже живут очень здравые современные мысли.

«НВ». Вы поддерживаете личные контакты с рабочими лидерами?

Л.А. В Вашингтон дважды приезжали делегации шахтеров, я много разговаривала с ними. Последний раз, весной, я брала интервью у Владимира Ожегова с люберецкого завода и у Михаила Кислюка из Кузбасса. Кислюк был деятелем стачечного движения и на последних выборах избран в областной Совет, занимается там экономическими проблемами. Так вот, когда я пыталась с ними говорить о профсоюзном движении, они все время сбивались с чисто профсоюзных тем на темы перестройки экономики, приватизации и так далее. «А вам не кажется, — спрашиваю, — что это не дело профсоюзов — заниматься приватизацией, то есть, по сути, создавать для себя хозяев?» Кислюк очень интересно ответил: «Да, мы хотим создать себе хозяев. Потому что, пока нет хозяев, мы не знаем, с кем бороться за свои права. Это нечто безликое, неосоздаемое, невозможно ни ухватить, ни понять, с чем имеешь дело. А вот когда мы уви-

дим этого эксплуататора, профсоюз будет с ним бороться за свои права».

«НВ». Но сначала — создать зримого эксплуататора, чтобы было кому плюнуть в лицо...

Л.А. Вот именно. Я присутствовала недавно на конференции независимых советских профсоюзов. Это было спустя год после той забастовки, когда они считали, что достаточно добиться от правительства обещания удовлетворить их требования — и требования будут удовлетворены. За это время независимые профсоюзы прошли поразительно большое расстояние, почти расстались с прежними иллюзиями. Понимают, что, пока не будет эффективной рыночной экономики, рабочий для себя ничего не добьется. Правда, не скажу, что это понимание всеобщее.

«НВ». Чем вы объясните спад забастовочного движения? Попытка возобновить стачку в Белоруссии, например, сорвалась: организаторов поддержало лишь несколько тысяч человек...

Л.А. Нисколько не удивлюсь краху какого-то начинания рабочих. Меня гораздо больше поражают их успехи. Ведь никакого опыта у этих людей нет: ни личного, ни накопленного общественного. То, что накопили российские профсоюзы, созданные в царские времена и существовавшие в первые годы советской власти, начисто, с корнем выкорчевано.

Когда читаешь западную литературу по истории профсоюзов, видишь частые ссылки на Россию: наши профсоюзы в каком-то смысле шли впереди западных. Вспомните Викжель, знаменитый профсоюз железнодорожников. Он организовал в послереволюционные годы всеобщую забастовку в Москве, которую в «Кратком курсе ис-

Кузбасс: школа политической забастовки в СССР

тории партии» приписывают, кажется, кадетам. Это была очень серьезная революционная сила, которая не шла за большевиками, противостояла правительству, именованному себя «диктатурой пролетариата». Поэтому профсоюзы и были разгромлены.

В 30-е годы не только уничтожали профсоюзы, но и литературу о них, а также живых носителей профсоюзной идеи.

Современные рабочие поразительно мало знают свою историю и, как правило, смотрят на Запад. Но западный опыт нам не годится! Одно дело — профсоюзы в стране с процветающей экономикой, другое — профсоюзы в условиях кризиса.

«НВ». Вы согласны с тем, что как в 60-е годы, так и в 90-е наша интеллигенция не понимает рабочих, не верит в них?

Л.А. Да, это наша традиционная беда. «Страшно далеки они от народа»... Я часто вижу даже какой-то страх перед рабочим движением. Интеллигенты привыкли жить в своем кругу, у них свой лексикон, свои символы, и они легко общаются друг с другом. Каждый выход из этого круга болезнен, и не получается, как в Польше: знаменитый КОР, где интеллигенция была широко представлена, стоял у рождения «Солидарности». В России это труднее. Насколько органично российская интеллигенция вошла в правозащитное движение, стала его основной силой — настолько мало интеллигентов в рабочем движении.

«НВ». Без участия интеллигентов рабочие обречены?

Л.А. К великой своей радости, я в последнее время обнаруживаю, что они не так уж нуждаются в притоке интеллигентной силы извне. В рабочей среде очень много образованных, умных, интеллигентных людей. Они просто зарабатывают себе на жизнь физическим трудом — но это интеллигенты.

«НВ». То есть перекося нашей жизни, нецивилизованная система оплаты труда сослужили добрую службу профсоюзному движению?

Л.А. Совершенно верно. Рабочие прекрасно находят среди себя, среди своих коллег по работе интеллектуальные силы. Новые выдвиженцы рабочего движения — очень умные люди, они прекрасно говорят, они знают, чего хотят. Например, руководитель белорусских рабочих Михаил Соболев — интереснейший человек, умница. Если им чего-то не хватает, то того же, чего не хватает нашим интеллигентам.

У них нет организационного опыта. И потом, наше общество очень иерархично. Люди в одной его стратре не знают, как живет другая страта. Как интеллигенция не умеет обращаться с рабочими, так и рабочие не знают, как обращаться с интеллигенцией. Их ли-

деры, вынесенные на верх движения и самим своим положением поставленные в необходимость разговаривать с людьми у власти, с людьми из-за рубежа, очень плохо ориентируются. Накладывают клише своего мира на этот, другой мир. То, как рабочие лидеры подчас трактуют мотивы власти — скажем, из-за чего им отказали, из-за чего их поддержали, — совершеннейшие мифы.

«НВ». Как вы относитесь к звучащим в дни забастовок обвинениям советской официальной печати: Запад, в том числе конкретно АФТ-КПП, поддерживает рабочее движение в СССР «в подрывных целях»?

Л.А. В принципе это нормальное явление, когда одни газеты поддерживают забастовку, другие — осуждают и ищут повод для критики... С другой стороны, когда «Правда», газета ЦК КПСС, вздыхает об экономических потерях, вызванных забастовкой шахтеров, это по меньшей мере ханжество: коммунисты за годы своего правления нанесли экономике страны несоизмеримо больший урон...

АФТ-КПП действительно поддерживает независимые советские профсоюзы, и в частности независимый профсоюз горняков. Профцентр в принципе всегда оказывает помощь профсоюзам в тех странах, где рабочее движение подвергается преследованиям или только зарождается. Если где-то начинается забастовка, то АФТ-КПП вне зависимости от ее требований, из соображений профсоюзной солидарности предоставляет гуманитарную помощь бастующим, их семьям. Советским забастовщикам направить такую помощь просто не успели — дело ограничилось моральной поддержкой.

Когда же забастовок нет, АФТ-КПП занимает следующую позицию: рабочие должны быть не меньше предпринимателей заинтересованы в рентабельности своих предприятий. Иначе никакие забастовки не улучшат их жизнь.

В июне в Москву прибывает делегация АФТ-КПП, наполовину состоящая из профсоюзных деятелей, а наполовину — из президентов американских угольных компаний. Последние, посетив Донбасс и Кузбасс, предложат свои рекомендации: что можно изменить на шахтах, перешедших во владение рабочих или отошедших в ведение республик, чтобы сделать их прибыльными. Как наладить производство, чтобы впрямь обходиться без забастовок.

То, что забастовка — крайнее средство и разрушительно действует на экономику страны, понимают все. И никто в этом не заинтересован...

Записал Лев Елин

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● **Высококвалифицированные специалисты МП «ТОР» выполняют следующие работы:** ремонт, сервисное обслуживание, заправку кассет копировально-множительных аппаратов, установку телефонных аппаратов — определителей номера. Мы рады сотрудничать с Вами!

Наш телефон в Москве: 131-78-12

● **Рекламу Вашей продукции и услуг от Исландии до Новой Зеландии обеспечит ТАСС! Телеграфное Агентство Советского Союза издает на советских круизных теплоходах, совершающих путешествия с туристами из Австралии, Великобритании, Италии, Новой Зеландии, США, Франции, ФРГ и**

многих других западных стран, еженедельные судовые газеты на иностранных языках. В течение года их читают около 150 тысяч Ваших потенциальных партнеров практически из всех регионов планеты! Мы предлагаем:

Если Вы хотите, чтобы о Вас узнали одновременно в десятках стран, — публикуйте свою рекламу в наших газетах! С деловыми предложениями Вы можете обращаться по адресу: Москва, ГСП, К-9, Тверской б-р, 10, ТАСС РИДИТ. Телефон: 291-93-97. Телекс: 411186 ТАСС РИДИТ. Телефакс: 203-31-80 РИДИТ

● **НПО «Резонанс» предлагает:** картреджи А-15 к копировальным аппаратам «CANON» формата А4, а также осуществляет заправку картреджей и техническое обслуживание. Поставляет персональные компьютеры и комплектующие к ним. Телефон в Москве: 153-22-22, 150-09-89, телефакс: 150-99-89

● **Агентство по рекламе и маркетингу «Новое время — Design» имеет все возможности помочь Вам в создании фирменного знака (логотипа) и макета рекламы Вашего предприятия (рисунки, фото, текст и др.) на самом высоком профессиональном уровне западной рекламы. Мы готовы дать Вам квалифицированные советы, как организовать кампанию по рекламе как в СССР, так и на Западе (за советские рубли). Адрес агентства: 103783, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская площадь. Телефон: 209-95-71, телефакс: 200-42-23**

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Давайте же наконец сделаем ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Пусть социализм останется в прошлом, коммунизм уйдет в дальний идеал, а сегодняшним пусть будет нормальный образ жизни, какой восторжествовал почти по всей земле, — демократия

ЧТО ПРОИСХОДИТ? «Мозги трещат! Никак не поймешь, что происходит», — говорит мне давний знакомый, рабочий-строитель — из тех, кто любит посулгать о политике. Он стучит кулаком по голове и повторяет: «Не понимаю! Ну ничего не понимаю!»

И всем нам — и тем, кто почти совсем не учился, и тем, кто раз десять сдавал экзамены по «Краткому курсу», — ничего не понятно. Рушится или рухнула социальная религия, которой жило общество, всю бранят вчерашних богов, а вреднейшие (по старым понятиям) идеи, за которые еще на нашей памяти сажали, пытали, расстреливали, теперь открыто проповедуются в газетах.

Есть от чего свихнуться. И можно понять и полковника, требующего хоть на время запретить все партии до одной и опечатать партийные кабинеты, и комсомольского секретаря, предлагающего «наложить мораторий на слова социализм — капитализм, оставив их философам». Но ведь и ученые не хотят слышать этих слов, и профессор кафедры политической истории предлагает: «...давайте прекратим спорить о том, что лучше — социализм или капитализм, вначале накормим, обуем и оденем 300-миллионный народ, а затем устроим смотрины, куда идти дальше».

Строго по старой студенческой песне: «Надоело говорить и спорить...» Запечатает кабинеты, запечатаем уста, закроем кафедры истории, будем «дело делать». Но поворот мысли «накормим, обуем и оденем народ», а не дадим народу самому накормиться, одеться и обуться — этот поворот показывает, что автор сделал свой выбор и лишь потому предлагает прекратить спор.

Нет, все не так. Наконец-то наступило время говорить и спорить. Перестройка гласности сняла страх перед словами. Анархисты больше не рядятся под марксистов, а называют себя анархистами. Демократы — демократами. Монархисты — монархистами.

И только сторонники социалистического выбора, коммунисты, не знают толком, кто они такие, и постоянно «дистанцируются» (самое модное нынче политическое словечко) то от тех, то от других и не поймут, как им относиться

к прошлому своему — уважать его? Отвергать? Каяться? Продолжать традиции? Какие именно? Прошлое партии невозможно принять здоровомыслящему человеку, рыночное будущее настолько не отвечает представлениям коммунистов, что пугает их, и все привычные понятия, еще недавно казавшиеся незабываемыми, струнулись с места и поползли. Видимо, многим кажется, что это у них крыша поехала.

Тем более необходимо говорить и спорить, потому что когда кричат: «Хватит, надоело», то это не вовсе простоудушно; за «не спорить» слышится: «Давайте оставим все как было, чего зря нервы друг другу трепать?»

Но именно от этих споров, а не от чего-нибудь другого зависит, будет ли накормлен, одет и обут наш народ. И еще многое зависит, материальное и духовное.

КАК ВСЕ БЫЛО ПРОСТО! До чего все было просто в нашем общем сознании! Есть (будет) коммунизм, светлая мечта человечества. Есть (есть!) социализм, первая (низшая) фаза коммунизма, «отличающаяся, — как писали, — от второй (высшей) фазы степенью экономической зрелости нового общества и уровнем развития коммунистической сознательности масс». Заметим: социализм характеризуется не сам по себе, а как низшая фаза высшей. Великая хитрость! Поскольку социализм — ступень к высшему и прекраснейшему, то все, что при социализме происходит, заранее оправдывается. Мы с социалистического пути не свернем, мы строим коммунизм, самое справедливое общество на земле.

Если бы кто-нибудь доказал, что коммунизм — безобразная идея, то и социализм, как ступенька к нему, был бы навсегда развенчан в глазах людей. Но никто коммунизма в реальности не видал, а сама идея — высокий идеал, по замыслу и цели — замечательное устройство жизни. Говорю это серьезно, хотя сегодня делать такие заявления небезопасно. Слово «коммунизм» осточертело людям.

Но, несмотря на это, все-таки спросим себя:

ПРОИСХОДИТ
ЧТО
ПРОИЗОЙДЕТ

ЧТО ТАКОЕ КОММУНИЗМ? Чтобы получить ответ из первых рук, обратимся к источнику современного коммунизма — к «Коммунистическому манифесту». До Маркса и Энгельса под коммунизмом обычно понимали общ-

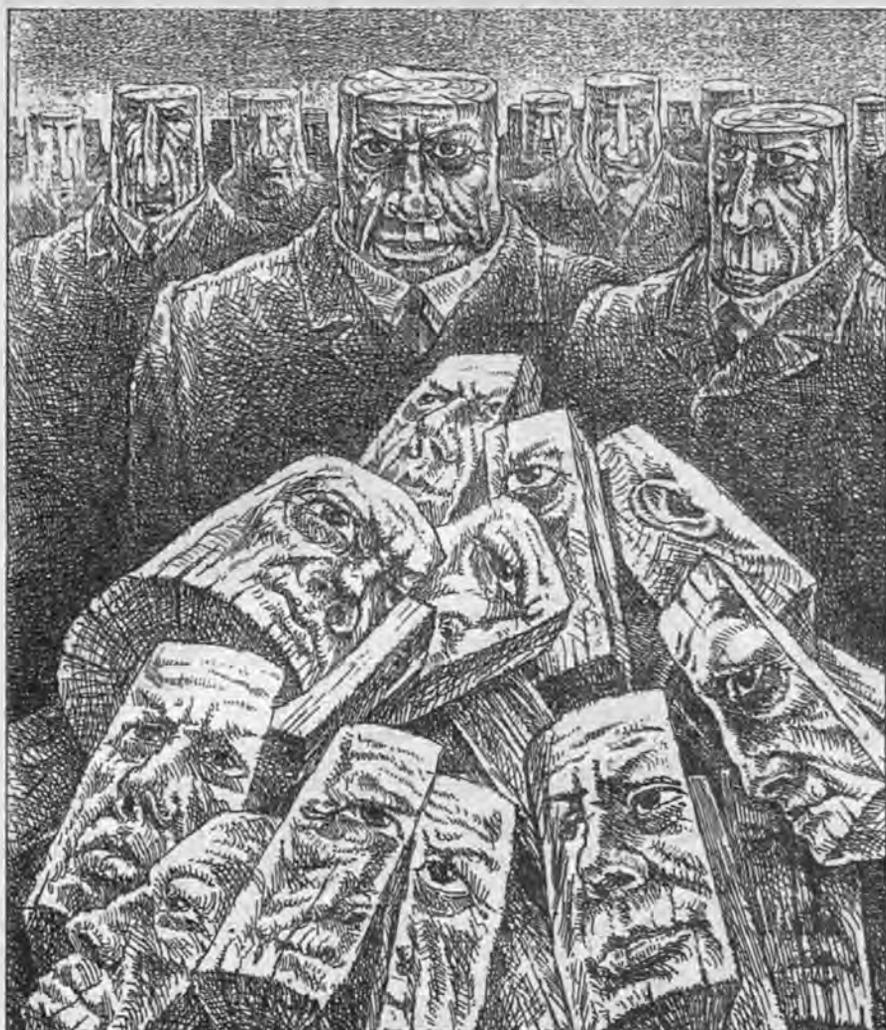

Рисунок Игоря Смирнова

ность собственности и общность жен; эта вторая часть великой идеи дала повод для многих нападок и насмешек, но основоположники отделались замечанием о том, что и буржуазное общество разрушает семью — от общности жен они вроде бы и не отказались, за что им до сих пор время от времени выговаривают.

Но оставим общность жен в стороне и заметим, что уже в «Коммунистическом манифесте» появилось совершенно новое, небывалое, не освященное традицией представление о коммунизме. Выпишем две важнейшие фразы этого документа.

Первая: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

Вторая: «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Сто раз сдавал экзамены по «Манифесту» и никогда не обращал внимания на то, что два эти положения сильно противоречат одно другому.

Первая мысль — о собственности. Вторая — о человеке.

Но что в центре внимания коммунизма — собственность или человек? Это ведь не одно и то же. Принцип

общей собственности постоянно обсуждался и прежде, принцип человека в коммунистической литературе в таком виде появился впервые. И как замечательно сказано: свободное (а по «Капиталу» еще и полное) развитие человека — что может быть выше, гуманнее, чище, справедливее и, главное, реальнее? Тут и речи нет об идее равенства людей с разными способностями, марксизмом декларируется право на полное (!), свободное (!) развитие (!) всего, что природа дала человеку. Это нынешние философы говорят лишь о развитии «коммунистической сознательности» — больше им ничего не нужно (сознательный — значит послушный), а те, прежние, великие, говорили о развитии существующих сил личности. Актуализация, самоактуализация — так сказали бы современные западные психологи, отнюдь не чувствующие себя марксистами, но повторяющие то самое, что писали два молодых, два первых марксиста в середине прошлого века.

Коммунизм — идеал. Что же первая мысль «Манифеста», уничтожение частной собственности? Это средство для достижения идеала.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ?

Весьма вероятно, что Маркс и Энгельс называли свою теорию коммунистической, а не социалистической, и призрак, бродивший по Европе, призраком коммунизма, а не социализма, оттого, что слово «социализм» было еще очень новым в ту пору. В печати оно впервые появилось лишь в 1834 году в статье бывшего сен-симониста Пьера Леру и означало нечто противоположное индивидуализму. Лишь в 1842 году была замечена связь между социализмом и зарождающимся пролетариатом; постепенно рабочее движение стало соединяться с идеей социализма и называться социалистическим. Первое положение «Манифеста» было оторвано от второго, противоречие сглажено, стали считать, что уничтожение частной собственности — это и есть вернейшее средство для достижения коммунистического идеала, о котором говорили все меньше и меньше.

А ведь на самом деле социализм и коммунизм находятся не в иерархическом отношении (высшая фаза — низшая), а в отношении средства и цели. Человек — цель, собственность — средство. Но беда в том, что понятия, означающие, как видим, совершенно разное, стали постоянно путать, взаимозаменять, считать одним и тем же. Эта путаница была закреплена в 1918 году, когда Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) переименовала себя в коммунистическую. Целью переименования было отделиться (дистанцироваться!) от западных социал-демократов из-за их представлений о демократии и диктатуре; но как-то незаметно строители социализма стали считаться и строителями коммунизма. Слова эти, повторяю, не различали, оттого за Октябрьской революцией осталось название «социалистическая». А интернационал был коммунистическим, и должествовавшая произойти мировая революция — точно такая же по сути — коммунистическая.

...Но ведь — страшно вымолвить! — социализм не является первой, низшей стадией коммунизма. Более того, социализм как средство противоречит коммунизму как цели.

Когда один и тот же человек утверждает, что он за социалистический выбор и за коммунистический идеал, он незаметно для себя превращается в продавца жареного льда.

РЕВОЛЮЦИОНАРИЗМ. Чтобы распутать этот клубок, остановимся еще и на слове «революционаризм», встречающемся не столь часто, но важном. Как социализм был объявлен первой фазой коммунизма, так революция считалась необходимым шагом к социализму. И точно так же, по законам человеческой психи-

ки, средство быстро превратилось в самоцель — революция ради революции, ради уничтожения врага: «Революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг!» Где революция и революционаризм, там враг — главное лицо. «Влюбленная ненависть к прошлому...» — назвал эту зависимость один философ.

Революция ради революции, революция из ненависти к прошлому — вот идеология революционаризма. Это потом, да и то за границей, появились «антикоммунисты», а в 1917 году была просто «контра», и в 1937-м расстреливали за кр/д — контрреволюционную деятельность, хотя какая уж там революция в 1937-м. Не коммунизм и не социализм, а революционность была знаменем времени. В книге «Сто сорок бесед с Молотовым», которую уже пришлось цитировать, Молотов сильно критикует лозунг «Мы строим коммунизм». С потрясающей откровенностью этот защитник и разоблачитель коммунистической святости говорит, что «мы строим коммунизм» — лишь «красивая вывеска», лишь «попытка уйти от революционного». Два понятия — революция и коммунизм — жестко противопоставляются. По Ленину, говорит Молотов, «...наша идеология такая: свержай капитализм социалистической революцией! Вот наша идеология». Влюбленная ненависть к прошлому.

Противоречие между целью и средством — вечная человеческая драма. Например, идея Столыпина «сначала успокоение, а потом реформы» вызвала, как считал А. Керенский, те самые потрясения, которых так не хотел Столыпин.

Но разве сегодня не повторяют: сначала порядок, сначала стабилизация, а реформы потом? И до того часто повторяют, до того стараются об «успокоении» и возвращении прежнего, что понимаешь: слово «реформа» произносится лишь для проформы.

СОЦИАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ. Мучительный вопрос: так ли было обязательно то, что случилось в нашей стране? Реальный социалистический кошмар — непереносимое следствие революции или набор нечаянных исправимых ошибок? Практика ужасна, но значит ли это, что плоха теория? Должно ли навсегда отказаться от идеи социализма или можно совершить еще одну попытку построить его, то есть сохранить верность социалистическому выбору, несмотря ни на что?

Идею социализма с человеческим лицом едва ли не первым выдвигал Николай Бердяев еще в 1937 году. Он писал в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», что «можно мыслить коммунизм в экономичес-

кой жизни, соединимый с человечностью и свободой». Доводов он, разумеется, не приводил, как не приводят их и сегодняшние защитники социализма, соединенного с демократией. Объявляется, что такое соединение возможно. Но как? Часто раздаются призывы взять все лучшее у капитализма и соединить его с лучшим от социализма — но как претворить в жизнь эту нелепицу?

Вдобавок людей путают названия некоторых правящих партий в капиталистических странах: социалистическая партия, социал-демократическая... Или, например, «шведский социализм».

Значит, все-таки это возможно — соединить социализм (уничтожение частной собственности) и демократию (свободу и человечность)?

Но ведь все это чисто демократические партии и страны с большим или меньшим уклоном к социальному равенству, с государственным управлением небольшой частью собственности — но с непереносимым сохранением права частной собственности и преобладанием ее. Социализм же как строй в принципе несовместим с демократией, потому что общественная собственность требует всеобщего планового хозяйства, а следовательно, принудительных экономических связей и принудительных цен. Принуждение по отношению к ценам, в свою очередь, вызывает внеэкономическое принуждение по отношению к людям — и, следовательно, необходима партия «авангардного» типа с ее властью над жизнью людей — необходим тоталитаризм. Тоталитаризм есть следствие общественной собственности и планового хозяйства. И хотя еще совсем недавно призыв «Больше социализма! Больше демократии!» казался вполне привлекательным, теперь очевидно: чем больше социализма, тем меньше демократии. Если, конечно, хоть сколько-нибудь придавать значение словам.

ДЕМОКРАТИЯ. О демократии написаны тома и тома, увы, не про нас и не для нас: мы их не читали. За шесть лет перестройки, когда на все лады повторяют слова «демократический» и «демократия», никто не удосужился написать толковой и простой книги о том, что же такое демократия, кто такие демократы, чего они хотят и как хоть примерно выглядела бы наша страна в демократическом обличье.

А ведь, наверно, не такой будет у нас демократия, как всюду, потому что прежде это слово противопоставлялось аристократии, а теперь, у нас, — тоталитаризму, то есть социализму. История на-

полнила древнее слово новым содержанием, и не сразу поймешь, кто теперь «демократия» и что сегодня «кратия» — власть. Исторический сдвиг! Под народом стали понимать не только общность, нацию и не только беднейшую часть общества, а совокупность личностей. Слово «демократия» сегодня звучит почти как «коммунизм» у Маркса: свободное и полное развитие каждого человека. Это покажется неожиданным: демократический идеал во многом совпадает с коммунистическим, если правильно понимать и то и другое слово.

Марксизм довольно презрительно относится к людям наемного труда, считая их как бы второсортными, и наша сегодняшняя пропаганда заставляет думать, будто тот, у кого нет и не будет собственности, — тот не может и мечтать о достоинстве. Но ведь наемный труд, если это достойный труд в достойных условиях и за достойную плату, может быть и коллективным, и творческим, и радостным. Демократия уравнивает не способности, не положение в обществе, не условия жизни, не доходы, а ценность человека в его собственных глазах и глазах общества. Недаром во многих странах демократия представляется высшей ценностью, которая сама в себе цель и за которую люди готовы и на смерть. Демократия — свобода, а за свободу умирают. Демократия может служить общественным идеалом гораздо надежнее, чем социализм с его бесхозом, бесправием и отсталостью и коммунизм, отдаленный чуть ли не на века.

Итак, если социализм — уничтожение частной собственности и плановое хозяйство, то уж во всяком случае демократия ближе к коммунизму, чем социализм. Демократия и коммунизм — на одной дороге, а социализм — стена на пути, препятствие. Кто за социализм, тот, по сути, против коммунизма, и если по честности, то ведущую нашу партию надо бы называть (пока она делает социалистический выбор) антикоммунистической, а защитников социализма — яркими антикоммунистами.

Почти век длится спор, почти век тянутся смотрины разных государственных устройств. Может, хватит смотрин, может, пора обречь с демократией, сделать демократический выбор? И пусть социализм останется в прошлом, коммунизм уйдет в дальний идеал, а сегодняшним пусть будет нормальный образ жизни, какой восторжествовал почти по всей земле, — демократия.

Симон Соловейчик

Бой за привилегии

Высокоразвитой системе привилегий в стране не повредили перестроечные годы...

Верховному Совету СССР предстоит принятие чрезвычайного бюджета на вторую половину 1991 года. Не обойдется без пересмотра и расходы Министерства обороны. В начале года битву за военный бюджет выиграл высший генералитет, заявив, что 96 с половиной миллиардов рублей — минимум, при котором не пострадает обороноспособность Советского Союза. Слушания Комиссии союзного парламента по вопросам привилегий и льгот «о недостатках и злоупотреблениях при использовании военно-транспортной авиации» наводят на размышления: так ли это?

Секретарь Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам привилегий и льгот народный депутат Элла Памфилова:

— Мы не первый раз рассматриваем недостатки и злоупотребления в Министерстве обороны. Первое слушание было посвящено дачам и заповедникам этого же ведомства: Наша Комиссия приняла постановление о нарушениях, допущенных Министерством обороны в их использовании, а Министерство финансов провело ревизию, которая подтвердила наши выводы.

На последних слушаниях о злоупотреблениях транспортной авиацией фигурируют в основном уже знакомые нам по «дачным делам» имена маршалов, генералов. Это те же люди, что раскупали по дешевке мебель с освобождаемых дач. Барство пышно расцвело среди генералитета. Оно и подрывает армию изнутри.

Когда я выступала в Верховном Совете, депутат Умалатова поднялась на «защиту» вооруженных сил: «Не трогайте армию. Не будоражьте народ. Прекратите нападки». Никто не собирается нападать на армию. Я, например, с болью воспринимаю то, что происходит в армии. Все социальные язвы в армии сейчас обнажены так же, как и во всем обществе. А тут еще конверсия, вывод войск из других стран, сокращение вооруженных сил. Масса социальных проблем: неустраиваемость наших офицеров, их семей, ужасные бытовые условия. Мальчики-солдаты гибнут в Закавказье. За что? Разве можно нападать на армию, на этих людей, которые страдают по вине наших политиков? Не мы подрываем авторитет армии, а именно эти барствующие генералы.

Комиссии не на кого опереться, у нас нет независимых экспертов. Эксперты, способные провести квалифицированную, полную проверку, есть, но у них

нет полномочий. «Неприкасаемые» ведомства всегда были закрыты, их никто никогда не проверял. Недавно мы заслушивали отчеты ряда высокопоставленных работников Кабинета министров и убедились в том, что ревизии высших органов власти не проводило даже Министерство финансов. Они полностью бесконтрольны.

По моему убеждению, в существующей до сих пор порочной системе вопрос ликвидации привилегий в принципе решить невозможно. Наша Комиссия везде вызывает лишь раздражение. Даже в Верховном Совете. Нам все время говорят: не к месту, не ко времени, подождите. Кому мы можем поручить проверку — военной прокуратуре? Главному военному прокурору Катусеву, который скрывает гибель наших солдат, охраняя честь мундира? Наша советская система породила номенклатурный клан. Если партийный, профсоюзный, государственный работник попал в номенклатурную «обойму» — он оказывается под сенью нашей исполнительной власти, которая обеспечивает комфортное существование ему, его детям и даже внукам.

У них клановое братство. Его законы превыше законов государственных. Это братство знает: оно должно заботиться о спокойной, обеспеченной старости своих предшественников. Николай Иванович Рыжков ничего не поменял в этой системе, более того, с его личного благословения началась лихорадочная «приватизация» госдач. Нынешний премьер Павлов — человек другой формации, прагматик, финансист. Но боюсь, что просто грядет новая элита. И пока я не знаю, какая хуже. Новая элита может быть еще страшнее, потому что хищна и беспринципна. Вчера у них была привилегия на государственную кормушку, сегодня — привилегия на приватизацию государственной собственности, чем они и пользуются, притом в больших размерах. Они-то не пропадут. А народ? Простой нормальный человек, который честно работает?

Полковник Александр Цалко, народный депутат СССР:

— У нас есть специально оборудованные самолеты ТУ-134, на которых, по идее, военнослужащие летают с целью безотрывного управления войсками. Но это неправда. Эти самолеты никогда не летают на конференции и сборы с боевыми расчетами. Летит командующий, член военного совета. Иногда к ним примыкает прапорщик, возможно, еще и майор-порученец. Вспомогательный персонал, который

Рисунок Виктора Богорада

выполняет функции «подай-унеси». Но расчеты командных пунктов на борт не берутся, а без них управление войсками невозможно. Кроме того, всякое должностное лицо, убывая из соединения, передает обязанности по управлению войсками своему заместителю. И получается, что заместитель остается без средств управления. Вот почему с трибуны XXVIII съезда КПСС я обвинил министра обороны и начальника Генштаба в расточительном использовании авиации.

В чем же причина такого расточительства? Главная — полная бесконтрольность ведомств: Министерства обороны, КГБ, МВД. Коль Министерство обороны подчинено президенту, он обязан организовать контроль. Коль Верховный Совет выделяет деньги, он должен знать, как они расходуются. Я знаю, что Комитет народного контроля подвергался сильнейшему давлению со стороны Министерства обороны. Им удалось «прикрыть» кое-кого из высших военных чинов. Мне позвонил летчик и рассказал: генерал армии такой-то, народный депутат, между прочим, отправил сыну на Дальний Восток мебельный гарнитур на ИЛ-62. В материалы народного контроля эти сведения не попали.

Эти транспортные средства надо использовать в народном хозяйстве, а не содержать за счет бюджета. Я не предлагаю наводить порядок — это бесполезное занятие. Надо изъять самолеты вместе с экипажами из ведомств (МО, МВД, КГБ) и передать их в коммерческие структуры. За деньги. Сегодня есть предприятия, готовые выложить миллионы рублей за транспортный самолет. Они будут получать прибыль, а мы налоги в бюджет.

А в это время... Аэрофлот откладывает рейсы — нет горючего. Верховный Совет принимает решение о поэтапном вводе в действие Закона о взезде и выезде — не хватает 100 самолетов. Аэрофлот получит их для международных авиалиний только к 1995 году.

Татьяна Лехто

В Европу — Северным экспрессом

Прекрасная традиция — выступление нобелевского лауреата с лекцией в Осло — дала возможность Президенту СССР Михаилу Горбачеву впервые посетить Норвегию, а также Швецию. Как складываются наши отношения с северными соседями?

Северная Европа должна стать нашим ближайшим соседом не только географически, но экономически, политически и гуманитарно. Отношения Советского Союза с США и Великобританией, ФРГ и Японией, безусловно, очень и очень важны, но на них мир клином не сошелся. Для основной части европейцев да и для большинства членов ООН очень важно, как СССР относится к «малым» странам, а не к крупным державам.

Советский Союз станут считать мирным и демократическим после того, как нас перестанут опасаться ближайшие соседи, то есть когда, например, шведские и советские яхтсмены смогут беспрепятственно навещать друг друга через Балтику, а на советско-норвежской границе вместо «железного занавеса» появится железная дорога.

Пока — идеи и планы

Пока, увы, ситуация совсем иная: растревоженный советский муравейник посылает североевропейцам противоречивые сигналы. Да, перестройка и демократия — это хорошо, но выстрелы в Вильнюсе и Риге — это очень тревожно. Да, советские войска в Восточной Европе сокращаются, но немало вооружений (самых современных) и солдат перебрасывается в северо-западные районы СССР. Да, экономическая реформа, похоже, начинается, но неразбериха в советском аппарате управления подрывает и без того мизерную торговлю с Северной Европой. Продолжать можно долго — я лишь обозначил главные поводы для тревоги скандинавов.

М. Горбачев, выступая в 1987 году в Мурманске и в 1989 году в Хельсинки, постарался сделать шаг навстречу северянам и выдвинул ряд инициатив. Трезво оценивая их сейчас, нельзя не заметить, что во многом они имели форму разговора СССР с другими великими державами через голову «малых» соседей. В результате идея ограничения военно-морской активности в Северной Атлантике пока так и осталась идеей, план создания безъядерной зоны почил в бозе, пригла-

шение совместно эксплуатировать Северный морской путь расценено как шутка.

Не случайно привожу два круга вопросов, ибо расхождение между тем, что интересуется СССР и что реально интересует североевропейцев, велико. На сей же раз советский подход оказался более прагматичным — советская делегация обсуждала истинные запросы соседей, сверяясь с нашими собственными интересами. Среди них нашлись и «пережитки прошлого» — удачно обозначенные в Мурманске вопросы трансграничного сотрудничества в защите окружающей среды и в обеспечении безопасности ядерных установок. Северян да и нас самих очень волнуют выбросы никелевых заводов на Кольском полуострове, отсутствие очистных сооружений в Ленинграде и других балтийских городах СССР. Северный инвестиционный банк учредил специальный фонд для финансирования производства и внедрения природоохранных технологий в Восточной Европе, включая СССР. И М. Горбачев получил заверения Осло и Стокгольма оказать практическое содействие советским и прибалтийским (одно с другим здесь не смешивают) экологическим бедам, ставшим бедами и Северной Европы в целом.

В тревожном тоне норвежцы и шведы высказывались относительно ядерной безопасности на Севере: его советская часть насыщена АЭС, реакторами на кораблях ВМС, хранилищами отработанного урана и атомными боеголовками. Если в гражданской сфере обмен информацией и специалистами уже развернулся, то военная сторона вопроса еще ждет своего решения. Правда, СССР разрешил экспертам посетить Новую Землю в сентябре этого года, но судьба здешнего ядерного полигона остается открытой. Норвежцы, ссылаясь на заявление советских представителей (хотя и низкого ранга), полагают, что Новую Землю и впредь будут сотрясать атомные испытания и даже атомные взрывы для подземного уничтожения советского химического оружия. К неудовольствию норвежцев такие планы вроде бы имеются, а вот плана подъема со дна Норвежского моря затонувшей атомной подлодки «Комсомолец» у СССР, увы, нет. Советский президент и его команда навряд ли сумели полностью развеять подобные опасения, тем более что они перекликаются с настроениями и части советской общественности.

Разговор по существу

Зато удалось умерить страхи относительно военных намере-

Михаил Горбачев и Гру Харлем Брундтланд: между Москвой и Осло стало больше взаимопонимания
Фото ТАСС

ний СССР в регионе, которые предусматривают вовсе не наращивание, а сокращение сил. С учетом реальных экономических и политических возможностей СССР разъяснения М. Горбачева звучат убедительно, особенно если учесть, что против развертывания на Севере и на Балтике двух новых дивизий береговой обороны (под флагом ВМС), создаваемых вместо сокращаемых армейских частей, выступали Норвегия и Швеция, но США и НАТО теперь вроде бы удовлетворены советским обещанием: передача береговым «морьякам» сотен танков, бронетранспортеров и пушек будет компенсирована дополнительным сокращением аналогичных вооружений у пехотинцев.

Поскольку география плюс сомнения относительно сохранения баз в Прибалтике заставляют СССР концентрировать значительную часть своего потенциала в этом районе, то в Осло вновь не удалось договориться до конца о разграничении экономических зон СССР и Норвегии в Баренцевом море — по-прежнему неурегулированным остается статус 155 тысяч квадратных километров акватории, лежащей на единственном открытом для советских кораблей и самолетов выходе в Атлантику. Пессимисты полагают, что окончательного решения спора о морском разграничении не будет до начала, если не до конца, европейских переговоров о сокращении военно-морских вооружений на морях, омывающих весь континент.

Столь же прямо связано с европейскими делами и такое препятствие на пути установления истинно добрососедских (хотя официально они давно так именуются) отношений СССР с североευропейскими странами, как неурегулированность ситуации в Прибалтике, или, точ-

нее, с Прибалтикой. Если ранее Швеция и Финляндия признали ее вхождение в Советский Союз, Дания и Исландия не признали, а Норвегия попала впросак между де-факто «да» и де-юре «нет», то теперь с разной степенью настойчивости они выступают за независимость Латвии, Литвы и Эстонии.

Едва ли беседа на эту тему оказалась приятной для М. Горбачева или для высших руководителей Норвегии и Швеции. Однако такому разговору давно было пора состояться, дабы устранить любое недопонимание. Надеюсь, теперь Кремль лучше представляет себе, как те или иные его меры по урегулированию проблем в Прибалтике воспринимаются Западом, который смотрит на них во многом глазами североευропейцев. А последние смогут впредь оценивать положение в Прибалтике, опираясь на мнение не только Вильнюса, Таллинна и Риги, но и Москвы. Я уверен, что правительства стран Северной Европы способны помочь урегулированию в Прибалтике разумными советами и поощрением обоюдной сдержанности сторон, если, конечно, станут руководствоваться сбалансированными оценками, отойдут от отдающей порой демагогией однополюсной критики в адрес Кремля и перестанут закрывать глаза хотя бы на самые серьезные ошибки лидеров Литвы, Эстонии и Латвии.

В новой роли

Предвижу, что стиль моих рассуждений далеко не каждому читателю придется по вкусу. «Что, мол, валадаться с мелкими нейтралами и натовцами, — возразит иной мой критик, — они нам ничего хорошего не делают и не желают». Президент СССР нынешней поездкой показал, что он не разделяет сие ошибочное

мнение, а для остальных стоит кратко сказать, что такое Северная Европа. Это 23 миллиона человек, которые дают более 2 процентов промышленного производства и 5 процентов экспорта индустриального мира. Они создали и развивают во многих областях и независимо от международных условий северное сотрудничество, сформировавшее северную социально-политическую общность. Высочайший уровень благосостояния, передовая демократия, неиспоганенная природа, минимальный уровень милитаризации, свободные отношения между гражданами — таковы характерные черты здешнего общества, ставшего заметной частью духовной и материальной культуры Европы. Общества не идеального, но, пожалуй, самого справедливого из построенных на Земле.

Пока из северян только датчане входят в ЕС, остальные участвуют в ЕАСТ, завершающей переговоры об интеграции с Сообществом. Не дожидаясь их завершения, Швеция в июле официально попросит о предоставлении ей членства в ЕС. Сильнейшее искушение последовать ее примеру испытывают Норвегия и Финляндия, чьи валюты уже привязаны к европейской расчетной единице экю. Буквально 2–3 года такого развития событий обещают привести в Сообщество «ценности Севера», если не породит в нем «северный блок», и одновременно вплотную приблизит Единую Европу к советским границам. Поэтому СССР необходимо сделать очень многое, чтобы и через «окно Петрово» всесторонне общаться с континентом.

Единая Европа обязательно будет играть растущую военно-политическую роль на континенте и в мире. Данный процесс неизбежно затронет и советские интересы. То, как это скажется на стратегической ситуации в Северной Европе, станет для Советского Союза репетицией перемен на его западной границе: Польша, Чехо-Словакия и Венгрия в перспективе сблизятся или сольются с ЕС. Надежды на то, что восточноевропейцы пополнят группу нейтральных государств Европы, сегодня однозначно перечеркнуты. Восточный экспресс отправится в Европу вслед за Северным. Настанет ли черед и Транссибирского?

В Осло М. Горбачев намекнул, что если «делка века» между СССР и Западом не состоится, то «нам придется искать какой-то другой путь». Но разве не его мы безуспешно нащупывали 74 года?

Александр Полюхов

СТОКГОЛЬМ

Кеннет Каунда: Я очень счастливый, недоумевающий человек

В Лусаке президент Замбии принял главного редактора «НВ» Александра Пумпянского и ответил на его вопросы

Политиков, которым он благоволит, он приглашает на партию в гольф — и обычно выигрывает. Прочих, включая журналистов, на завтрак в президентский дворец в 7.30 утра. Сам он вегетарианец. Подтянутая фигура в светлом костюме оригинального покроя — нечто среднее между маоцзедуновкой и одеянием английского аристократа на сафари. В левой руке лилейно-белый платок — античный знак чистоты и миротворчества. Первый премьер-министр независимой Замбии и ее бессменный президент, лидер правящей партии, которая до недавнего времени была единственной, один из патриархов всеафриканской борьбы за независимость, 67-летний Кеннет Дэвид Каунда говорит о де Клерке и Горбачеве, о превратностях борьбы, тяготах жизни и бремени власти. И — впервые, по его словам, так откровенно, о социализме и капитализме.

«Новое время». Я хотел бы задать вам несколько вопросов о положении, сложившемся на Юге Африки и в Южно-Африканской Республике. В этой части мира происходят огромные, драматические перемены. События в ЮАР развиваются стремительно. Южноафриканские войска выведены из Анголы, Намибия деколонизована, прекращено вмешательство во внутренние дела Мозамбика, заметно стремление руководства ЮАР к установлению партнерских отношений с другими государствами. Что вы думаете по поводу самого понятия «прифронтовые государства»: не устало ли оно?

Кеннет Каунда. Прежде всего я хотел бы сказать вам: добро пожаловать в Замбию!

«НВ». Благодарю вас.

К.К. События, которые происходят сейчас в ЮАР и Южной Африке в целом, — это совокупный итог приложения самых разных сил. В первую очередь это решительные действия самого народа ЮАР: африканцев, выходцев из Азии, мулатов, так называемых цветных, и либерально настроенных белых. Нельзя забывать также и об одном, пожалуй, главном факторе. Мы получали поддержку из самых различных уголков мира. В этом контексте мы должны назвать роль Орга-

низации африканского единства (ОАЕ), в которой «прифронтовые государства» представлены подкомитетом. Следует отметить и последовательные усилия вашей страны — Советского Союза, и его помощь в то время, когда велась вооруженная борьба. Ни одно западное государство не поддерживало вооруженную борьбу африканцев в ЮАР, Намибии, Мозамбике, Анголе и некоторых других странах. Вместе с тем мы никогда не забудем усилий многих либеральных деятелей и членов правительства ряда западных стран. Мы помним о поддержке, оказанной нам многими международными организациями во главе с ООН.

К действиям вышеуказанных сил следует добавить выход на политическую сцену де Клерка, который стал центральной фигурой во всем процессе.

Мы достигли стадии консолидации освободительной борьбы и, пожалуй, приблизились к ее завершению. И тогда исчерпает себя и понятие «прифронтовые государства», поскольку единственной целью «прифронтовых государств» было сплочение народных масс нашего региона в целом и ЮАР в частности. Потребуются еще усилия, но я верю, что уже в будущем году или несколько позже понятие «прифронтовые государства» как таковое попросту исчезнет. Наш регион превратится в арену многостороннего сотрудничества: политического, экономического, в социальной, культурной сферах. Так мне видится развитие событий. «Прифронтовое» состояние наших государств скоро прекратится, и этому можно только радоваться.

«НВ». Вы отметили личную роль де Клерка. Вы были, по-моему, первым, кто сделал шаги ему навстречу, за что подверглись критике, если я не ошибаюсь, со стороны ваших африканских коллег. Было ли это предвидением? Что вы думали тогда и думаете сейчас по этому поводу? Как вы представляете себе диалог с ЮАР?

К.К. Коль скоро вы напомнили мне о критике в мой адрес, я позволю себе обратиться к прошлому, к подоплеке событий. Первую серьезную попытку установить контакт с лидерами ЮАР я предпринял в 1974 году, когда направил послание ныне покойному премьер-министру ЮАР Форстеру. На состоявшейся встрече я добился немало. Удалось освободить из долгосрочного тюремного заключения Роберта Мугабе, Джошуа Нкомо и других товарищей. Что касается независимости народов Южной Африки, то мы ни до чего не договорились, если не считать обоюдного согласия найти мирное решение для Зимбабве, которая тогда называлась Южной Родезией.

Встречался я и с уходящим с поста президента Питером Ботой и также изложил ему свою неизменную пози-

цию. Да, действительно, мои коллеги критиковали меня. Но совесть моя чиста: я встречался с руководителями ЮАР не для того, чтобы добиться каких-то выгод для Замбии. Моей целью всегда было содействие борьбе с апартеидом. Перед Богом моя совесть чиста, и мне нечего стыдиться.

Теперь о де Клерке. Встретившись с ним на мосту у водопада Виктория, я, должен сказать, был довольно резок. Я сказал ему: «Я пришел к вам, чтобы составить себе представление о вас, чтобы узнать, кто вы такой — мессия, которого мы ждем, или очередной президент-правитель». Он спокойно выслушал меня и, улыбаясь, сказал: «Г-н президент! Я скорее хотел бы быть Моисеем, чем Иисусом». Мы все заулыбались, и напряженность исчезла. После серьезных дискуссий мы провели совместную пресс-конференцию. Я так сказал о нем представителям прессы: «Я верю в честность и искренность этого человека, и, действуя с ним рука об руку, мы сможем покончить с апартеидом».

Я помню, как встретился с товарищем Горбачевым в 1987 году. Замбия тогда во второй раз заняла председательское место в ОАЕ, а я только что нанес визит президенту Рейгану. Горбачев сказал мне, что мы должны решить наши проблемы мирным путем. Я в сомнении спросил его: «Вы имеете в виду ситуацию на Юге Африки?» «Да», — ответил он. У меня были большие сомнения, но на этот раз я ошибся. Горбачев сказал: «Мы поможем вам достичь вашей цели». Но я продолжал сомневаться. Как вы помните, несколько южноафриканских лидеров уже подвергали меня критике, и я не был полностью уверен в правоте Горбачева. Но он оказался прав. Это он сломал барьеры между Востоком и Западом и устранил страх перед Советским Союзом, царивший в умах западных руководителей. Это он перекинул мост между Востоком и Западом, и этот мост помог изменить ситуацию в ЮАР. Соединенные Штаты и Советский Союз стали партнерами в деле ликвидации апартеида. Вот почему мы с готовностью поддержали идею отказа от вооруженной борьбы.

Но вернемся к нашей теме. Когда мы говорим о ликвидации апартеида, мы не должны забывать о проблемах, созданных самими африканцами. Апартеид расколол наше общество. О глубине возникших противоречий свидетельствует борьба между различными африканскими общинами. И может оказаться, что эти противоречия будут труднее преодолеть, чем противоречия между белым и черным населением. Те, кто готов оказать нам помощь в деле создания новой ситуации в Южной Африке, должны помнить об этой специфической проблеме, а именно — о расколе среди самих африканцев. Если эту проблему не держать под контролем, она может оказать пагубное влияние на соседние страны. Достаточно взглянуть на карту народонаселения, чтобы вспомнить, что представители тех же этнических групп проживают в Свазиленде, в Ле-

сото, в Зимбабве. И сложные этнические распри могут из ЮАР перекинуться в другие страны. Те из нас в нашем регионе, кто хотел бы заручиться помощью великих держав Востока и Запада, не должны забывать об этой проблеме.

«НВ». У вас сложились очень хорошие отношения с Африканским национальным конгрессом. Долгие годы штаб-квартира этой организации находилась в Лусаке. Не считаете ли вы, что АНК в последнее время склоняется к чересчур жесткой позиции?

К.К. Да и нет. Да — проявляет

ЮАР. Формы борьбы с апартеидом меняются, но борьба остается
Фото Николая Решетника

жесткость, иногда излишнюю, в отношении президента де Клерка. Нет — если помнить, что АНК возглавляет борьбу широких масс африканцев за освобождение от многовекового рабства. В такой ситуации очень трудно придерживаться сбалансированной позиции.

Представьте себе: вы почти дошли до дома, но между вами и домом пролегла глубокая пропасть, и вы должны перекинуть через нее мост. К тому же вам нужны поддержка со стороны ваших последователей, со стороны широких народных масс, но также и понимание белого населения. А оно в значительной мере разделено на два лагеря — прогрессистов, которых возглавляет президент де Клерк, и консерваторов, весьма влиятельных в вооруженных силах. Поэтому АНК не может позволить себе быть ни слишком благодушным, ни слишком жестким. Суметь занять хорошо сбалансированную позицию — нелегкое дело. Я считаю, что АНК делает огромное дело в чрезвычайно трудных условиях.

«НВ». Вы встречались с такими аф-

риканскими лидерами, как Бутелези, Туту и другие. Как вы оцениваете процесс национального примирения в ЮАР? Какова ваша формула компромисса?

К.К. Кого вы имеете в виду: черных и белых? Или черных и черных?

«НВ». И тех и других.

К.К. Ситуация в ЮАР выдвинула из среды африканского народа целую плеяду способнейших лидеров национального и мирового масштаба. Я имею в виду многих лидеров АНК, которых уже нет среди нас. Я говорю также об Оливере Тамбо, Нельсоне Манделе, Уолтере Сисулу. Я говорю о Бутелези, об архиепископе Туту. Мы должны предоставить им шанс навести мосты в этой ситуации. Поэтому мы горячо приветствовали встречи представителей АНК и «Инката» (партия, возглавляемая Бутелези. В национально-освободительном движении ЮАР — основной оппонент АНК. Пользуется поддержкой народа зулу — в отличие от АНК, популярного среди народа коса. — Ред.). Мы заняли такую позицию пару лет назад и теперь, когда Нельсон Мандела вышел на свободу, мы продолжаем призывать их не прерывать эти встречи. Я уверен, что их встречи принесут свои плоды, хотя мы и не всегда согласны с тем, что говорят эти лидеры. Я считаю, что нет другого пути к цели, кроме переговоров. АНК и Panafricanский конгресс (ПАК — организация, объединяющая часть черного населения ЮАР и выступающая с крайних позиций. — Ред.) подписали совместную декларацию, явившуюся важным вкладом в политику наведения мостов, о которой я говорил выше. Начинают складываться условия, позволяющие найти выход из существующего положения. Для нас таким выходом являются переговоры и совместная борьба за ликвидацию апартеида. Это — единственный путь, который может дать результаты.

«НВ». Я хотел бы задать вам более общий вопрос о положении в Африке и ее историческом пути, поскольку вы один из отцов-основателей африканской независимости. Тридцать лет назад весь мир отмечал Год Африки. Все ли было сделано правильно за прошедшие 30 лет? Если бы вам представилась возможность что-то изменить в прошлом, что бы вы изменили?

У нас в стране порой можно услышать такие речи: мол, демократия — дело хорошее, но вот народ не созрел для нее. Даже если дорога выбрана верно, это не значит, что она будет усыпана розами. И все-таки. Каковы

результаты процессов, которые начались 30 лет назад? Такие ли они, как мечталось отцам-основателям африканской независимости?

К.К. То, что мне хотелось бы изменить, изменить было невозможно. А хотелось бы мне изменить ту ситуацию, которая привела к разделу континента на колониальные владения. Силы колониализма, против которых мы восстали, своими корнями уходили в далекие времена работорговли. Возникшие на континенте молодые государства были столь хрупки, что малейшее нарушение равновесия приводило к межнациональным конфликтам. К счастью, мы не сделали хотя бы одной ошибки. Наши отцы-основатели были мудры и предупреждали нас, чтобы мы не покушались на старые колониальные границы. Мы были вынуждены оставить эти границы нетронутыми, ибо, если бы мы попытались изменить их, это привело бы к междоусобным войнам, что и случилось, когда такие попытки предпринимались.

Итак, что я мог бы изменить? Оглядываясь в прошлое, могу сказать: очень немного, почти ничего, потому что на нас воздействовали силы, находившиеся вне нашего контроля. В разгар борьбы между Востоком и Западом мы не могли распоряжаться даже собственной независимостью. Мы должны были следовать либо за Востоком, либо за Западом. Если бы следовали за Востоком, то вас считали врагом Запада, и наоборот. Это касалось даже тех, кто был искренне привержен идеям неприсоединения.

Что касается движения за независимость, то я не думаю, что мы могли бы сделать что-то лучше, чем сделали и продолжаем делать теперь. Возьмите хотя бы активное участие Замбии в урегулировании положения в Анголе, Мозамбике, Зимбабве, Намибии и даже в ЮАР. В каждой из этих стран мы призывали к образованию правительства национального единства. Там, где наши коллеги следовали нашим скромным советам, воцарялся относительный мир; там, где их отвергали, начиналась гражданская война. Поэтому боюсь, что ничего лучше, чем дать своим коллегам совет укреплять национальное единство, мы не могли.

«НВ». Еще один вопрос политико-философского характера. Сейчас в нашей стране тщательно изучается само понятие «социализм». Критики утверждают, что социализм — это такая система, которая больше устраивает правителей, чем народ. Что социализм в отличие от капитализма не обеспечивает эффективного производства. Что вы думаете о самом понятии «социализм»?

К.К. Я думаю, что сейчас это самый кардинальный вопрос для всего мирового развития.

«Социализм против капитализма» — так обычно ставится вопрос. Признаться, я впервые высказываюсь на этот счет, хотя немало думал на эту тему, особенно в последнее время. Капитализм — это способ производства. И как способ производства он верен.

Что неверно, так это способ распределения, то, на что идут доходы. Я отвергаю логику, когда богатые богатеют еще больше — за счет бедных. Другими словами, капиталисты преподали нам некоторые уроки, которые нам еще предстоит усвоить, ведь способ производства, которым они пользуются, имеет под собой научную основу. Социализм же следует оценивать по тому, на что идут доходы.

«НВ». Читатели «Нового времени», безусловно, отметят то, что столь важную мысль вы впервые высказываете именно в этой беседе. Теперь вопрос личного свойства. Что представляет собой психологический аспект власти? Вы находитесь у власти 27 лет — рекордное время, и, вне всякого сомнения, это невыносимо тяжелое бремя. Каково быть «отцом нации» столь долгий срок? И что придает вам уверенности в необходимости продолжения вашей миссии?

К.К. Я твердо верю в то, что человек — создание Бога. Я также твердо верю в ценность человека, каким его создал Бог. По моему скромному мнению, людей нельзя разделять по идеологическим, религиозным и подобным признакам. Эти категории — слуги человека, а не хозяева над ним. Даже религия не должна господствовать над человеком. Религия должна быть (я не говорю, что стала) тем светлым путем, который ведет к Богу, в Царство Господне. Вся концепция моего пребывания у власти заключается прежде всего в служении Богу, моему Создателю, а затем, что не менее важно, в служении человеку, сотворенному Богом по образу своему и подобию. Я хотел бы верить, что мои отношения с соратниками зиждятся на четырех силах: любви, правде, социальной справедливости и честности. Такова основа моего вклада в развитие моей любимой страны. Отсюда и моя философия гуманизма. И я понял, что не может быть гуманизма без социализма, а социализма без гуманизма. Я и сейчас продолжаю работать над этой концепцией.

Итак, я занимаю президентский пост потому, что вижу в этом возможность служить Богу, моему Создателю. Для меня Бог — это, по существу, моя жизнь. И я часто говорю моим соотечественникам, что, если я соберусь с силами написать свои мемуары, я обязательно расскажу, как в трудных и сложных ситуациях Бог приходил к нам на помощь.

Я вижу нить, связующую Бога с жизнью человека, и хочу понять смысл сотворения Богом человека на Земле и создания для него необходимых условий. Я постоянно спрашиваю себя: зачем я здесь? Откуда я и куда иду? Какова моя роль здесь? И не нахожу ответов на эти вопросы. Я очень счастливый, недоумевающий человек. Счастливый, потому что верю в существование Бога. Счастливое состояние духа подкашивает меня, что я прав, стараясь познать человека не только через постулаты Библии, но и — за что меня критикуют мои единоверцы-христиане — через мировоззрение других религий, признающих бо-

жественное происхождение человека. Разве я могу сказать мусульманам, индусам, последователям Конфуция и другим иноверам, что они не имеют права жить на этой земле и что только мы, христиане, имеем такое право. Этого я не могу сказать никому. Кто я, чтобы говорить такие вещи? У меня сложный склад ума, но счастливый характер.

«НВ». И, пожалуй, последний вопрос. Во многих отношениях наши страны совершенно несхожи. И тем не менее не могли бы вы сравнить положение в наших странах?

К.К. Я бы сказал, что между вашей страной и моей имеется много общего. В обеих странах происходят грандиозные перемены. Это счастливые перемены, перемены к лучшему. Но это отнюдь не означает, что они проходят легко. Я уверен, вы знаете, как высоко мы ценим Горбачева, с каким уважением и любовью мы к нему относимся. Я считаю его великим человеком, настоящим гигантом. Человек Востока, человек Запада, человек Севера, человек Юга — таков Горбачев. Но изменить систему в такой стране, как Советский Союз, дело нелегкое. В конце нашей беседы с Горбачевым я сказал, что буду молиться за него.

Мы хотим, чтобы Советский Союз не распался и остался единым государством. Мир не может допустить его развала. Всему миру — сегодня, завтра и всегда — нужен единый Советский Союз.

Что касается Замбии, то мы переживаем сейчас период весьма болезненных перемен. Мы приняли чрезвычайно важные решения, и я могу с гордостью сказать, что партии ЮНИП, которой я имею честь руководить, принадлежит заслуга в осуществлении реформ. Впереди референдум (по вопросу о введении многопартийности. — Ред.). Мы понимаем, что перемены должны проходить решительно, быстро и обязательно мирным путем.

Да, партия ЮНИП сейчас оседлала тигра из-за серьезнейших экономических проблем, которые обрушились на нашу страну по не зависящим от нас обстоятельствам. В самом деле, цены на нефть повышаются, а мы ее не производим. Это отражается на всей экономике нашей страны. Что тут можно сделать? Ничего, абсолютно ничего. 10–12 лет назад за одну тонну меди, которую мы экспортируем, можно было купить трактор, а теперь для этого требуется 8 тонн меди. Издержки же производства не уменьшились. В результате мы получаем все меньше и меньше денег за тонну меди. И никакое чудо здесь не поможет. Да, нам нужна помощь. И нам нужно нечто большее, а именно повышение цен на нашу продукцию.

В заключение я хотел бы сказать следующее. Да, у нас много общего. У нас происходят коренные сдвиги, которые принесут нам успех. Мы осуществляем серьезные политические и экономические реформы и просим: молитесь за нас! Вместе мы победим.

Золотой ложки не будет

**Пока «верхи» спорят,
«низы» затягивают
пояса и бастуют**

■ ■ ■ **Н**ад входом в один из тиранских магазинов висят два оставшихся после недавних выборов плаката с призывами голосовать: один — за Албанскую партию труда, другой — за оппозиционную Демократическую партию. Под плакатами — очередь: вот-вот должны подвезти хлеб. Картинка, характерная для сегодняшней Албании: политическая борьба и полупустые прилавки.

За последнее время изменения здесь произошли чувствительные. На улицах появились частные торговки, предлагающие жареные котлеты и лепешки. Ожил городской базар, где продукты соседствуют с неизвестно как попавшей сюда гонконговской техникой и юврами с ликом Христа. Жители Тираны уже без опаски общаются с иностранцами, не рискуя, как некоторое время назад, после подобных бесед «добровольно» сменить место жительства. Все это так. Но коренных изменений в экономической ситуации не происходит. Снабжение населения явно не улучшается.

Экономические трудности вызывают у населения недовольство, которое недавно вылилось во всеобщую забастовку. По призыву независимых албанских профсоюзов, все более становящихся самостоятельной политической силой, несколько сот тысяч человек прекратили работу. Правительство вынуждено было пойти на уступки, согласившись с 50-процентным повышением заработной платы. Однако забастовка продолжается.

Начиная реформы, албанское руководство рассчитывало на их постепенность и намеревалось избежать серьезных потрясений. Рамиз Алия говорил, что Албания учит негативный опыт других социалистических стран, которые начали преобразования «с хвоста, а не с головы». Но концепция «дозированных перемен» оказалась несостоятельной. Почувствовав вкус к переменам, народ требует все новых и новых шагов.

«Уличная демократия» нередко перерастает в буйство, в схватки с полицией. Течет кровь.

Тысячи албанцев любимы пу-

Доты на пляже: напоминание о недавнем прошлом...

Фото из журнала «Панорама» (Италия)

тями пытаются выехать за границу, главным образом в соседние Италию, Грецию, Югославию. Так возникла новая проблема — массовое бегство. Причем если вначале она волновала албанские власти, то теперь, на мой взгляд, больше беспокоит те страны, куда бегут албанцы.

На фоне сложной политической и экономической ситуации в Албании разворачивается серьезное противоборство между властями и оппозицией. Расклад сил в парламенте выглядит весьма благополучно для правящей партии. АПТ имеет в Народном собрании абсолютное большинство мест (около 67 процентов). Но правящая партия утратила прежнюю монолитность, и в коридорах ее центральных органов повеяло плюрализмом. Одни ее руководители убеждены, что АПТ уже и так слишком далеко зашла в процессе реформ. Другие, наоборот, считают, что, если не будет серьезно реформирована и сама партия, власть ей долго удерживать не удастся, а недавняя победа на выборах может оказаться «пирровой».

Учитывая серьезную разделенность общества и сложную экономическую ситуацию, правящая партия предложила оппозиции сотрудничать в составе коалиционного правительства. Вначале в ответ последовало молчание, затем отказ. Войти в правительство означало бы для оппозиции взять на себя долю ответственности за будущее.

Однако отказ оппозиции от со-

трудничества с АПТ привел к еще более острой политической конфронтации и росту напряженности.

В этой обстановке обе противостоящие стороны нашли достаточно мужества, чтобы пойти на взаимные уступки. Парламент принял решение об отставке однопартийного правительства премьер-министра Нано. Оппозиция согласилась на создание правительственной коалиции. Причем члены будущего коалиционного правительства должны будут приостановить свое членство в партиях, чтобы работать в интересах не каких-либо политических сил, а всей страны. Формирование нового правительства поручено Юлье Буфи. В прежнем кабинете он занимал пост министра пищевой промышленности. Решено также провести в ближайшем будущем новые выборы в парламент.

Новое правительство начинает работать в нелегкое время. Да, принятые решения помогли смягчить общественное недовольство. Волна стачек спадает. Тем не менее обстановка продолжает оставаться сложной. Имея в виду и эту сложность, и немалые трудности в ближайшем будущем, Рамиз Алия не так давно заявил: «Мы не обещаем, что народ будет есть из золотой ложки». В Албании по этому поводу шутят, что даже золотая ложка не пойдет в рот, если в нее нечего будет положить.

Геннадий Сысоев,
соб. корр. «Нового времени»
ТИРАНА — БЕЛГРАД

Отлив коммунизма

Каким будет левое движение в Восточной Европе

Павел Кандель,
кандидат исторических наук

Гегель сегодня — не в моде, особенно в Восточной Европе. И даже среди людей, до недавнего времени обязанных считать гегелевскую философию одним из источников своего мировоззрения, немало найдется теперь охотников применять формулу «все действительное — разумно» к роковым для их партий событиям 1989—1990 годов. Однако судьба коммунистического движения в странах этого региона — закономерный результат пророческого развития.

Цена недоверия

На неслучайность событий указывает уже их одновременность в самых разных странах Центральной и Восточной Европы: 2—3-х лет оказалось достаточно, чтобы один и тот же процесс развернулся от ГДР до Албании. О том же свидетельствует и его повторяемость в основных чертах, а иногда и вплоть до деталей.

Созданный коммунистическим движением «реальный социализм», ставший историческим заместителем капитализма и его соперником, со своей задачей не справился и бесславно закончил свою миссию, погребая под своими обломками и движение, вызвавшее его к жизни. Признав историческую несостоятельность того общественного строя, который под единовластным руководством компартий создавался, они тем самым расписались и в собственной исторической ненужности. Вынужденное взять на вооружение идеи рыночной экономики, гражданского общества, правового государства и политического плюрализма, коммунистическое движение утратило собственное идейно-политическое лицо и какие-либо шансы на доверие со стороны общества.

Серия тактических ошибок, поразительно однотипных в различных странах, завершила дело. Ни остающаяся пока достаточно внушительной численность компартий, ни довольно солидный процент голосов, отданных за ПДС в Германии и КПЧ в Чехословакии, ни победы на выборах в Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории, которые, судя по многим признакам, окажутся недолговечными, не

должны обманывать: в обозримом будущем ни компартии, ни их наследницы сколько-нибудь серьезных шансов на успех не имеют. Поражение, которое эти партии потерпели, имея огромное материально-финансовое и организационное преимущество над своими соперниками, дает основания полагать, что в равных условиях коммунисты окажутся еще менее способными к политической борьбе. Неудача, постигшая коммунистов-реформаторов и левые общественные формирования (типа «Нового форума» в ГДР), свидетельствует о глубоком недоверии населения ко всему так или иначе связанному с идеей коммунизма или недостаточно радикально противостоящему «реальному социализму». О том же говорит изоляция компартий и их правопреемниц на политической сцене: даже партии левой или центристской ориентации не решаются вступать в какие-либо

соглашения с коммунистами или с теми, кто отождествляется с ними.

Можно, конечно, в кризисе прежних компартий усматривать залог их будущего возрождения. Значительно сократившись по численности, компартии и их правопреемницы все же вполне сопоставимы со своими соперниками по числу членов, а нередко и обходят их. К тому же массовость партии парламентского типа и не требуется. Отсутствие монополии на власть и идейно-политическую деятельность могло бы стимулировать обновление форм организации и методов борьбы за голоса избирателей.

Старость — не радость

Между тем возрастная, образовательная и социально-профессиональная структура коммунистических партий и обновившихся в социал-демократическом духе их наследниц показывает, что эти потенциальные возможности вряд ли будут использованы. Резкое «постарение» этих партий и снижение их образовательного уровня, очень скудный приток новых членов вообще, а молодежи и интеллигенции

Рисунок Е. Жи. Флисики (Польша)

в особенности, обрыв связей с массовыми организациями трудящихся, преобладание ностальгических настроений и интересов «бывших», отсутствие ярких политических лидеров, невысокая конкурентоспособность партийной прессы — все это не только непреодоленное наследие партийного прошлого, но симптом более глубоких изменений в обществе в целом.

Исчезла объективная основа былых успехов коммунистических партий: соединение массового рабочего движения с социалистической идеей. Новое рабочее движение ищет самовыражения в независимых профсоюзах, ведущих свою родословную из оппозиции властным структурам компартий. Социалистические идеи, точнее их творческий потенциал, ушли вместе с реформистско настроенной интеллигенцией сначала в обновленные в социал-демократическом духе политические образования, а затем, по мере освобождения от иллюзий, в формирование либерально-демократического толка.

На этом пути также не обошлось без идейных драм. Программа социалистического реформизма, еще имевшая последний исторический шанс в 1968 году, к исходу 80-х оказалась превзойденной и неосуществимой. Стремясь к «обновлению», коммунисты-реформаторы объективно могли лишь довершить демонтаж «реального социализма» и уступить лидерство более органичным и не обремененным прошлым выразителям идей рыночной экономики, правового государства и политического плюрализма.

Равнение — на маятник

Общей причиной неудач партий, разделивших политическое наследие коммунистов, стало отсутствие идейной, политической и социальной идентичности — невозможность найти свое собственное место в народившемся плюралистическом спектре. Правда, вульгарно-уравнительские и популистские настроения социальных низов, особенно усиливающиеся в результате болезненного перехода к рынку, как и прежде, остаются соблазнительным резервом. Однако левый радикализм скомпрометирован предшествующим развитием.

Результаты выборов в высшие и местные органы власти, данные социологических опросов и характер массовых выступлений трудящихся показывают не только постоянную тенденцию к сокращению числа сторонников компартий или балансированию на низком уровне. Примечательны

изменения в политической географии: поражения в городах, особенно в крупных. Симптоматично и сокращение электората этих партий.

Прочность такой избирательной базы и возможные «приливы» и «отливы» будут определяться степенью давления ныне властвующих политических сил на активистов «старого режима». Однако важнее, что и другие левые силы, даже выросшие из оппозиции «реальному социализму», успеха добиться не смогли.

В этом смысле наиболее значима неудача социал-демократов. Они должны были прийти к власти, если бы общество стремилось к эволюционным преобразованиям. Однако традиционная миссия социал-демократов — эволюционное реформаторство с опорой на государство и общественную собственность — ныне все больше ставится под сомнение даже в Западной Европе. В Центральной и Восточной Европе подобная роль оказалась тем более несочувствительна настроениям населения, жаждущего быстрых перемен. Не соответствует она и принципиально иной исторической задаче, стоящей на повестке дня: решительному разгосударствлению и переходу к рынку. Все это свидетельствует о резком сокращении традиционно левого фланга политического спектра в целом, о движении исторического маятника в противоположную сторону. Иными словами, левые силы обречены на долговременный неуспех потому, что перед обществом стоят исторически правые задачи.

Нет, конечно, правил без исключений. И можно вдохновляться опытом испанских и португальских социалистов, которые успешно осуществили переход к обществу европейского типа от авторитарного прошлого. Им, однако, не пришлось ни возрождать частную собственность, ни преобразовывать огосударвленную экономику в рыночную, ни ренанимировать стимулы производственной активности и восстанавливать естественные социальные связи.

В ассоциированном обществе будущего свобода личности сможет гармонично соединиться с коллективистскими формами жизнедеятельности. Однако созвучие идей этого общества с теми, что дискредитировали себя в исторической практике коммунистического эксперимента, не должно обманывать. Идеи коллективистского гуманизма, питаемые уже из других источников, свое воплощение, коль суждено им будущее, обретут в ином историческом времени и пространстве.

И.Ч.Е. —

**Институт внешней
торговли Италии**

**является
государственной
организацией и
проводит в жизнь
коммерческую политику
Министерства внешней
торговли Италии.**

Основан в 1926 году.

**Основная цель И.Ч.Е. —
развивать и поддерживать
промышленное и
технологическое
сотрудничество Италии с
внешним миром.
Главное управление
Института находится в
Риме; имеются 38 отделений
в Италии, 80 отделений и 5
Центров по торговле за
границей.
Общее количество
сотрудников насчитывает
примерно 2200 человек.**

**В СССР И.Ч.Е. представлен
коммерческим
представительством —
Отделом по развитию
торгового обмена при
посольстве Италии.**

**Центральное
представительство И.Ч.Е.
находится по адресу: Италия,
Рим, Виа Лист, 21**

**Московское
представительство И.Ч.Е.
находится по адресу:
Москва, Краснопресненская
наб., 12, офис 1002**

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

В поисках «третьего нуля»

Почему не начинаются советско-американские переговоры по тактическому ядерному оружию?

На вопросы «НВ» отвечает советник Управления по проблемам ограничения вооружений и разоружения МИД СССР **Сергей КОРТУНОВ**

«Новое время». Переговоры по тактическому ядерному оружию в Европе — следующий шаг в советско-американских отношениях. Их перспектива приветствовалась в Совместной декларации двадцати двух государств 19 ноября 1990 года в Париже. Тогда же Михаил Горбачев заявил, что СССР готов начать переговоры через 1–2 месяца после подписания Договора по обычным вооруженным силам в Европе. Договор подписан, а переговоры по тактическому ядерному оружию никак не начнутся...

Сергей Кортунюв. США не готовы. Они ссылаются на то, что в НАТО до сих пор идет согласование позиций к предстоящим переговорам. Причина подобной задержки, на мой взгляд, состоит не только в сложном и чрезвычайно деликатном характере «переговорной материи», но и в том, что на Западе в последнее время стали ставить под сомнение готовность СССР строго выполнять букву и дух Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Пока мы не восстановим доверия Запада, рассчитывать на быстрое начало новых переговоров не приходится.

«НВ». Значит ли это, что переговоры по тактическому ядерному оружию потеряли свою актуальность?

С.К. До недавнего времени страны НАТО категорически отклоняли саму идею таких переговоров и планировали модернизировать как воздушный, так и наземные компоненты тактического ядерного оружия. Теперь ситуация радикально изменилась. Страны НАТО пришли к выводу о значительном снижении роли тактического ядерного оружия в условиях новой военно-политической обстановки на континенте и решили после начала переговоров ликвидировать все ядерные артиллерийские снаряды на взаимной с СССР основе. В настоящий момент в НАТО идет активная проработка позиций на предстоящих переговорах. И я не сомневаюсь, что рано или поздно они начнутся.

«НВ». По мере того как стала вырисовываться перспектива новых переговоров, в кругах военных специалистов как на Западе, так и в СССР стали появляться сомнения, нужны ли они вообще.

С.К. На первый взгляд такие сомнения вполне обоснованы: ведь сокращение тактического ядерного оружия в Европе, по существу, уже предопределено развитием политической ситуации на континенте. Полный вывод советских войск из Чехословакии, Венгрии, Польши и Германии будет сопровождаться выводом и последующим сокращением советских ракетных комплексов тактического назначения, а также ликвидацией там складов ядерных боеприпасов. Объединение Германии сделало политически невозможным и бессмысленным с военной точки зрения сохранение на территории ФРГ ядерного оружия поля боя — ядерной артиллерии и тактических ракет «Ланс», равно как размещение здесь новых ракет «Ланс-2». Дальность этих ракет — 120 и до 500 километров — соответственно позволяет использовать их для поражения объектов исключительно на территории стран Восточной Европы. Ликвидация дисбалансов и асимметрий по обычным вооруженным силам в Европе лишает рационального обоснования известный натовский тезис, что тактический ядерный потенциал НАТО призван компенсировать «превосходство» ОВД в обычных силах в Европе. Кроме того, в новых политических условиях ставка на сохранение в неприкосновенности тактического ядерного оружия в Европе, не говоря уже о планах его модернизации, была бы связана с крупными политическими издержками для правительства любой европейской страны.

Вместе с тем большинство европейских стран, видимо, объективно заинтересовано в том, чтобы договорно зафиксировать эти так или иначе предопределенные сокращения. Кроме того, на переговорах можно достичь договоренности не просто об отводе тактического ядерного оружия, например из зоны Центральной Европы, но и его ликвидации. К тому же сокращения тактических ядерных средств предпочтительнее осуществлять под контролем, чем без него.

«НВ». А в чем состоит заинтере-

сованность Советского Союза в этих переговорах?

С.К. Максимальное сокращение ядерного оружия отвечало бы интересам обеспечения стабильности на континенте и построению новой системы общеевропейской безопасности. Кроме того, было бы желательно закрепить отказ НАТО от развертывания ракет «Ланс-2» в договорном порядке. Ключевым элементом модернизации становится теперь программа «ТАСМ», нацеленная на перевооружение самолетов-носителей НАТО новой управляемой ракетой СРЭМ-Т дальностью до 500 километров как в обычном, так и в ядерном оснащении. Интересам СССР отвечало бы ее максимальное ограничение.

«НВ». Можно ли ожидать, что в преддверии переговоров возродится известная концепция «третьего ядерного нуля»?

С.К. В обозримом будущем для большинства европейских стран НАТО по-прежнему будет неприемлемо «нулевое решение» по тактическому ядерному оружию. Они заинтересованы в сохранении потенциала «минимального ядерного сдерживания», для обеспечения «атлантической сцепки» со стратегическими ядерными силами США. Со своей стороны, США заинтересованы в том, чтобы оставить в Европе хотя бы минимум тактических ядерных средств для «прикрытия» дислоцированных там сухопутных сил. Страны НАТО хотят «легитимизировать» с помощью переговоров потенциал «минимального ядерного сдерживания» в Европе. На предстоящих переговорах США, по всей вероятности, будут делать упор на полную ликвидацию наземных компонентов этого оружия в Европе при сохранении и модернизации авиационных средств.

Возрождение выдвинутого СССР ранее требования немедленного «нулевого решения» по тактическому ядерному оружию, по всей вероятности, в нынешних условиях не отвечало бы и советским интересам. Не будем забывать, что при «третьем нуле» тактическое ядерное оружие НАТО морского базирования оставалось бы вне рамок переговоров.

В интересах СССР на предстоящих переговорах было бы добиваться радикального сокращения сил наземного и воздушного базирования до такого минимального уровня, который вместе с тем позволял бы нам сохранять общий ядерный баланс в Европе. Главным элементом тактической «ядерной триады»,

Рисунок из газеты «Цайт»

способной компенсировать в европейской зоне тактические ядерные возможности ВМС НАТО, является авиация. Здесь, таким образом, интересы СССР в отношении предмета будущих переговоров в известной степени совпадают с натовскими. Что касается наземных тактических средств, включая ракеты, то они по своим возможностям и дислокации не только в принципе не могут противостоят ВМС НАТО, но и противоречат нашему обязательству не применять первыми ядерное оружие. В условиях реальных военных действий они могут быть использованы только на ранней стадии конфликта — в противном случае они окажутся в руках нападающей стороны, даже если она применяет при этом лишь обычные вооруженные силы.

«НВ». Как быть с ядерным потенциалом «третьих» ядерных держав?

С.К. В переговоры еще долгое время, вероятно, трудно будет вовлечь другие ядерные державы. Например, Франция рассматривает свои ядерные средства малой дальности не в качестве тактических, а как «предстратегические» (средства последнего предупреждения). В этой связи, а также в силу того, что Франция не является членом военной организации НАТО, французы всячески подчеркивают, что проблема тактического ядерного оружия их не касается. По их логике, даже после ликвидации дисбалансов и асимметрий между СССР и НАТО в области обычных вооружений необходимость для Франции иметь «до-

стратегические средства» все равно сохранится. Вместе с тем быстрый выход на возможную договоренность по тактическому ядерному оружию без участия Франции может оказать влияние на динамику ее военного строительства в этой области, затруднив ее планы модернизации ГЯО (в частности замену ракет «Плутон» на ракеты «Адес»), а в последующем стать стимулом к присоединению к переговорам.

С учетом этого переговоры на первом этапе могли бы носить двусторонний советско-американский характер, как это предусмотрено в парижской Декларации 22-х государств. Другие ядерные державы НАТО, а также, возможно, страны — обладатели систем «двойного назначения» присоединились бы к ним позже. Но Англия и Франция, разумеется, должны проявлять сдержанность в отношении своих ядерных средств. Что касается Китая, то его участие в переговорах возможно лишь на этапе, когда будут выработываться глобальные решения.

«НВ». Будет ли обсуждаться на переговорах концепция минимального ядерного сдерживания?

С.К. Безусловно. Подтвержденная Президентом СССР на встрече в верхах в Париже готовность обсудить на уровне экспертов ядерных держав о том, что стоит за понятием «минимального сдерживания» и где тот предел, за которым потенциал ядерного возмездия превращается в потенциал нападения, отражает решимость Советского Союза продви-

гаться к ликвидации тактического ядерного оружия в Европе поэтапным путем, учитывая взгляды западных партнеров и не драматизировать разногласия с НАТО в вопросе о роли ядерного оружия в деле обеспечения безопасности.

Что касается уровня «минимального сдерживания», которого можно было бы достичь в результате первого этапа сокращения тактического ядерного оружия, то его не следует рассматривать как некую постоянную величину. Он будет понижаться по мере радикального сокращения обычных вооруженных сил в Европе, решения других проблем разоружения и в зависимости от эволюции отношений Восток — Запад в целом.

«НВ». Как быть с морскими тактическими ядерными вооружениями?

С.К. Без сокращения ядерного оружия морского базирования усилия на других направлениях ядерного разоружения будут, скорее всего, обесценены. Откроются широкие возможности для интенсивного «перелива» военного соперничества в данное направление гонки ядерных вооружений, «флангового» обхода будущих договоренностей. Ядерные вооружения на морях имеют для СССР в плане сдерживания большое значение. Тем не менее мы предложили США начать отдельные переговоры о поэтапном сокращении и ликвидации нестратегического ядерного оружия морского базирования. В ходе первого этапа мог бы быть рассмотрен вопрос о ликвидации всего такого оружия на надводных кораблях.

Наряду с этим должен быть кардинально решен вопрос о крылатых ракетах морского базирования большой дальности в ядерном оснащении, которые также следовало бы ликвидировать. Видимо, это и привело бы к установлению «минимального ядерного сдерживания» на морях.

Я полагаю, что в будущем нестратегические ядерные вооружения могут быть полностью ликвидированы. Взаимное сдерживание вполне может быть обеспечено исключительно стратегическими силами. Возможный минимальный уровень их будет определяться, с моей точки зрения, скорее политическими, чем военными соображениями.

Банкиры не любят, когда стреляют

Кажется, все двухмиллионное население страны — от мала до велика — занято бизнесом

Малолетние уличные торговцы в рваных майках и сто долларовых кроссовках на босу ногу предлагают по дешевке чуть ли не весь ассортимент западного универмага — от холодильников до презервативов. Одним словом, все, что успели наворовать...

Конечно, серьезный бизнес делается в Панаме не на улицах, а в офисах международных и национальных компаний и банков. В отличие от других стран Латинской Америки здесь стараются соблюдать принятые в международном деловом мире пунктуальность и этикет.

Зона для бизнесменов

Бизнесмен средней руки Эдуардо Куммингс пригласил меня в зону свободной торговли на экскурсию и по делам. Его компания в основном имеет дело с американскими клиентами. Однако Эдуардо с удовольствием взялся и за мой скромный заказ, состоявший главным образом из просьб советских коллег.

Какие преимущества дает бизнесмену Куммингсу свободная зона в Колоне?

Расположенная в 90 километрах от Панамы, она является крупнейшей в мире после Гонконга. Товарооборот зоны в 1990 году составил 6 миллиардов долларов. Колон — это скопище магазинов оптовой торговли. Это и гигантский перевалочный пункт, освобожденный от налогов, куда поступают товары со всего мира и хранятся до отправки в другие страны. Все преимущества свободной зоны распространяются и на промышленников, которые расположили здесь свои фабрики или мастерские.

По словам Э.Куммингса, свое дело здесь может открыть любой желающий — надо только приехать. Здесь не требуется даже предъявлять торговую лицензию. По закону зона выведена из-под подчинения национальной таможенной службы. Товары для реэкспорта освобождены от пошлины.

Используя стратегически выгодное географическое положение Колона, правительство Панамы создало все необходимые условия для

свободного предпринимательства. Законодательство, скопированное с аналогичных американских правил ведения бизнеса, обеспечивает простую и быструю организацию дела. Капитал или акции корпорации выражаются в любой валюте. Держателями акций, директорами или служащими компаний могут быть граждане любой страны. Однако фирмы, нанимающие на работу панамцев, получают дополнительные преимущества в налогообложении. Производители экспортной продукции освобождены от многих налогов и пошлин. Если доход компании, расположенной в Панаме, получен за пределами страны, она освобождена от выплаты подоходного налога.

Скажем, фирма моего панамского знакомого приобретает товары, произведенные в другой стране, стоимость которых выражена в местной валюте, затем продает их за доллары в США. Получаемый ею доход при этом не облагается налогом. Американский бизнесмен, в свою очередь, приобретает полуфабрикаты, произведенные в одной из стран Латинской Америки, доводит их до товарного вида на предприятии, расположенном в свободной зоне, сбывает их в Колоне, кладя в карман чистую прибыль. При этом он ни в коей мере не нарушает национального законодательства.

Политика панамского правительства всегда была направлена на поощрение иностранных капиталовложений в национальную экономику. Инвесторам нужна лишь лицензия министерства торговли и промышленности, они могут без ограничений заимствовать валютные средства за границей и внутри страны, делать необходимые выплаты за границу, переводить или репатриировать полученную прибыль.

Въезд, а особенно выезд из зоны тщательно контролируются полицией — запрещено вывозить товары без документа, подтверждающего их направление за границу. Как я ни уговаривал Куммингса забросить в багажник его автомашину купленную в зоне «мелочевку», он не согласился — закон есть закон. Пришлось все укладывать в общий багаж, который направлялся в аэропорт и мог

быть мне выдан только при отлете из страны.

После Норвегии

Элита делового мира Панамы — банкиры. Международный банковский центр (МБЦ) — это 110 иностранных и национальных банков, а также 185 их филиалов. Их штаб-квартиры придали панамской столице ультрасовременный вид. Только на обслуживании банков панамцы получают около 200 миллионов долларов прибыли ежегодно.

Первый иностранный банк появился в Панаме еще до первой мировой войны. Но настоящий банковский бум пришелся на 70-е годы, после вступления в силу законодательства, обеспечивающего полную тайну вклада.

Однако после того, как в 1987 году была принята поправка к банковскому законодательству, позволяющая властям замораживать счета по подозрению их владельцев в связях с наркобизнесом, доверие международных банкиров к МБЦ пошло на убыль. В 1989 году банковский мир был шокирован решением панамского правительства временно взять под свой контроль управление колумбийским «Банко де оксиденте», американский филиал которого был заподозрен в «отмывании» наркодоляров. «Сильный человек» Панамы — генерал Норвега — между тем организовал банк, который в американской печати обвинили в тех же грехах. Значительный урон репутации МБЦ был нанесен и американской вооруженной агрессией. Банкиры не любят, когда стреляют...

Вице-президент Панамы Г.Форд рассказал мне, что после смещения Норвеги доверие международных банковских кругов к Панаме постепенно восстанавливается. Однако, по его мнению, этот процесс займет немало времени. Неожиданным препятствием явилась позиция Вашингтона, который требует пересмотреть статьи национального банковского законодательства, гарантирующие полную тайну вклада. Американцы полагают, что нынешнее законодательство позволяет наркодолецам по-прежнему пользоваться панамскими банками. Панамское правительство, похоже, готово пойти на внесение в закон поправки, требующей от вкладчика указывать источники полученных средств, превышающих 10 тысяч долларов.

Лучше перебдеть?..

По списку иностранных компаний, зарегистрированных в Панаме, можно изучать географию мира.

Панама. Город, где еще не потеряли интереса к советскому рынку
 Фото из журнала «Нэшнл джиографик»

Нет здесь только ни одного советского названия. Но многие компании, например кубинские или никарагуанские, пользуясь либеральным панамским законодательством, не особенно рекламировали свое участие в тамошнем бизнесе. Кубе это позволяло довольно благополучно обходить американские торговые санкции.

Я попытался выяснить у своих панамских друзей, использует ли Советский Союз — хотя бы анонимно — благоприятные для бизнеса условия работы в этой стране. (От советских официальных представителей получить такую информацию было бы невозможно.) Никому из бизнесменов, с которыми удалось побеседовать, не известно о каком-либо самостоятельном присутствии советского предпринимательства в Панаме. Однако удалось выяснить, что через панамскую фирму «Моторес интернасьоналес», владельцем которой является бывший советский гражданин Родин, в Панаме была продана партия «Жигулей», «КамАЗов», фотоаппаратов... Фирма уже давно работает с миллионными прибылями, используя свободную зону Колона для сбыта продукции чуть ли не на всю Латинскую Америку. Но фирма панамская и посему только часть получаемой ею прибыли отчисляется советской стороне. И если вдруг господин Родин завтра сочтет не совсем прибыльным нынешний бизнес, советским производителям придется искать других купцов.

Но почему же советские торговцы сами не могут воспользоваться благоприятными условиями свободной зоны? На этот вопрос мне каждый раз указывали на, дес-

кать, отрицательное отношение советских «верхов» к участию в «панамском бизнесе». Действительно, директивные органы СССР в пору «большой оттепели» в советско-американских отношениях стеснялись какого-либо намека на дружбу с Норвегией. Как доверительно поведал мне один из бывших руководителей Революционно-демократической партии, «несмотря на все наши старания, Советский Союз всеми силами сопротивлялся установлению дипломатических отношений с Панамой». Он же откровенно рассказал о том, что в последний год правления Норвеги панамское правительство тщетно предлагало СССР бартерную сделку: бананы, сахар и кофе — за советские тракторы, электротурбины и другую продукцию машиностроения.

Не знаю, возможно, у наших МИД, МВТ или ЦК КПСС были веские причины отказываться от протянутой панамцами руки. Но всякий раз от родимой политической «сверхбдительности» страдают деловые интересы страны. Недавно установлены официальные отношения с правительством Г. Эндары, которого, кстати, пока признали далеко не все латиноамериканцы. Возможно, прежде чем торопиться с объявлением «свободных зон» на собственной территории, следует внимательно изучить панамский опыт, а то и самим попробовать окунуться в атмосферу свободного предпринимательства. Ведь в Панаме еще не потеряли интереса к советскому рынку. Пока.

Юрий Кудимов,
 соб. корр. «Нового времени»
 ПАНАМА — МЕХИКО

● VIII Московская международная книжная ярмарка будет проходить в Москве на территории ВДНХ СССР с 3 по 9 сентября 1991 года.

● Дирекция международных книжных ярмарок и выставок находится по адресу: 103006, Москва, ул. Чехова, 16. Телефон: 299-40-34, телеграф: Москва ЭКСПОКНИГА.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Moscow International Book Fair

Она была самой могущественной женщиной в мире

В Пекине в возрасте 77 лет покорила с собой вдова Мао Цзэдуна — Цзян Цин

Бывшая актриса, четвертая и последняя жена Мао Цзэдуна, член политбюро китайской компартии, вдохновительница «культурной революции», Цзян Цин тридцать лет упорно добивалась того, чтобы почти единолично повелевать самым многочисленным народом в мире. Ей казалось, что цель близка, но после смерти Мао она стала жертвой борьбы за власть, которую сама вела столько десятилетий.

Незадолго до смерти Мао написал ей письмо: «Сейчас мы расстаемся и будем находиться в разных мирах. Да будет мир каждому из нас. Эти несколько слов могут оказаться последним посланием тебе. Человеческая жизнь ограничена, но революция не знает границ. В борьбе, которую я вел последние десять лет, я пытался достичь вершины революции, но меня постигла неудача. Но ты можешь достичь вершины. Если тебе это не удастся, ты упадешь в бездонную пропасть. Твое тело разобьется вдребезги. Твои кости поломаются».

Мао Цзэдуна умер 9 сентября 1976 года. Траурная церемония продолжалась восемь дней. На венке, который Цзян Цин возложила к его гробу, было написано: «Твоя ученица и соратница». Она не хотела быть вдовой великого человека, она хотела заменить его. Цзян Цин всегда считала: «Единственный путь, который позволяет не быть пешкой в чужих руках, — это обрести власть». Так же думал и сменивший Мао на партийном посту Хуа Гофэн.

Он приказал «навсегда исключить» Цзян Цин из компартии и арестовать ее. Пленум ЦК КПК поступил в лучших традициях мирового коммунистического движения. Как и члены советского партийного ареопага, которые за четверть века до этого свергали всемогущего Лаврентия Берия, члены ЦК КПК сообщили китайскому народу, что член политбюро Цзян Цин «в 1935 году была завербована контрразведкой гоминьдана. С тех пор Цзян

Цзян Цин и Мао Цзэдуна. Тридцать восемь лет они были вместе. Ее приговорили к смертной казни, заменив пожизненным заключением. Ему воздвигли мавзолей

Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

Цин служила гоминьдану. В 1937 году, скрыв свое помещичье происхождение и контрреволюционную биографию предательницы, она пробралась в партию».

Отправленная в тюрьму, Цзян Цин уже не могла видеть, как весь Китай требовал расправы над ней, но при желании она могла представить себе эти картины. Ей достаточно было бы вспомнить беснующиеся толпы времен «культурной революции».

Цзян Цин присутствовала тогда на митингах хунвэйбинов и кричала им: «Председатель Мао шлет вам свой привет!» И толпа отзывалась радостными криками: «Учиться у товарища Цзян Цин! Клянемся стоять насмерть за товарища Цзян Цин!» Теперь лозунги были другие: «Раскроем сестру Цзян Цин на 10 тысяч кусков».

Профессор Нью-Йоркского университета Роксана Уитке, которая провела в 1971 году долгие недели в беседах с Цзян Цин, писала: «Цзян Цин следует помнить как человека необычайной смелости, как одного из вождей революционного авангарда». Ее жизнь, как пишет Роксана Уитке, была одинокой и трудной, лишеной доверия и нежности. Несколько лет она тяжело болела. Лечили ее в Москве. Советские врачи диагностировали рак, ее облучали, она очень страдала, но поразительным образом преодолела неизлечимый недуг, подобно Солженицину. Возможно, это свойство особо сильных натур.

Цзян Цин ощущала постоянную неуверенность в отношении самого Мао. После развода с первой женой,

простой крестьянкой, навязанной ему родителями, он женился на интеллигентной женщине, родившей ему троих детей, и бросил ее. Третью жену, которая помешалась во время Великого похода, сначала отправили в Советский Союз в изгнание, затем вернули в Китай, где заточили в психиатрическую лечебницу. Обоих своих преемников и ближайших соратников — Лю Шаоци и Линь Бяо — Мао уничтожил. Могла ли Цзян Цин чувствовать себя уверенно?

Стремление устроить свою жизнь, понятное для женщины, вышедшей замуж за человека, старше ее на 20 лет, подкрепились качествами, которые подметил советский разведчик Петр Владимиров, который в 40-е годы работал при ЦК КПК «под крышей» корреспондента ТАСС: «Для Цзян Цин характерна крайняя целеустремленность. Темперамент подталкивает раскладку. Не знает жалости к себе, ее заботит только карьера. Пока молодая, спешит к цели...»

Культурная революция, которая вознесла Цзян Цин к вождельному креслу в политбюро, отбросила Китай назад, искалечила духовно и нравственно китайскую молодежь.

Как и Лаврентия Берия, Цзян Цин судили не за реальные преступления, потому что роль судей взяли на себя столь же виновные перед собственным народом люди. Китайцам, видимо, придется еще подождать, прежде чем они смогут узнать правду о жене великого вождя, о нем самом и о том, что происходило в их стране начиная с 1949 года.

Виталий Шувалов

«ВЕСТНИК СТОЛИЦЫ» —

информационно-
рекламный
еженедельник
фирмы

«ГУРАШ»

- Цена номера — 50 копеек
- Стоимость подписки на год (52 номера) с пересылкой — 26 руб.
- На полгода (26 номеров) — 13 руб.
- На квартал (13 номеров) — 6 руб. 50 коп. К сожалению, нет гарантий, что розничная цена останется неизменной.

Деньги нужно перечислить (отправить почтовым переводом) на расчетный счет фирмы «ГУРАШ» №468217 в Мосбизнесбанке, МФО 299093. Копию платежного поручения (квитанцию о переводе) отправьте по нашему адресу: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 4, кв. 34. Фирма «ГУРАШ». Укажите в письме адрес, по которому Вы хотите получать газету. Можно оформить подписку с любого месяца (укажите с какого).

— **«ВЕСТНИК СТОЛИЦЫ»** — это информация и сведения о купле-продаже продукции, сырья, оборудования, материалов, технологий и т.п.

Разделы и рубрики: «Продаю», «Куплю», «Предлагаю услуги», «Приглашаю», «Сниму», «Объявления», «Меняю», «Обмен жилой площади», «В записную книжку», «Новые книги, журналы, газеты», «Кроссворд», «Досуг», «Киноафиша и телепрограмма», «Туризм» и «Разное, разное, разное...»

— **«МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛУЖБА ЗНАКОМСТВ»** предлагает Вам следующие виды услуг:

— Публикация объявления в «ВС» (по желанию вместе с фотографией). Стоимость объявления — 25 рублей, для иностранных граждан — 5 долларов США (перечисляются на расчетный счет фирмы «ГУРАШ»). Квитанция вместе с текстом объявления пересылается по адресу: 103055, Москва, а/я 165.

— Пересылка писем абонентам осуществляется бесплатно. Приложить чистый конверт с маркой. Тайна переписки гарантируется. Справки по телефону: 321-70-98 ежедневно, кроме субботы и воскресенья.

— **«ВЕСТНИК СТОЛИЦЫ»** поступает в продажу в понедельник.

— **ПРИГЛАШАЕМ** к сотрудничеству малые предприятия, кооперативы, частные фирмы, а также иные организации из разных городов страны, занимающиеся распространением периодической печати. По Вашим заявкам готовы отправить любое количество экземпляров «ВС» и приложений к нему для продажи.

Товарная скидка — взаимовыгодная, по договоренности.

Принимаются предложения от частных лиц и семей.

— **РЕКЛАМНЫЙ ОТДЕЛ** еженедельника «ВЕСТНИК СТОЛИЦЫ» принимает объявления от организаций, предприятий и кооперативов, частных фирм и отдельных граждан ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 9.00 до 18.00. Гражданам иметь при себе паспорт.

Справки:
321-70-98 (отдел распространения)

Адрес редакции:
109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 4, кв. 34

Киевская Русь: Киев или Русь?

Михаил Литов

Кое-что к вопросу о происхождении, родстве и различиях двух народов

На Украине, которая еще недавно рекомендовалась не иначе как свободная и цветущая младшая сестра России, беспокойно. Во Львове демонтировали памятник Ленину, а униаты захватывают храмы, ранее принадлежавшие православной церкви. В Киеве религиозные фанатики не позволили патриарху Алексию войти в Софийский собор, в пылу уличной полемики назвав его убийцей, а Софийский собор объявив святыней украинской автокефальной церкви. Даже в городах, дух которых вернее всего назвать космополитическим, порой проходят довольно шумные демонстрации с требованием самостоятельности. Одни шеголяются на улицах в казацких нарядах и через маскарад пытаются возродить былую запорожскую вольницу, другие, более умеренные, предпочитают внешней стороне и эффектам продуманность, взвешенность позиции, рассуждают о прошлом, настоящем и буду-

щем украинского народа. Третьи — русские или обрусевшие, которых на Украине великое множество, спрашивают: а для чего ей, Украине, самостоятельность, если она никогда и свободной-то не была?

Украинское правительство и отнюдь не безропотный украинский парламент заявляют о готовности подписать Союзный договор и тут же, опираясь на столь обнадеживающий факт, как обнаружение в украинских недрах золота (в количествах, способных вывести республику в первый ряд золотодобывающих стран), пугают центр угрозами запустить в оборот собственную денежную единицу — гривну.

Что же происходит? Прежде всего, конечно, налицо стремление украинцев ощутить себя нацией, а то и создать собственное национальное государство. Но это с точки зрения самих украинцев. Если же смотреть из Москвы и взять глубже благодушных московских рассуждений о новых веяниях в национальном вопросе — налицо обычный сепаратизм. Его отличие, скажем, от литовского в том, что литовцы все-таки другой, не слишком похожий на нас народ, а

украинцы в массовом сознании как бы и вовсе «свои» или даже совсем не народ в настоящем смысле слова, а некое отвлечение, «модификация» русского народа. Приезжая на Украину, доброжелательный и широкий московский житель от души потешается над «мовой» и искренне недоумевает, видя в тамошних музеях кое-какие остатки былых

Митинг на площади Богдана Хмельницкого в Киеве. Рух требует независимости Украины. СССР вновь называют «империей зла» — на этот раз «свои»...

сокровищ, — почему они до сих пор не в Эрмитаже или Третьяковской галерее?

Убить невозможно, но...

Но если вину за такое поведение мы можем свалить на простоту и неосведомленность туриста, то рассуждения на интересующую нас тему многих русских образованных людей, в том числе историков и философов, способны и насторожить. В 60-е годы XIX века В.Я.Шульгин, основав газету «Киевлянин», в первом же номере определил направление своей мысли так: «Юго-западный край — русский, русский, русский». Правда, не все разделяли его троекратно утвержденную веру, и в нашем столетии, тотчас после Февральской революции, на Украине началось брожение, обладавшее чертами националистическими по преимуществу. Брожение это привело к созданию Украинской народной республики (УНР), а затем и к войне с большевистской Россией. И не только с большевистской.

С севера бежали на Украину побежденные классы, бежала интеллигенция, и в самом Киеве создавались союзы, партии, группировки, мечтавшие о возрождении неделимой России и не желавшие ничего слышать об украинской самостоятельности, которая представлялась им затеей двух-трех бездельников, объявивших себя выразителями дум и чаяний на самом деле не существующего народа. Между тем украинское возрождение, что бы ни думали русские беженцы, меньше всего было маскардом. У его истоков стояли такие люди с европейским образованием и заслуженной известностью, как историк Грушевский и писатель Винниченко.

УНР, теснимая с одной стороны большевиками, с другой — белыми, с третьей испытывавшая давление

Антанты, была раздавлена. И впоследствии этот краткий период почти независимого, хотя в каком-то смысле и действительно опереточного, существования Украины (период, в который, по мнению Винниченко, произошло возрождение украинской нации) старались не вспоминать ни советская официальная история, ни зарубежные русские историки. Социолог русского зарубежья П.А.Соколин пишет: «Русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа — великороссов, украинцев и белорусов...»

Другой не менее уважаемый философ, Г.П.Федотов, справедливо указывавший, что русская культура — единственная культура с мировым значением из всех сложившихся на территории Союза культур, утверждает: «Задача эта для нас формулируется так: не только удержать Украину в теле России, но встроить и украинскую культуру в культуру русскую. Мы присутствуем при бурном и чрезвычайно опасном для нас процессе: зарождении нового украинского национального сознания, в сущности новой нации. Она еще не родилась окончательно, и ее судьбы еще не предопределены. Убить ее невозможно, но можно работать над тем, чтобы ее самосознание утверждало себя как особую форму русского самосознания. Южно-русское (малорусское) племя было первым создателем русского государства, заложило основы нашей национальной культуры и себя самого всегда именovalo русским (до конца XIX в.). Его судьба во многом зависит от того, будем ли мы (то есть великороссы) сознавать его близость или отталкиваться от него, как от чужого. В последнем случае, мы неизбежно его потеряем».

Итак, с точки зрения русских, украинской нации как таковой, по сути дела, нет, а есть партия интеллигентов, грезящих о существовании

такого народа и воображающих себя его представителями, или, что того хуже, два-три забавных персонажа, облачившиеся в наряды, которые они по какой-то прихоти считают национальными украинскими одеждами. Отсюда следует, что украинский язык — всего лишь диалект, а украинская культура не только мелочь великоросской, но и вообще некая случайная отрасль последней.

Хмельницкого не так поняли

Пожалуй, украинцы, выступавшие в натиске русификации, придерживаются все-таки несколько иного мнения. Россия и Украина воссоединились в 1654 году, и историки, особенно советского времени, сделали многое, чтобы представить это событие как долгожданное для обеих сторон. Между тем следовало бы признать, что Богдан Хмельницкий, герой войны, приведшей к освобождению от польского ига и объединению с Россией, искал не столько союза со «старшим братом» и общности исторических судеб, сколько союзника для Украины в той кровопролитной борьбе, которую она вела. Конечно, общность веры сыграла роль в том, что взгляды украинцев обратились к Москве, но было бы преувеличением говорить, что все они как один испытывали душевный подъем от перспективы подчинения московскому царю.

Народ, почти все время своего существования принужденный вести войну то с одним, то с другим захватчиком, не спешит безоглядно кидаться в объятия другого народа. Запорожские казаки, игравшие видную роль в жизни Украины, — этот как бы народ в народе, всецело посвятивший себя войне с поляками и крымскими татарами, преследовавший вполне конкретные цели национального освобождения, а при первой же возможности ходивший за добычей и в Бессарабию, и даже в Россию, — одобрили планы Хмельницкого обратиться за помощью к Москве. Однако от присяги на верность русскому царю казаки пытались уклониться, и не без труда удалось заставить их сделать это. Украинский историк Эварницкий в трехтомной «Истории запорожских казаков» приводит письмо запорожцев — их ответ Богдану Хмельницкому на запрос, согласны ли они перейти под власть русского царя. «Потому, — пишут казаки, между прочим, — не советуем и вам с этого времени заботиться о приязни к полякам, а мысль вашу об отдаче всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущего, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монарха российского принимаем за достойную внимания и даем вам наш войсковой совет, не оставляя этого дела, привести его к концу, к наилучшей пользе нашей малороссийской отчизны и всего запорожского войска. И когда будете писать вы пакты,

то извольте, ваша гетманская мосць, сами усердно досматривать, чтобы в них не было чего-нибудь лишнего и отчизне нашей шкодливого, а предковечным правам и вольностям нашим противного и неполезного».

Вряд ли запорожцы, рассуждая о «предковечных правах и вольностях», полагали, что все настоящие потомки их предков давно уже обитают в Москве, а сами они разве что по недоразумению или случайности, какие случаются в истории, задержались по обеим сторонам Днепра и впрямь называться кочевниками или обитателями полумифической окраины, но только не полноценным народом... Но пойдем еще глубже в историю.

Будем верить Геродоту?

Ни у кого из знаменитых русских историков мы не найдем и намека на какую-либо иную связь Киевской Руси с Украиной, кроме той, что из нее, как из колыбели, вышли все русские народы, в том числе и украинский. Но вот робко и почти нелегально возникает украинская историческая школа, и ее глава М.С. Грушевский берет на себя смелость утверждать: племена, заселявшие Киевскую Русь, значительно отличались от северных, образовавших впоследствии Русь Московскую, и были именно украинскими племенами, которые никак не могли вдруг превратиться в великороссов, белорусов и еще для собственного национального тела кое-что сохранить. «Украинский этнический тип, — пишет он в «Очерке истории украинского народа», — отличается от своих ближайших родственников — великороссов и белорусов — также и в других отношениях: особенностями антропологическими в тесном смысле, т.е. физическим устройством тела (формой черепа, ростом, соотношениями частей тела) и чертами психофизическими, проявляющимися в народном характере, психологии, складе семейных и общественных отношений. В сфере фольклора и этнографии, формах частного и общественного быта украинская народность запечатлена многими характеристическими особенностями, и эти последние, как физические, так и духовные черты, также имеют за собою не во всем одинаковую, но весьма значительную давность... Как в лингвистическом, так и в психофизическом отношении обособление народностей украинской, белорусской и великорусской выходит далеко за пределы истории. Выходя из своей прародины, эти группы племен, уже там отмеченные известными отличиями, попадали в различные физические, экономические и культурные условия, в различную этнографическую среду. Так великорусская народность

формируется преимущественно на финской почве, белорусская — в близком общении с литовскою группою, украинская — в вечном соседстве с тюрками».

Вполне вероятно, что вопрос о происхождении, о родстве и различиях трех народов, которых то безоговорочно объединяют в один, то пытаются развести едва ли не на противоположные полюса, не только спорен и неясен, но и вовсе неразрешим. В конце концов из древнейших времен до нас дошли не основательные факты, а смутные художественные отголоски, среди которых весьма почетное место занимает свидетельство отца истории Геродота о скифской земле с ее одноглазыми обитателями, стерегущими золото...

По укоренившейся у нас традиции мы считаем украинцев народом до тех пор, пока они согласны признать себя ветвью русского народа.

Нам показалось бы нелепым, если бы американцы, достигнув промышленного и военного могущества, внезапно стали бы считать англичан, от которых они когда-то «ушли», чем-то вроде карикатурного отпочкования от своего национального тела. Разумеется, и англичане, видя достигнутое американцами могущество, не спешат объявлять их своими блудными сыновьями. Но нам смешны попытки украинцев зажить собственной историей, для чего им необходимо не только определить меру своей будущей независимости, но и отнять у нас часть нашей истории, которую мы считаем безоговорочно своей, лишить нас права исторического владения Киевской Русью (которая, однако, территориально располагалась именно там, где и поныне живут люди, считающие себя украинцами).

Национальное самосознание русских нынче не на высоте. В течение веков оно держалось на психологии «собирателей земли русской», которая в одних случаях выступала вдохновительницей борьбы с иноземными захватчиками, в других — оправдывала захват чужих земель. Идеи «Третьего Рима», идеи православия о Вселенском соборе долгое время питали русскую культуру и сделали ее мировой, но эти идеи и не возникли бы, если бы русские не выплеснулись за края своего расселения и не завладели обширнейшей территорией, подчинив себе великое множество народов. Культуры этих последних вынуждены сосуществовать рядом с великой русской культурой, сознавая свою малость, а иногда и попросту отдавая ей собственные силы. Если бы этого не происходило, мы, наверное, не имели бы Достоевского с его вселенскими идеями, Толстого с его эпическим размахом и уж наверняка не имели бы русского писателя Гоголя. Мы и не

имеем титанов с тех пор, как народ, собравший вокруг себя множество других народов и, когда с пользой, когда себе и другим во вред, воспользовавшийся их силами, втиснули в искусственное советское тело и объявили ему, что не велика честь почитать себя русскими.

Что дальше?

Тернии же перестроенного времени показали нам вполне, что лучше обстоит с национальным духом там, где освобождаются от власти вековых догм и мифов, тогда как попытки возродить их — прямой путь к махровому национализму.

Естественно спросить: от чего освобождаться самосознанию русских? От психологии собирателей земли, от понимания себя как силы, объединяющей множество меньших народов, от великодержавных иллюзий Достоевского и мягкой гордыни толстовства? Но что же останется, если именно это ввелось в плоть и кровь, а другого рода идеи не нашли достаточного отклика в русском сердце?

Украинцы хотят быть не условным, не призрачным, а настоящим и всеми признанным народом; и это их право, которое безнравственно было бы оспаривать. Но их победа — не обрекает ли она нас, русских, вкуче с более или менее подобными победами других народов, на положение призрачного народа? И дело не только в возможных территориальных потерях. Дело в том ударе, в том моральном ущербе, который будет нанесен традициям русских, привычкам, культуре, нашему национальному самосознанию.

Нам хочется верить, что все завершится полюбовным соглашением, разум восторжествует и беды не произойдет. Однако политический договор может разве что на время снять напряжение, а не разорвать узел неразрешимых нравственных, исторических, культурных и прочих противоречий, поставивших Россию и Украину в положение исподволь враждующих сторон. Украинцы помнят уроки истории. По их мнению, у них нет никаких гарантий, что заключенный сегодня на самых благоприятных и необыкновенных условиях союз завтра не обернется новой волной русификации, доброжелательного насилия. Уже сейчас можно сказать, что претензии наших младших братьев, еще и не достигнув полного размаха, больно бьют по нашему самолюбию. Как бы ни повернулись события, мы должны понять, что мир идей, к которому так тянулась всегда наша «всечеловеческая отзывчивость», гораздо шире и многообразнее, чем то нам представлялось. А идейное многообразие как ничто другое развивает гибкость народной души».

Его адрес: Пермь-35

Через шесть лет после первого приговора суд признал, что у Александра Голдовича «были и позитивные взгляды»

Судьба 44-летнего Александра Голдовича, отбывающего срок заключения в печально знаменитой 35-й пермской зоне, трагична — и вместе с тем носит черты нелепого фарса, который, соревнуясь в степени удаления от здравого смысла, разыгрывали человек и система.

Голдовича и его 20-летнюю жену Наталью Соколову задержали при попытке пересечения границы в апреле 1985-го, по стечению обстоятельств, в день рождения Ленина; в те же дни рождалась перестройка, о чем два человека, решившиеся на маленьком надувном плотике, купленном в «Детском мире», добраться по Черному морю до Турции, не подозревали.

Голдович хотел эмигрировать, но у него было физическое образование, и это сводило все шансы на нет. Поэтому — нелепый плотик. Позднее Голдович объяснит: он не имел намерения выступать против строя — и решил покинуть страну так, чтобы никому не причинить зла... Пограничники плотик не заметили — его вернул уже из нейтральных вод бдительный экипаж рыболовецкого судна.

На берегу Голдович поначалу твердил, что он — американец Голдинг. Но вскоре, сломленный и подавленный, начал говорить. Человек, которому грозила лишь ст. 83 УК РСФСР (незаконное пересечение границы — до 3 лет лишения свободы), сделал себе «политическое» дело. Статья 64 («измена Родине»), ст. 70 («антисоветская агитация и пропаганда»), ст. 75 («разглашение государственной тайны») и — для полноты картины — ст. 88 («нарушение правил о валютных операциях»).

Валютные операции Голдовича заключались в том, что он дал иностранцу рубли взамен на обещание вернуть долларами, если когда-нибудь они встретятся на Западе. Обвинение в разглашении государственной тайны зиждилось на словах самого Голдовича о намерении поведать Западу (Западу в целом, а не кому-то конкретно) о тайных советских ядерных испытаниях вопреки заключенным договорам (потом оказалось, что конкретной информацией Голдович не располагал и то была лишь спорная форма пацифизма). Голдович рассказал сле-

дователю, что просил друзей передать эти «сведения» одному знакомому, женатому на американке...

В приговоре, постановленном не в 60–70-е и даже не в 1980-м, а в 1985 году, «антисоветская агитация и пропаганда» Голдовича была описана так:

говорил жене, что в стране должно существовать несколько партий, реальный парламент; клеветнически утверждал об отсутствии в СССР демократических свобод; одобрял частную инициативу. Заявлял о бесперспективности социалистического строя, извращал внутреннюю и внешнюю политику КПСС (критиковал вторжение в Афганистан. — Ред.). Ну и кроме того, дома у Голдовича нашли Бердяева, Солженицына, Сахарова, Оруэлла, а при нем — «тенденциозную информацию» о советском образе жизни (трудности с продовольствием и тому подобное).

Приговор гласил: 15 лет строгого режима с конфискацией имущества плюс 5 лет ссылки. Так Александр Голдович оказался в Перми.

Наталья Соколова отсидела полтора года по ст.83, развелась с мужем и заключила новый брак.

Первое время, как вспоминают

Александр Голдович: осталось еще 5 лет...

его товарищи по лагерю, Голдович, казалось, решил заслужить досрочное освобождение примерным поведением — в конфликты с администрацией не вступал. Но затем включился в деятельную борьбу за права других заключенных.

Голдович настаивал, чтобы администрация лагеря пропустила в зону литературу по праву (в частности, ооноские Минимальные правила обращения с заключенными), религиозную литературу (белорус Голдович стал в зоне убежденным католиком); он требовал, чтобы его и его товарищей открыто называли «политическими заключенными», объявлял о планах голодовок протеста в дни международных встреч. Вероятно, в связи с этим недавно он был лишен права на дополнительную передачу из дому.

Годы заключения дались Голдовичу нелегко. Он страдает язвой, энтероколитом, расширением вен. У него было сломано ребро, недавно, работая на станке, он повредил руку. Адвокат Татьяна Кузнецова, посещавшая Голдовича в декабре прошлого года, обратила внимание на его замедленную, неэмоциональную речь.

Тогда Голдовичу оставалось еще 10 лет лагеря. Но в начале 1991-го Президиум Верховного Суда РСФСР в ответ на жалобу адвоката пересмотрел дело и существенно изменил приговор.

Ст. 70 в ее старом виде уже не существует — однако предусмотренное по ней наказание Голдович уже, увы, отбыл. Суд согласился с адвокатом в том, что, отправляясь в свое неудачное плавание, Голдович руководствовался личными мотивами, а не «умышленно действовал в ущерб государственной безопасности и обороноспособности»; исключил из обвинения факт разглашения Голдовичем государственной тайны. «Впрочем, — говорит Татьяна Кузнецова, — даже при той квалификации действий Голдовича, которая была оставлена, суд имел формальную возможность не изменять меру наказания». Однако судьи не стали заниматься казуистикой и по новому приговору срок наказания практически уменьшен вдвое, что Кузнецова считает «знаком времени». В постановлении суда есть фраза о том, что у Голдовича «были и позитивные взгляды»...

Александр Голдовичу осталось сидеть около 5 лет. В Москве его ждут мать, инвалид войны 2-й группы, и сестра. Три года назад они ездили в Пермь. Повторить этот путь просто — даже физически...

Лев Елин

Маузер для всех?

Статья 218 Уголовного кодекса РСФСР обещает до пяти лет лишения свободы за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ. Однако если вы все же решили приобрести для самозащиты нечто более весомое, чем милицейский свисток (потому что живете в высоко криминогенном районе, часто возвращаетесь домой поздно вечером, открыли кооператив и боитесь рэкетиров, купили видеомагнитофон и не успели обзавестись железной дверью — нужное подчеркнуть), то на любом «рижском рынке» страны, не очень-то опасаясь Уголовного кодекса, вам предложат целый арсенал: пистолет Макарова идет по цене 2800 — 3500 рублей, автомат Калашникова — 25 000, пулемет — 45 000—60 000, газовый баллончик — 200 — 400. О последнем в законе ничего не сказано. Но если у вас его найдут, то изымут.

Однако не все могут отважиться на такие покупки. И растут очереди в милицмейские отделения, чтобы поставить квартиру на сигнализацию. Поднимаются цены на больших и зубастых «друзей человека», способных защитить своих хозяев. Дома проседают под тяжестью бронированных дверей, запоров, «кричащих» цепочек. Общество вплотную подошло к вопросу: нужна ли нам свободная торговля оружием? Допустима ли? — Ни в коем случае! — говорят одни. — При нашей культуре будут стрелять в очередях. А преступники станут постоянными клиентами подобных лавочек.

Другие возражают: «Если милиция не может нас защитить, то спасение утопающих — дело рук самих утопающих. А преступники оружие достают и сейчас». Те же аргументы «за» и «против» давно звучат за рубежом. В США дискуссия о торговле оружием идет уже два столетия...

Советские люди
вооружаются.
Газовый
баллончик или
пистолет в
кармане
надежнее, чем
крики о помощи в
темной
подворотне.
Однако пока
такие меры
личной
безопасности
караются законом

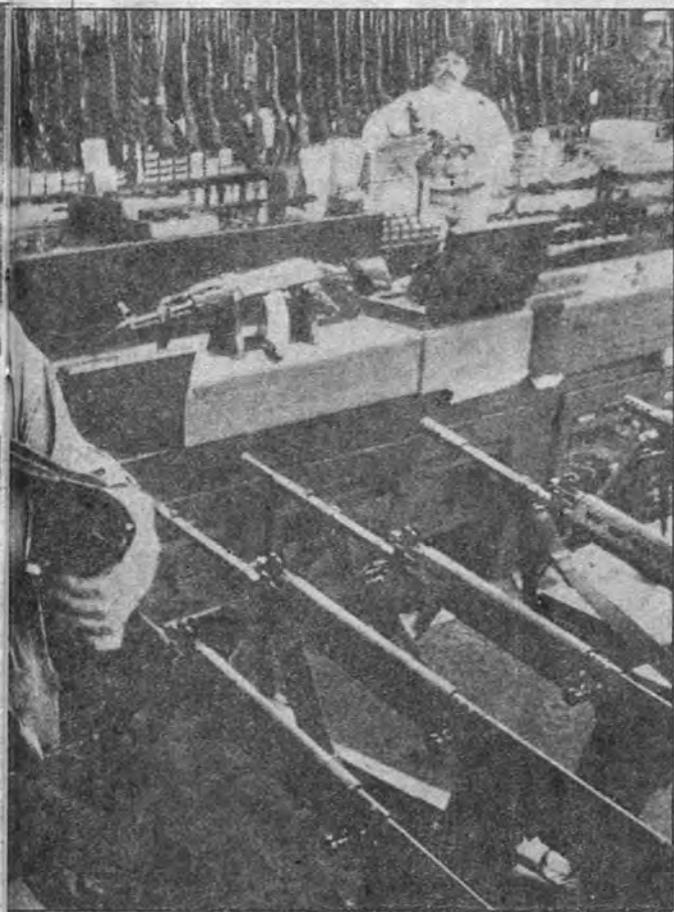
Свободные мужчины и женщины имеют право...

Константин Шухнов

Кольтом и винчестером осваивали переселенцы из Старого Света дикий запад американского континента. Многие в Соединенных Штатах считают, что именно право владеть оружием сделало страну великой державой. Длинный ствол с круглым барабаном стал одним из символов американского образа жизни наряду с «кока-колой» и жевательной резинкой.

Вторая поправка конституции США гласит: «Поскольку для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное народное ополчение, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям». С тех пор, как эта поправка вступила в силу, прошло 200 лет, но споры вокруг свободной продажи оружия идут до сих пор.

Противники частного владения ору-

жали в основном забавы ради — для охоты, спортивной стрельбы и коллекционирования, то в 80–90-х годах более половины американцев покупают его для самозащиты. Результаты проведенного в тюрьмах США социологического опроса подтверждают справедливость такой точки зрения.

В течение трех лет Джеймс Райт и Питер Росси опросили около двух тысяч заключенных и получили следующие результаты.

56 процентов преступников признались, что не стали бы нападать на свою жертву, если бы знали, что она вооружена. 57 процентов опрошенных считают большей опасностью встречу с вооруженными людьми, нежели немедленное обращение ограбленных в полицию. Трое из четырех взломщиков опасаются проникать в дома, когда там находятся хозяева, из страха получить пулю в лоб.

Приобрести боевое оружие в Америке легко. Правда, в северных штатах вам придется подождать несколько недель, в Нью-Йорке — 30

дней, пока в оружейном магазине не свяжутся с полицией и не проверят вашу личность. Зато на юге — во Флориде, Техасе или Вирджинии — достаточно показать местные водительские права — и можно купить хоть весь магазин. Подлинность документов не проверяется, а подделка права для умельцев не составляет большого труда. Впрочем, можно и не утруждать себя, а за 100 долларов взять напрокат настоящие у местных жителей, делающих на этом свой маленький бизнес. Некоторые из южан предпочитают сами заниматься выгодным делом перепродажи оружия. Купив на юге «Магнум» за 250 долларов, они сбывают его втридорога на улицах Нью-Йорка.

Противоположной точки зрения придерживаются по крайней мере 70 миллионов американцев, которые держат дома огнестрельное оружие. Они, в свою очередь, ссылаются на слова одного из отцов-основателей США Ричарда Генри Ли: «Народное ополчение, когда оно должным образом организовано, — это в действительности сами люди... и включает в себя всех, кто способен носить оружие».

Конституционное право подкрепляется жизненной необходимостью: жить стало опасней. Образ взломщика с безобидной «фомкой» в руках безвозвратно ушел в прошлое. Американские полицейские отмечают возрастающую среди преступников тенденцию не просто иметь в кармане пистолет на всякий «пожарный случай», но и готовность пустить его в ход, если жертва сопротивляется или грозит арест.

Если в 50–60-х годах оружие дер-

жинными Штатами во время восьмилетней войны во Вьетнаме.

Каждое новое покушение на политический акт, совершенный в отношении рядовых американцев, вызывает бурю негодования. Выстрелы маньяка Джона Хинкли, легко ранившие в марте 1981 года президента Рональда Рейгана и оставившие на всю жизнь калекой его пресс-секретаря Джеймса Брейди, подняли мощную волну протестов против свободной продажи оружия.

Пока президент и его пресс-секретарь лечились в госпитале, жена Брейди отправилась в пропагандистский вояж по стране. Пресса была в основном на ее стороне. Спустя шесть лет — в 1987 году — вопрос об ужесточении продажи оружия был впервые вынесен на слушание в конгрессе США. Дискуссия развернулась вокруг поправки, получившей название «Билль Брейди», предусматривавшей единую для всех штатов недельную проверку для желающих купить оружие.

17 января 1989 года американцы содрогнулись, узнав о чудовищном преступлении. В тот день 26-летний безработный Патрик Пьюрди открыл огонь из автомата Калашникова по детям на школьном дворе в калифорнийском городе Стоктон. Убив пятерых и ранив 29 школьников и учителя, Патрик пустил пулю в себя. На следующий день в оружейных магазинах стояли очереди взбуряемых граждан, желающих обезопасить от террористических актов свою жизнь и жизнь своих семей. Развернулась дискуссия о запрете на продажу полуавтоматического оружия.

С тех пор как принятый в 1934 году федеральный закон США сделал практически невозможным для частных лиц покупку автоматов типа советского АК47, наиболее распространенным оружием преступников, террористов и сумасшедших стали именно полуавтоматические винтовки. В частном владении их находится более миллиона. Особой популярностью пользуется китайский полуавтоматический вариант «калашникова». Довольно широко распространено охотничье ружье «Ремингтон 7400», мало чем отличающееся по боевым характеристикам от АК47, разве что выглядит оно не так грозно и ведет огонь короткими очередями.

Опрос, проведенный Институтом Гэллапа по заказу журнала «Ньюсуик» после трагедии в Стоктоне, показал: 72 процента американцев выступают за запрет на продажу подобного оружия. Мнение рядовых американцев поддержали влиятельные организации — такие, как Коалиция за прекращение вооруженного насилия, Организация контроля за оружием, многочисленные полицейские и юридические ассо-

«Билль Брейди»

Оружие в доме представляет порой немалую опасность. В США растет количество несчастных случаев, самоубийств и убийств во время ссор именно потому, что в неподходящий момент оружие оказалось под рукой.

Только в течение 1984 и 1985 годов число американцев, погибших от огнестрельного оружия (учитываются все случаи), превысило количество потерь, понесенных Сое-

циации. В 1989 году Бюро алкоголя, табачных изделий и огнестрельного оружия США объявило о временном запрещении импорта боевого оружия для фирм, производящих израильский Узи, китайский АКС.

И Буш, и Рейган

Однако забила тревогу Национальная стрелковая ассоциация (НСА) — самый активный защитник прав владельцев оружия в США. 3 миллиона ее членов не собираются зачехлять свои винтовки. «Смотри в оба! Охотничьи ружья будут следующими!» — предупреждает НСА и приводит веские аргументы в свою пользу. Согласно данным комиссии, недавно созданной властями Флориды, лишь 0,1 процента огнестрельного оружия, используемого преступниками в 1986–1989 годах в этом охваченном войной с наркоманией штате, было полуавтоматическим. По статистике ФБР, из 800 офицеров полиции, убитых за прошедшие десять лет, только 12 погибло от выстрелов из полуавтоматического оружия. Члены НСА считают, что нужно искоренять причину насилия, то есть ловить преступников, а не ограничивать продажу средств совершения преступлений. «Убивает человек, а не оружие», — говорят они.

Сторонники воскресных стрельб по тарелочкам, любители охоты и коллекционеры оружия предлагают искать «золотую» середину. Принимаемые законы, считают они, должны учитывать права и мнения как приверженцев оружия, так и их оппонентов.

«Билль Брейди» так и не был принят. Одна из причин: он не затрагивал основные источники приобретения оружия преступниками — кражи и «черный рынок». Дискуссия о необходимости внесения поправки становится все жестче. Но пока оружие беспрепятственно пересекает границы штатов, легко попадает в руки торговцев наркотиками, уличных бандитов и сумасшедших.

Сторонникам запрета на продажу оружия вряд ли стоит рассчитывать на поддержку администрации Буша. Нынешний президент США — пожизненный член Национальной стрелковой ассоциации. Хотя он и согласился на временный запрет импортного боевого оружия, его позиция ясно прозвучала в одной из речей: «Свободные мужчины и женщины имеют право владеть оружием для защиты своего дома». Кстати, и бывший американский президент Рональд Рейган был противником любых ограничений продажи оружия, даже несмотря на неудавшееся покушение на его жизнь...

ВАШИНГТОН—МОСКВА

Убивать вилкой неудобно

Анатолий Наумов,

профессор, доктор юридических наук

Допустим, я, не доверяя нашим правоохранительным органам, незаконно приобрел пистолет. И однажды он действительно понадобился: на меня напала группа молодых парней и стала жестоко избивать, требуя деньги. Я сумел воспользоваться своим оружием и застрелил одного или двоих нападавших. С точки зрения уголовного закона в моих действиях — правомерная необходимая оборона. Но, освобождаясь от уголовной ответственности за применение (в рамках необходимой обороны) незаконно находящегося у меня оружия — огнестрельного или холодного, я буду осужден за его ношение. По УК РСФСР (статья 218) мне грозит наказание вплоть до лишения свободы сроком до пяти лет.

Вопрос о разрешении продажи оружия населению еще сложнее и противоречивее. Например, у нас растет количество не только убийств, но и изнасилований. Что ж, вооружим девушек. Теперь-то они смогут себя защитить. Представим ситуацию: тьма-тьмушая наших подъездов, откуда ни до традиционной, ни до нарождающейся муниципальной милиции не докричишься; группа подонков встречает запоздавшую девушку. А у той — пистолет. «Бах-бах» — и зло наказано, и невинность сохранена. Чудо, как хорошо. Но только вот тот, кто хоть раз в жизни пользовался нашим «макаровым», лишь усмехнется: финал истории будет совсем иной. Девушка просто не сможет выстрелить, ее все равно изнасилуют, а с помощью отобранного у нее пистолета будут угрожать еще многим и многим людям.

Примерно половина совершаемых убийств — это убийства побутильничков во время ссоры при распитии спиртных напитков. Но в самих ссорах каждая вторая жертва остается все-таки в живых, и содеянное квалифицируется уже как покушение на убийство. Отчего бы это? Да просто от того, что убивать вилкой, столовым ножом, бутылкой, табуреткой и всем тем, что попадет под руку на столе, менее удобно, чем из пистолета или винтовки.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что у нас в стране и так «гуляет» много оружия. Масштабы нелегального хранения оружия определить очень сложно. Рассерженный президент, наделенный чрезвычайными полномочиями, приказал изъять это оружие за 15 дней. Увы, и за 215 дней указ президента выполнить не удалось. Поэтому лично я против свободной продажи оружия. Но за свободную продажу газовых баллончиков, хотя не исключаю, что и от этого будут издержки.

«Оружие в руках советского человека так же опасно, как спички у ребенка»

Эдуард Калачев,
генерал-майор милиции,
начальник Главного
управления охраны
общественного порядка
МВД СССР

При нынешней нестабильной политической обстановке, постоянно ухудшающемся криминогенном положении в стране возможность покупать оружие в магазинах принесет только вред. В нынешней ситуации нужен более жесткий закон.

В 1990 году количество преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, возросло на одну треть. Арсенал преступного мира сейчас богат и разнообразен. Процветает торговля оружием на «черном рынке», где оно оказывается в основном из-за бесхозяйственности. Только за период с января по апрель нынешнего года было зарегистрировано 135 случаев хищения 525 единиц огнестрельного оружия. Воруют отовсюду: из организации ДОСААФ, военных кабинетов

школ, служебных помещений воензированной охраны и воинских частей. В розыске находится 12 640 нарезных стволов.

Не ведется должный контроль за хранением оружия, находящегося в личном пользовании граждан. На всю страну — лишь 1640 штатных сотрудников разрешительной системы. В подавляющем большинстве городских и районных органов МВД таких специалистов нет. Зачастую эту работу выполняют сотрудники других служб по совместительству. Нет и учебных заведений, где бы такие специалисты готовились. А ведь только охотничьих ружей в стране зарегистрировано около 4 миллионов. Но централизованный учет гладкоствольного оружия не поставлен. Он существует только в районных органах милиции, да и то с 1975 года.

В МВД СССР считают, что срочно нужен новый закон, который позволил бы урегулировать многочисленные вопросы, связанные с порядком хранения, приобретения и использования оружия. По инициативе МВД уже ведется работа над проектом такого закона. В нем нужно предусмотреть более строгие меры уголовной ответственности за нарушение правил использования огнестрельного оружия. Необходимо расширение статей Уголовного кодекса, где сейчас речь идет только о незаконном нарезном оружии. Под эти статьи должно попадать и все гладкоствольное оружие. Предполагается сократить количество оружия, находящегося в гражданских организациях и принадлежащего ВОХР.

Ни о какой свободной продаже оружия в магазинах не может быть и речи. Мы еще не доросли до такого уровня культуры, когда государство доверяет людям, а сами люди оправдывают доверие государства. Огнестрельное оружие в руках простого советского человека, даже для самозащиты, так же опасно, как спички у ребенка: чуть отвернешься, и может запылать весь дом.

Другое дело газовый пистолет или баллончик. Как средства защиты они эффективны, как средства нападения не более опасны, чем легкодоступные нож или кастет. Проект закона предполагает урегулировать вопрос частного владения газовыми пистолетами и баллончиками. По сводкам МВД, процент использования подобных средств при совершении преступлений минимален. Потребность же в них для самозащиты очевидна. Единственного мнения по этому поводу в высших инстанциях пока нет. Некоторые в МВД считают, что, разрешив покупку газовых баллончиков частным лицам, органы правопорядка переложат государственную обязанность по защите людей на плечи самих граждан. Хотя и так ясно, что

Рисунок Харди Волмера

милиция со своими обязанностями справляется плохо. Так, может быть, стоит разрешить использование газовых баллончиков и пистолетов на законных основаниях? Однако, даже если такой закон будет принят, он не решит всех проблем. И потом, кто и где, например, будет производить подобную продукцию? Сейчас такое производство налажено только у военных (печально известный газ «черемуха»). Какой именно газ и какой концентрации может быть использован? Будет ли

разрешен ввоз в страну зарубежных баллончиков? Кто будет определять соответствие газа импортного советским стандартам? Наконец, какую ответственность будут нести лица, использующие баллончики в преступных целях?..

Пока же с повышением цен и общим понижением уровня жизни будет происходить дальнейшее ухудшение криминальной ситуации в стране. Повысятся цены и на газовые баллончики, и на пистолеты. Но станут ли их меньше покупать?

В России стрелять во дворах воспрещалось

Владение оружием в царской России было достаточно широко распространено. В 1913 году в Москве на Кузнецком мосту в магазине «Э.Бернгард и К^о» продавались ружья английских, бельгийских, немецких, французских фабрик. В ассортименте были американские винчестеры, охотничьи ружья тульских заводов, автоматические винтовки, браунинги, маузеры, парабеллумы, дуэльные пистолеты. Пистолеты шли по цене 12–15 рублей, ружья — 100–250 рублей. (Месячная зарплата прислуги в ту пору равнялась 10 рублям, квалифицированного рабочего — 50–100.) Для приобретения оружия в магазинах, как и для торговли им, требовалось специальное разрешение полиции. Однако на любой ярмарке можно было без всякого разрешения приобрести по дешевой цене охотничьи ружья тульских и ижевских заводов.

Уложение о наказании (равносильное нынешнему Уголовному кодексу) от 1912 года формально не запрещало владение оружием и не предусматривало наказания за его ношение, если его владелец не преследовал «какую-либо противную государственной безопасности или спокойствию цель». Правда, в двух статьях Уложения оговаривалось наказание за изготовление оружия и взрывчатых веществ. В зависимости от количества произведенного обвиняемый мог быть приговорен к тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев или заключению в крепость от 8 до 16 месяцев.

Впрочем, в различных регионах и губерниях действовали свои подзаконные акты. Например, в 1900 году атаман войска Донского издал Обязательное постановление для Ростова и Нахичевани, в котором воспрещалось «стрелять на улицах и площадях, а также во дворах».

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

В 1936 году бывший профессор Московского университета Сергей Андреевич Котляревский написал статью о новой советской конституции. В пришедшем на смену прежнему основному закону страны видный российский правовед, поборник правового государства, усмотрел возможность возвращения к классическим началам парламентаризма, демократической законности, гарантии гражданских прав. Правда, выразить эти соображения ему пришлось на языке, соответствовавшем эпохе, не избежал он и некоторых реверансов в адрес тех, кто эту конституцию «даровал», тех, кто совсем недавно отстаивал иную — «революционную» — законность. А через четыре

года московский профессор был арестован и вскоре исчез в ГУЛАГе. Ни точная дата его гибели, ни ее обстоятельства до сих пор не известны. (По некоторым сведениям, год смерти ученого — или казни? — не 1940-й, а 1941-й.) Правоведение — в самом буквальном смысле слова — в советском государстве оказалось среди дисциплин «факультета ненужных вещей»...

Назвав Котляревского классиком российской юридической мысли, мы бы не погрешили против истины. Был он замечен и в публицистике, и в политической деятельности. Входил в руководство кадетской партии. Сергей Котляревский работал также и в области философии, участвовал в религиозно-философских кружках. Одно время он был вице-прокурором Синода, а после падения самодержавия стал товарищем мини-

стра по делам религии во Временном правительстве.

После октябрьского переворота он не раз подвергался гонениям. В 1920 году Котляревский был арестован и осужден. После освобождения ему разрешили преподавать и даже дали кафедру в МГУ. Но преподавание длилось недолго, вскоре ему пришлось менять работу. Он нашел ее в Наркомюсте, где постепенно разворачивалась подготовка нового основного закона, с которым Котляревский и его товарищи связывали некоторые надежды. Но...

Сегодня мы публикуем отрывки из его большой статьи «Оздоровление», вошедшей в сборник «Из глубины». (Книга эта готовится к печати издательством ИАН.) Сборник, увидевший свет в 1918 году, объединил бывших «веховцев» и ряд других авторов, попытавшихся переосмыслить опыт трагического

1917 года. На первый взгляд, у Котляревского в статье присутствуют и доза «морализма», против которого он сам выступает, и «религиозная проповедь», как будто бы несвойственная рациональному мышлению юриста. Но на деле не они являются доминирующими. И даже не просветительский пафос. Главное — поиск нравственного фундамента возрождения, фундамента, в котором вера — защита от дегуманизации общества.

Оздоровление

Сергей Котляревский (1873–1940)

Нигде не говорят так часто и так много о нравственных вопросах, как в России. Нигде не привыкли так подходить к задачам практического устройства жизни, отправляясь от своего рода категорического императива. Русской интеллигенции была присуща склонность к постоянному морализированию. Но это морализирование было скорее умственным упражнением. Оно не закаляло воли, а расслабляло ее, создавая, с одной стороны, постоянные колебания и сомнения. Русскому интеллигенту всегда всего труднее было на что-нибудь решиться, и он чрезвычайно охотно обращается к подымающимся внутри него нравственным недоумениям.

В этом коренное различие от того духовного уклада, ярким выразителем коего были пуритане. Там господствовал нравственный ригоризм, который ставил перед человеческой волей точные и резкие грани. Известные стороны жизни объявлялись запретными. Это делало человеческое существование более бедным и скучным, но зато сохраняло отмеренный человеку избыток сил... Этот морализм насыщен волей, он создает какой-то холерический темперамент. Мысль, воспитанная в уверенности высшего предопределения, которому учили Августин и Кальвин, проникается не восточным равнодушием фатализма, а спокойным сознанием определенного места в мире, которое указано для каждого человека и его жизненного дела.

Все это очень непохоже на наш наиболее распространенный интеллигентский уклад. Никакая литература не содержит такой обширной галереи портретов лишних людей, как русская. Эти лишние люди вообще не знают, зачем они существуют на белом свете. Их нравственные сомнения никогда не кончаются, перед ними бесконечный ряд вопросов, на которые они не в состоянии найти ответа. Та поэтическая дымка, которой их

окружил Тургенев, постепенно рассеивается, и перед нами открывается собрание чеховских неврастеников. С ними попадаешь в такое царство бессилия и безволия, из которого как будто нет и выхода... И чеховские лишние люди, подобно своим многочисленным предкам, ощущали в себе наличность каких-то возможностей. Припомните эти истерические сетования совершенно запутавшегося дяди Вани, какой в нем погиб мысль. И в этом сознании возможностей, которым никогда не суждено осуществиться, есть действительно какая-то правда, потому что этим людям, несомненно, присуще более достойное существование, коего они лишены, но есть в то же время и опасная видимость самооправдания.

Главное же — все эти люди целиком погружены в собственную личность. Они в высшей степени субъективны. Всматриваясь и вслушиваясь в самые мимолетные состояния, они относятся с нездоровым равнодушием к окружающему их миру. У них точно заглушено космическое чувство. Поэтому их мироощущение такое скудное, даже у такого здорового предка этих хилых любимцев чеховской музыки, как Лаврецкий. И он в окружающей природе увидел только образ собственной старости, догорание собственной бесполезной жизни.

Скажут, что лишние люди представляют только один аспект русской интеллигенции, созданный временными и преходящими обстоятельствами. Их старшее поколение были люди обреченные, ибо они воплощали обреченную среду, принадлежность к которой для них самих раскрылась как некий социальный первоначальный грех. Они превратились в кающихся дворян. Чеховские герои — герои безвременья в другом смысле. Они вышли в русскую жизнь, когда все яркое, смелое, героическое потерпело в ней крушение, когда в ней образовалось засилье мелких дел. Но сюда не уместить движения 60-х годов с их нигилистическим протестом, ни хождения в народ, ни русского революционного движения. Герои-

ческая мораль революционеров с их полным самозабвением, полным отказом от личной жизни, полным подчинением этой жизни объективному делу, — что здесь общего с расслабленным субъективизмом?

Оставим в стороне генеалогические споры, кто кого породил и кто от кого произошел. Важнее другое — что эти разительные контрасты совсем не так глубоки. И прежде всего кающийся дворянин и есть самое подлинное выражение интеллигентского субъективизма. Кающийся дворянин создал народническое мировоззрение, которое отличается прежде всего полной неспособностью воспринимать социальную действительность как она есть, и создал вместо этой действительности совершенно фантастическую обстановку, где имеется только два тона — розовый и черный. Он выдумал даже субъективный метод в общественных науках, который заменяет познание истины познанием собственных настроений. Он создал политическую и социальную программу народничества, в которой вопросы государственного и общественного устройства мыслятся как вопросы нравственного самочувствия и получают ответы, определяемые этой моралью настроений. Неудивительно, если этот кающийся дворянин, верования которого были так призрачны, так мало могли выдержать испытание внешнего мира, должен был уступить место уже совершенно беспочвенному неврастенику.

Мы можем говорить это без всякого нарушения исторической справедливости. Она должна быть в полной мере воздана людям, которые хотели отдать народу долг, взятый их предками, и отдать его, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Особенно это относится, конечно, не к учителям, а к ученикам, стремившимся провести учение в жизнь. Но та же справедливость требует, чтобы вся несостоятельность народничества, все ложные и пагубные навыки мысли, которые оно привнесло, были разоблачены до конца. Оно было великой помехой по пути не только материального, но и духовного развития России. Ибо это развитие требует прежде всего бережного и отношения, и уважения к культуре — требует черт, которые менее всего могли быть воспитаны народничеством. Оно проповедовало лишь уравнивательную справедливость в самом элементарном ее виде — справедливость, которая неминуемо должна была пониматься как равнение к низу. Отсюда, например, эта программа уравнительного земельного наделения, которая, если бы когда-нибудь была прочно осуществлена, привела бы к общему бесправию, нищете, к возвращению на много веков назад. А ведь предпосылки этой программы могли защищать такие люди, как Н.К. Михайловский, она могла быть принята целыми политическими партиями, которые, во всяком случае, оказали большое влияние на русскую жизнь.

В чем лежит здесь корень лжи? Опять-таки в этом господстве субъективного морализма. Само по себе распределение земельной собственности вовсе не есть вопрос нравственный. Нравственным является лишь вопрос об обеспечении достойного существования за человеческой личностью и о тех требованиях, которые такое обеспечение ставит обществу. Та или другая аграрная политика всегда должна в этом смысле иметь исключительно техническое значение. Притом такое обеспечение личности есть вовсе не единственная цель, стоящая перед государством или обществом. Они заинтересованы прежде всего вообще в подъеме народного хозяйства, открывающего возможность для народа в его целом доступ к высшим формам государственности, к созданию новых культурных богатств и так далее. Все это не только необходимо для осуществления права на достойное существование — все это имеет непосредственное этическое значение. Ибо никак нельзя свести

блага целого к благополучию хотя бы и всех входящих в него единиц. В этом ошибочность формулы высшего блага как наибольшего блага наибольшего числа лиц. Благо государства предполагает за государством высшую реальность, независимую от его состава, — и всякий истинно государственный деятель непосредственно воспринимает эту реальность. Государство для него вовсе не разлагается на бесконечное множество граждан, не только современных ему, но и будущих. Между тем и народничество, несмотря на свое название, несмотря на свою готовность принести в жертву самые бесспорные права и интересы личности, видело в народе лишь массу отдельных людей, конкретнее — массу русских крестьян, живущих в общине, составляющих как бы общерусский мир, с прибавлением обслуживающих этот народ интеллигентов. Никогда народничество не подымалось до идеи нации, никогда оно поэтому не было способно воспитывать здоровое национальное чувство, не могло, потому что отправлялось от

узкого кругозора личной психологии... Наши народники искали равенства, чтобы никто не чувствовал себя обиженным и обделенным избытком у своего соседа. Они предпочитали равенство в бесправии... Отсюда столь непонятное для нас равнодушие — равноду-

шие людей 70-х годов — к политической свободе, по крайней мере к единственно возможным формам ее воплощения в России.

Величайшим несчастьем для России было то обстоятельство, что это мировоззрение действительно шло навстречу некоторым вековым навыкам народной мысли. Там тоже привыкли к поравнению, хотя бы это поравнение, несомненно, сопровождалось обесцениением разделяемых таким путем благ. Эти раздели поровну есть, конечно, наиболее простая, если не сказать первобытная, форма, но она получила известное правовое признание как нечто справедливое. «У нас не должно быть гладких, пусть лучше все будут шершавые», — говорили саратовские крестьяне в 1905 году, объясняя аграрные беспорядки, которые уже тогда не ограничивались помещичьими именьями, а обращались и против более достаточных крестьян... И под знаком подобного поравнения проходила вся современная земельная разруха.

Конечно, наличие этих навыков менее всего может оправдывать народническую идеологию. Она не просветляла этих темных инстинктов, а всячески их поощряла, окружая их ореолом какой-то высшей правды. Представители ее не хотели видеть, что за чувство справедливости здесь сплошь и рядом принимается простое чувство зависти. Они не хотели видеть, что здесь создается атмосфера, убийственная для роста личности, для отбора способностей, для повышения общего уровня. Будем надеяться, что современные события раскроют глаза многим ослепленным...

Субъективный морализм есть один из элементов духовной жизни, необходимых для ее полной гармонии. Но русская интеллигенция страдала его совершенно преувеличенным развитием, при котором невозможно было равновесие ее духовной жизни. В настоящее время все сознают, что неизбежен коренной пересмотр традиционных мировоззрений, коренной перелом в нашем обычном умственном укладе. Без этого слова, которые теперь у всех на устах: «национальное возрождение России», останутся словами.

Проповедники этого возрождения часто страдают излишней верой в силу своих призывов. Они сами легко становятся жертвой морализирующего рационализма. И что значат слова после того огненного испытания, которое дано было России?.. Задача людей, которые со всей остротой чувствуют свою ответственность за дела и за неделание, — не пытаться исцелять, а лишь указы-

Революционеры искали счастья и справедливости — но приобрели для народа равенство... в полном бесправии

вать пути исцеления, точнее — лишь переводить на обычный язык уже начавшееся стихийно это целительное творчество...

Мы постоянно капитулировали перед психологией, ибо считали ее — какие бы ни были отвлеченные наши взгляды — единственной действительной силой. Ссылка на такую «психологическую необходимость» считалась серьезным оправданием даже для явных и достаточных пагубных политических ошибок, как выборгское воззвание. Мы всегда пытались прежде всего уловить настроение, приписывая ему какие-то неограниченные возможности. Опыт, однако, показал, что успех часто принадлежит группам, которые совсем не останавливаются перед такими сомнениями. Здесь источник победы Столыпина над первой Думой и большевиков над Временным правительством. И рядом с этим мы столько раз оказывались неподготовлены в смысле отсутствия учета объективных возможностей...

Но это — ошибки тактического порядка, от которых общества и народы отучаются горькими предметными уроками... Такой субъективный психологизм весьма легко обращается в чистый оппортунизм. Ибо там, где все внимание устремлено на свои и чужие переживания и последним придается определяющий смысл, там именно нет места для нормы, для заповеди, для принципов, имеющих независимое от душевных состояний бытие. Отсюда — эта столь опасная склонность у нас заменять подлинные, основанные на убедительных данных оценки фактов и действий утверждением наших или чужих к ним симпатий и антипатий. Называя поступок симпатичным и антипатичным, мы в то же время предполагаем обязательность нашего вкуса. Как это ни странно, на почве психологического импрессионизма или психологической рутины, — когда мы симпатизируем или антипатизируем даже не по нашему непосредственному чувству, а потому, что это принято, — рождается лютая нетерпимость, которая, конечно, не имеет оправданий, которые может иметь моральный ригоризм, нетерпимость обращается уже не против целей, а против средств, часто столь разнообразных, к целям ведущим. Так совершается величайшее духовное заблуждение, столь распространенное в жизни русской интеллигенции. Цель и средство смешиваются. Абсолютное и относительное меняются своими местами. Ибо абсолютное вообще отвергается, признается лишь количественно отличным от различных относительных форм, в которых оно воплощено, а относительное возводится в абсолютное...

Путь к возрождению ведет через незримые слезы великого покаяния. И это возрождение требует другого, опять-таки обращения от себя к окружающему миру. Нужно понять этический смысл тех его элементов, которые возвышаются над личной жизнью. Нужно найти его в таких началах, как национальность, государство, культура, хотя бы наш душевный уклад в данное время от них отталкивался, хотя бы для чувства они казались холодными и бездушными. Манящая к свободе от них душевная склонность рождает соблазнительные призраки. Ибо личность, теряя связь с этими объективно-нравственными — общеобязательными началами, — сама становится бессодержательной и бедной.

Есть два основных типа нравственной философии. Представители одного разделяют мир сущего и мир должного, оставляя человека под властью этого неразрешимого дуализма. Представители другого находят высший между ними синтез, утверждают онтологическую основу нравственных норм. Лишь здесь может найти человеческий дух удовлетворение. Ибо норма, поставленная перед нами лишь как норма, может принадлежать к миру призраков, иллюзий, навязчивых идей. Приписанная нравственному закону автоном-

ность, как бы возвышая его, делает непонятной его обязательность. Этика долга при всем своем ригоризме, при всей беспощадности к наиболее сильным и глубоким человеческим чувствам, обращается в этику своеобразного, может быть, не единоличного, но коллективного настроения. Моральный деспотизм Брандта (героя драмы Г. Ибсена. — Ред.) отталкивает людей и увлекает их только тогда, когда он им дает образ какой-то церкви на горах, которая не только должна, но и может быть построена, — какого-то реального воплощения. Эту реальность добра мораль собственными силами никогда не в состоянии раскрыть, здесь открывается область религии. Ибо если религия открывается нам в потаенных глубинах нашего духа, то ведь религиозный опыт есть самая основа жизни личности, речательство, что ей присуща и самая высшая объективность, т.е. независимость от переживаний религиозного опыта. И против болезненного сосредоточения человека на его личных переживаниях подымается именно религиозное сознание и, призывая его к смирению, оно освобождает от гнетущего одиночества... Тогда холодные и непонятные веления категорического императива становятся игем, которое благо, и бременем, которое легко.

На наших глазах произошло величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа, и, если вообще мы способны что-нибудь понимать в наших испытаниях, мы должны понять, что эти устои держались сами на более глубоком основании народной веры. Когда она разрушалась и на месте ее насаждался чудовищный культ своеволия и классовой ненависти, этим предопределялась и великая грядущая катастрофа. Но именно здесь сказалась инстинкт духовного самосохранения у народа, который, несмотря на все давление и все соблазны, пошел на призыв колокола своего родного храма. Мы еще не можем оценить всей силы этого несомненно начавшегося религиозного возрождения и не знаем, как глубоко пробудилась в душе русской интеллигенции воля к вере и к церкви. Одно можно сказать с уверенностью. Если настроение морализирующего субъективизма оказалось жизненно несостоятельным, то не менее несостоятельной окажется всякая попытка культурного класса построить свою жизнь на отказе и уходе от нравственных запросов. Но лишь тогда эти запросы перестанут выражаться в бесплодных и мучительных потрясениях мятущихся душ, когда они будут осознаны как религиозные искания...

В этом лежит, между прочим, задача организации школы и образования, истинно научного, которые должны предохранить от... утилитаризма и утверждать сознание, что даже полезность науки находится в связи с ее бескорыстием. Демократизация общества вызовет особый запрос на распространение знаний... Мировая катастрофа, нами пережитая, столь недоступная PROVIDENCE человеческого разума, столь опрокидывающая его самонадеянные расчеты, может оставить глубокий скептицизм. Для нас, русских, настроение это опаснее, чем для народа с более устойчивой общественной психикой и крепкими традициями, — и, насколько не впадая в какие-нибудь суеверные культы, наука же, однако, никак не должна потерять сознания ее объективной значимости, несмотря на все различия психологические, социальные, племенные...

У неиссякаемых живительных источников должна русская интеллигенция искать восстановления своих сейчас столь жестоко надломленных сил. И тогда, излеченная от своих давних умственных извращений и душевных недугов, она найдет в себе и готовность, и способность встать на дело творческого воссоздания России, которая является сейчас как бы грудой развалин, свидетельствующей о великом содеянном грехе и великой уже понесенной каре.

Как часто подменяем мы строгую оценку фактов суждениями, основанными просто на симпатиях и антипатиях

К вопросу о веревке

Мне понадобилась веревка. Нет, не «уже», а для хозяйственных надобностей. Тему «уже» не будем развивать, хихикать над этим грех, а всерьез этого я не могу себе позволить... Тему «хозяйственных надобностей» тоже сразу закроем: это неинтересно. Понадобилась веревка, и понадобилась, мало ли зачем.

Мысленно перебрав, однако, все столичные торговые точки, я поняла, что веревку купить негде. Остается Тишинский рынок. Там среди барахла и хлама вполне может попасться и веревка простая.

Про Тишинский рынок писали в последнее время все газеты. Торговать и покупать сюда приходят бедные люди. Треснутая чайная чашка, старая пудреница, заштопанная рубашка и облезлая кукла, выцветшая пачка чая и даже большой обмылок — чего только нет. Находятся покупатели и на пустые бутылки, на банки из-под импортного пива... Трудно сообразить, зачем может пригодиться банка из-под пива. Но она вообще-то красивая. И, видимо, находят люди, которые украсят ею домашний интерьер. У нас, видите ли, разные бывают домашние интерьеры. Мне случалось быть в комнате, где в красном углу на тумбочке красовалась коробка из-под торта с розочкой.

Я не раз бывала на Тишинском, потому что здесь настоящий музей социалистического быта. Например, все виды пудрениц, которые выпустило государство для своих женщин за семьдесят лет. Их не больше десяти — двенадцати. Они из очень прочного, видимо, самолетного или танкового металла. На крышках у них павильоны ВДНХ, здания Госплана, Мавзолей...

Здесь наши советские хрустальные вазы — со звездами, серпами и молотами. Здесь в большом количестве бюсты наших вождей, прекрасен, например, чугунный Буденный на чугунном коне... Здесь тусклый

бисер наших бус, мотки нашего мулине, не разберешь, какого цвета. Наши чайные ложечки с революционными сюжетами на черенках. Здесь торгует старик, который собирает по помойкам ломаные шариковые ручки: из нескольких собирает одну исправную и просит за свою продукцию двадцать копеек. И старуха, которая плетет лапти. И студентки, продающие пленки с записями модных ансамблей, видимо, надоевшие, юбочки, вышедшие из моды, даже кроссовки, которые вполне могут выдержать один сезон. И котят продают, и щенят, и репродукции из «Огонька», и книжки, и ржавые гвозди... Тысячи продавцов и тысячи покупателей. Есть шанс найти и веревку.

Что же я увидела? Рынок пуст и чист. Посредине, опираясь на пустой прилавок, стоит молодой милиционер. Разогнали...

Вдоль забора, в лужах, на тротуарах расположились продавцы, под стенами городского туалета. Их те же тысячи. И покупателей те же тысячи.

Недавно кто-то из приближенных премьера Павлова докладывал по первой программе радио, что скоро будет принят такой закон, что можно будет торговать всем, чем считаешь нужным. И он даже говорил, этот правительственный человек, что, если у кого-то скопилось мыло, тот сможет продать и мыло, а если кто-то варит варенье, тот сможет продать и варенье. Ну, революция зреет, подумала я тогда. Все семьдесят лет запрещали торговать, все семьдесят лет гонялись за старушкой с пучком укропа. Неужели разрешат? Это ведь и правда другая будет жизнь...

Ну вот время для «другой жизни», видно, еще не пришло. Революция не свершилась. Торговать можно только тайно, только в луже, под забором и у стен туалета.

Я ушла без веревки, раздраженная, злая, увидевшая, что никаких настоящих реформ, никаких реальных

перемен это правительство, конечно, не потерпит и не допустит. Пока одним нельзя покупать, а другим нельзя продавать, за наш социалистический выбор можно не беспокоиться.

И, может быть, первый раз я не пожалела своих несчастных сограждан. Наоборот. Так вам и надо, думала я, вот и стойте в луже, жалкие люди. Ведь вас сотни, а может быть, тысячи. Почему же вы не идете на рынок, почему не занимаете прилавки, что сделал бы с вами этот молодой милиционер? Ну свистел бы в свой свисток. Ну кричал бы «прекратите торговлю», ну двоих свел бы в отделение... Что ж, раз вы, то есть мы, так покорны, думала я, значит, так нам и надо. И да здравствует идиотизм нашей жизни, вечно живой и непобедимый. Не на кого роптать.

А день-то был необыкновенный. Годовщина была как раз событий в Новочеркасске. Двадцать девять лет назад в этот день граждан Новочеркаска расстреливали на главной площади, под окнами дома власти. А потом — расстреляли семерых «зачинщиков», больше ста человек отправили в тюрьмы, да на большие сроки. В Новочеркасске царил террор, царило беззаконие.

Это было совсем недавно. Я сдавала сессию в университете. Это было, когда расстреливали нашу пропшую, хрущевскую перестройку.

Задумавшись об этом, я изругала себя за то, что осудила бедных людей с Тишинского рынка. Страх перед властью у них не только в генах. Он — в памяти. Он свежий, недавний. Если милиционер говорит «разойдись», надо разойтись. Иначе расстреляют, раздавят танком, посадят, осиротят детей, под угрозой расстрела заставят молчать. От государства ждут любых беззаконий, любых насильств. Его страшно боятся.

Нас надо лечить от страха. Лечить. Тот, кто в самом деле любит эту страну и этот народ, должен лечить его от тяжелой болезни — от страха. Устранив, конечно, в самую первую очередь причину этой болезни.

Татьяна
Иванова

Тот, кто любит эту страну и этот народ, должен лечить его от тяжелой болезни — от страха

Председатель оргкомитета учредительного съезда Ассоциации евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей **Давид Таубкин** — один из немногих оставшихся в живых свидетелей трагедии, которая более 45 лет назад унесла 6 миллионов человеческих жизней, треть еврейского народа, целенаправленно и планомерно уничтожавшегося нацистами в газовых камерах, гетто, концентрационных лагерях.

Ему было восемь лет, когда через несколько дней после начала войны его вместе с матерью и старшей сестрой захватили нацисты и поместили в минское гетто. Два раза родственники спасали его от погромов. Наконец удалось переправить ребенка в русский детский дом, которым заведовала советская немка Вера Спарнинг. Она прятала у себя еще два десятка еврейских детей. До конца оккупации Давид жил под русским именем Виктор Савицкий.

— Из всего мира только в СССР до сего дня нет официального статуса бывших узников гетто и концлагерей, — говорит Давид Таубкин.

— Советские власти фактически не признают их особого положения как жертв нацистского геноцида. В любой стране мира, но только не в СССР, пострадавшим от геноцида евреям ФРГ выплачивает реституцию

— компенсацию за моральный и материальный ущерб. Это предусмотрено Люксембургскими соглашениями 1957 года. В Советском Союзе те немногие евреи, которые пережили катастрофу, вынуждены были четыре с половиной десятилетия молчать о своей судьбе. Неизвестны имена погибших, неизвестно точное количество жертв, отсутствуют исторические исследования. Для сотен тысяч советских евреев, которые родились, жили и погибли на советской земле, на этой земле не нашлось места для достойного погребения и поминовения.

Между тем в Израиле национальный институт

Яд Вашем уже давно занимается этой проблемой — на основе свидетельских показаний увековечена память двух миллионов человек. И все же осталось много незаполненных анкет. Ассоциация Таубкина восстановит память о погибших с советской стороны. Ее контактный телефон в Москве: 942-46-36.

«Трудным» и «неудобным» называют кино-критики 47-летнего иранского режиссера **Сохраб Шахид Салесса**. Несмотря на то что большинство его фильмов удостоиваются призов, им не грозит кассовый успех, а их автору — популярность. Сам

же Салесс говорит, что не собирается снимать картины, которые были бы названы «хорошими». В своих фильмах он поднимает отнюдь не модные проблемы: роль денег и гнет капитала, положение женщин в обществе и утрата обычных человеческих чувств в капиталистическом обществе.

Салесс всегда плывет против течения, разрушая старые табу. Вот и в последнем снятом им на Втором немецком телевидении фильме «Розы для Африки» есть отвратительные сцены, которые по общепринятым нормам не должны экранизироваться: пьяный подонок топчет в кровати свою беременную жену,

«Нас выучили чистить зубы, носить галстуки и часы, — комментирует режиссер. — Но, когда коса находит на камень, мы оказываемся детьми Дарвина... Я не против брака, семьи, но мне хотелось показать, что каждая фатаморгана счастья имеет свою оборотную сторону».

Салесс с детства мечтал выучиться на оператора. Для этого нужны были деньги. Он работал ночным портье, уборщиком. Закончил актерскую школу, учил иностранные языки, занимался в академии киноискусств. В 1969 году снял свой первый документальный фильм для иранского министерства культуры. Четыре года спустя вышел его первый художественный фильм «Обыкновенный случай».

Салесс считает себя гражданином мира, которому чужды такие понятия, как национализм и патриотизм. Свои частые командировки объясняет тем, что, когда он сидит на месте, его «душа застаивается» и «он чувствует дыхание смерти». Быть может, по этой причине или из-за своего тяжелого недуга — рака, с которым он борется уже много лет, Салесс хочет снять фильм о смерти.

Совсем другой генерал

59-летний генерал-майор **Юрий Киршин** оставил пост заместителя начальника Института военной истории Министерства обороны СССР и создал независимую Ассоциацию военно-политических и военно-исторических исследований. Свое решение генерал объяснил назревшей потребностью выйти из-под опеки военного ведомства, долгие годы ограничивавшего инициативы института. «Теперь надо мной — только совесть ученого», — говорит генерал.

Карьеру военного Ю. Киршин начал 45 лет назад в минском артиллерийском подготовительном училище. В 33 года с «золотой» медалью окончил Военно-политическую академию имени В.И.Ленина. Стал профессором, доктором философских наук. Работал старшим преподавателем в Академии Генерального штаба, начальником отдела стратегии военно-научного управления генштаба, начальником редакции Советской военной энциклопедии.

Новая ассоциация, объединившая известных советских историков и политологов, займется исследованиями вопросов безопасности, военной политики, стратегии и истории, прогнозированием возможного развития военно-политической обстановки в мире, выработкой рекомендаций по предотвращению войн и вооруженных конфликтов в СССР и отдельных регионах мира.

Генерал надеется, что деятельность ассоциации будет способствовать выработке советской военной политики демократическим путем, гласно, с привлечением широкого круга профессионалов. Главной задачей новой организации он считает «выпуск нравственно чистой продукции, не зависящей от конъюнктуры, старых стереотипов, идеологических догм, внедрение нового политического мышления в военную среду и борьбу с командно-административной системой в области военной теории и истории».

Ю. Киршин рассчитывает на помощь демократических кругов политологов и историков, российский парламент и поддержку зарубежных исследователей. Привлечение последних к проектам ассоциации, по мнению генерала, поможет уничтожить «болевые точки в наших взаимоотношениях». «В школьные и университетские учебники разных стран должна войти честная, беспристрастная, правдивая история Катыни, «северных территорий», советско-германских предвоенных отношений, американского ленд-лиза, корейской войны», — говорит генерал.

69-летний **Плян Юй-фань**, директор Шанхайского института международных стра-

тегических исследований, приехал в Советский Союз по приглашению Советского комитета защиты мира, чтобы наконец расширить рамки народной дипломатии между СССР и Китаем. Лян Юйфань окончил инженерно-механический факультет шанхайского университета. Но после войны в Шанхае осталось много дипломатических и консульских представительств и нужны были люди для работы в министерстве иностранных дел. Лян Юйфань стал диплома-

том. В 50-е годы служил в Шанхае, затем был направлен в Женеву, а в 80-х работал заместителем постоянного представителя КНР при ООН в Нью-Йорке.

Четыре года назад он вернулся в Китай, оставил дипломатическую деятельность, ибо порядок в китайском МИДе для всех одинаков: в 65 лет — на пенсию. Но Лян Юйфань посчитал, что ему еще рано заниматься только мемуарами, хотя 40-летний стаж на поприще китайской дипломатии дает для этого богатый материал. В 1988 году с группой ученых из Шанхайского института международных исследований он создал Институт международных стратегических проблем — неправительственную ассоциацию народной дипломатии.

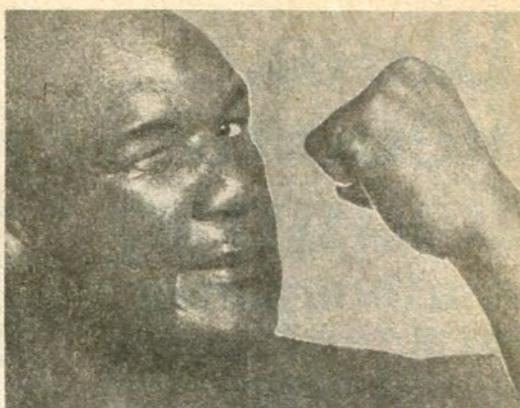
— За время последней поездки мы убедились в глубине и противоречивости процес-

сов, происходящих в вашей стране, — говорит Лян Юйфань. — Экономические проблемы в сельском хозяйстве и промышленности, в области конверсии хорошо знакомы и нам. Но специфика наших стран, исходные позиции и конкретные условия определяют различие форм их решения. Главный принцип проводимой в Китае реформы — адекватность и учет конкретной ситуации, а цель — совершенство-

вание социализма и создание стимулов для социально-экономического развития страны.

Е.Куделина

42-летний **Джордж Формэн** проиграл в бою за чемпионский титул 28-летнему сопернику и вернулся к своим обязанностям евангелического пастора и руководителя спортивной школы для трудных подростков в Техасе. Бывший чемпион мира

среди профессионалов и победитель Олимпийских игр, ушедший

с ринга в 1977 году после горького поражения, вернулся в бой 4 года назад — в основном по финансовым соображениям. Его церкви и его школе, а также его многочисленной семье стало трудно поддерживать прежний образ жизни. 12,5 миллиона долларов, полученных за проигранный бой, на некоторое время залатают бюджетные дыры. Однако само возвращение Формэна, как и попытки Марка Спитца, Бьёрна Борга и других звезд прошлого вернуться на пьедестал, ставит принципиальный вопрос: действительно ли для ветеранов все потеряно?

Известен не один случай, когда 50-летние, начав всерьез заниматься бегом, добились результатов, которые во времена их молодости гарантировали бы медали. Специалисты из американского города Конкорд утверждают, что координация сохраняется на уровне 100 процентов до 50 лет, а пик силы наступает после 40 — и снижение идет достаточно медленно. Выносливость максимальна у тех, кто приближается к 30, но затем уменьшается медленно, всего по 1 проценту в год.

В общем, у «бывших» не все потеряно. Во всяком случае, они могут рассчитывать на миллионы, что отчасти компенсирует потерю выносливости и реакции...

Дирижеры христианского хора

Когда два хора — советский и американский — выступают вместе, это необычно и интересно. Когда выступают два евангелистских хора — это необыкновенно. Совместным исполнением хора «Нордик» колледжа Лютера (США) и камерного хора «Логос» (СССР) дирижировал американский дирижер **Уэстон Ноубл**.

Ноубл в колледже Лютера уже 42 года. Из них 25 — как дирижер. Первым в Соединенных Штатах получил титул «Выдающийся музыкальный педагог», стал почетным членом Американской ассоциации дирижеров.

Колледж Лютера был основан в 1861 году норвежскими переселенцами, а спустя 15 лет в нем появилась первая концертная группа. Вот эти более чем вековые традиции и сохраняет сейчас Ноубл. В 1969 году хор вошел в число трех лучших хоров США, с его участием снимались фильмы, он выступал на фестивалях почти во всех американских штатах. Но не только мастерство исполнения привлекает в пении студентов колледжа. Чувствуется, что на сцене — люди, которые живут этой музыкой и в ней.

Через месяц Уэстон Ноубл станет одним из восьми дирижеров Европы и США, участвующих в музыкальном фестивале «Мосты песни» в Таллинне. А первый раз он побывал в СССР три года назад. Тогда и познакомился со своим советским коллегой **Евгением Гончаренко**, дирижером, основателем и руководителем московского хора евангелистских христиан-баптистов «Логос».

Гончаренко родился во Фрунзе в семье проповедника. С одиннадцати лет играет на скрипке и органе. Учился в училище имени Гнесиных. В течение 17 лет регент хора Московской церкви евангелистских христиан-баптистов. С 1980 года — заведующий регентским отделением Библийской школы, редактор музыкальных изданий Союза евангелистских христиан-баптистов СССР.

Идея создания хора, который бы вышел из церковных стен, появилась у Евгения восемь лет назад. Тогда перед участниками проходившей в Москве миротворческой протестантской конференции впервые выступил собранный Гончаренко коллектив членов евангелистской общины. Но лишь пять лет спустя ему удалось создать хор, который начал пропаганду музыкальной церковной культуры на мирской сцене. Деви́з Евгения: «Служение людям посредством музыки». По учению протестантов, она, как и Бог, не требует посредников.

Вино, мебель и книги, или Эмиграция по эстетическим причинам

Пианист **Валерий АФАНАСЬЕВ** обрел наконец известность и у себя на Родине, блистательно выступив в Московской консерватории. Может быть, вскоре мы прочитаем и переводы его романов, написанных на английском и французском языках. С Валерием Афанасьевым беседует профессор, доктор философских наук **Леонид Гольдин**.

«Я не возражаю против славы. А нет — я просто буду получать удовольствие...»

Леонид Гольдин. Среди деятелей культуры русского зарубежья немало людей, которым эмиграция не помешала быть широко известными на Родине, а некоторым даже добавила популярности. Вы не из их числа: наши любители музыки узнали вас лишь в прошлом году, о ваших литературных занятиях осведомлены только эрудиты. Вас это задевало?

Валерий Афанасьев. Ни в коей мере. Я живу прекрасно, очень счастлив. У меня большой талант к счастью. Может быть, мой единственный талант. Но — самый важный. Поскольку я литератор, у меня большая библиотека на нескольких языках. Я все это читаю и этим наслаждаюсь. Разумеется, музыкой я тоже занимаюсь. И потом, я увлекаюсь винами, старинной мебелью, живу в Версале и наслаждаюсь парижской и версальской красотой. Я считаю, что Париж — это столица наслаждения. Нью-Йорк, Мюнхен или Рим с ним не сравнятся.

Мое счастье не казенное, не дарованное другими людьми, это счастье, которое я сам себе изобрел. Оно не зависит ни от каких внешних факторов. Например, от количества концертов, известности.

Л.Г. Вы равнодушны к популярности?

В.А. Да, тем более вы знаете, что такое известность пианиста теперь. В 30-х годах быть одним из лучших пианистов мира — это что-то означало. Тогда были действительно замечательные пианисты. Сейчас можно назвать несколько композиторов. Но среди исполнителей настоящих величин практически нет.

Так что быть одним из лучших пианистов в сегодняшнем мире я не стремлюсь.

Л.Г. А что же составляет истинную ценность?

В.А. Свобода, независимость! Я живу совершенно свободно, пишу, играю, когда мне вздумается, гуляю по лесу, читаю очень много, хожу по ресторанам, собираю вина. Вот такая вольготная жизнь, совершенно не зависящая от мнения других людей. Мое счастье не зависит от того, что обо мне пишут, кто обо мне пишет, сколько концертов и в каких залах и с какими дирижерами я играю...

Л.Г. А удавалось ли вам свою философию счастья реализовать в России?

В.А. У меня в России все шло довольно неплохо, и я несколько не жалею о том, что там родился и прожил какие-то годы. Это своеобразная школа жизни: вы обретаете энергию, которую потом нужно использовать в других местах. В Советском Союзе использовать эту энергию гораздо труднее... Творческому человеку нужен какой-то кругозор, постоянное общение с артистами, даже если нет среди них выдающихся. Нужно не читать по ночам что-то в плохих переводах, а иметь возможность читать это когда угодно — в оригинале. Пойти в магазин, купить книгу, о которой говорится в другой книге. Сейчас у меня хорошая библиотека, и сюрпризов уже мало. Я редко узнаю о каких-то книгах, которых у меня нет или которые я не могу достать, не выезжая из Версаля. Но раньше, если я узнавал о какой-то хорошей книге, сразу же ехал в Париж или Брюссель и сразу эту книгу поку-

пал. В Ленинскую библиотеку ходить трудно, и вообще книги нужно читать у себя дома, причем не обязательно по десять часов в сутки одну и ту же книгу. А вот как-то перелистывать понемногу. Читая одну, заглядывать в десяток других и так далее. Чтение по ночам в Союзе, когда в семь часов утра какой-то манускрипт, непрофессионально, нелепо перепечатанный, переведенный, нужно было кому-то передавать, — это не чтение.

Л.Г. Так что же, состояние книготорговли и плохие переводы вынудили вас эмигрировать? Мне немало доводилось беседовать с людьми, круто пережившими судьбу, но такого рода мотивы слышу впервые. Эмиграция по эстетическим причинам?

В.А. Меня послали на несколько концертов в Бельгию. Я попросил политического убежища и остался. Убежище я просил довольно забавно: пошел в Организацию Объединенных Наций и там разговаривал три часа с американским комиссаром, который не намного отличается от советских комиссаров. Он спросил меня, почему я хочу остаться на Западе. Я ему сказал, что хочу, например, иметь возможность свободно путешествовать, побывать на выставке Кандинского, предположим в Лондоне, на каком-то концерте в Париже. Он сказал: ну что вы, как же можно из-за этого покинуть родину! И потом — это не политический мотив. Вы не имеете права на статус политического посеребренного. Объяснил, что да, все зависит от режима, из-за советских властей я не могу свободно путеше-

ствовать. Сочли, что в этом что-то есть политическое...

Л.Г. При всем своеобразии ваших обстоятельств вы знаете и о сложившихся по-иному судьбах музыкантов, писателей, которым не пришлось напрягаться, когда речь шла об объяснении политических обстоятельств, побудивших их эмигрировать...

В.А. Да, все уезжают. То, что уезжают исполнители, в принципе для культуры особой роли не играет. Они, конечно, нужны. Без них музыка, может быть, не умерла бы, но во всяком случае не жила бы повсеместно. Исполнители как бы бесконечную музыку помещают в пространство и время. Это совершенно необходимо. Но в то же время они не пишут историю человеческого мозга. Они просто как-то расцвечивают уже готовые картинки.

В то же время творцы — писатели, художники, композиторы — невероятно важны для культуры страны. И если они уезжают, это хуже.

Тот факт, что в Советском Союзе было очень много хороших исполнителей и притом практически не было, за редким исключением, хороших писателей и хороших поэтов, показателен. Даже в самый разгар сталинизма все-таки существовали Гилельс и Рихтер. В принципе исполнитель не нуждается в каком-то особом социальном контексте.

Л.Г. В общем, утрата исполнителей, по-вашему, не трагедия...

В.А. Да, я не считаю, что это так уж все ужасно. Ну пусть уезжает хоть целый оркестр, действительно ведь жить очень трудно в Советском Союзе. Можно понять этих людей. И это не страшно.

Л.Г. Если я правильно представляю, в отличие от многих известных эмигрантов, которые остались носителями русской культуры за рубежом, вы вполне интегрировались в западную цивилизацию. Произошло ли при этом отчуждение от русской духовной традиции или вы соединяете ее с западным менталитетом? Возможна ли такая конвергенция?

В.А. Я об этом совершенно не думаю. Я не думаю о том, что вот это во мне русское, а вот это западное, давайте это смешаем. Или давайте русское забудем. Я ничего не хотел забывать и никого не проклинал. Русскую культуру я очень люблю, я уважаю русскую литературу, русскую музыку и русскую живопись и даже нахожу, что какие-то советские фильмы очень хорошие.

Л.Г. Все-таки считаете ли вы себя носителем русской культуры?

В.А. Быть носителем русской культуры — я, откровенно говоря, не знаю, что это такое. Ну кто носитель русской культуры? Набоков — носитель русской культуры или

нет? Может быть, Войнович гораздо больше, чем Набоков, носитель русской культуры, но Набоков как писатель значительно выше, и, может быть, поэтому он несет русскую культуру гораздо выше, дальше, чем Войнович. Нет никаких границ! Русская культура ведь является частью мировой культуры. Я не вижу особой задачи нести куда-то русскую культуру. Просто вы ей принадлежите.

Л.Г. Итак, искусство, красота не имеют национальных границ?

В.А. Да, и в принципе особой роли не играет: русское это, нерусское, и как все это смешивается, в каких пропорциях. Нужно думать о красоте, о красоте того, что ты делаешь, и поменьше разбираться в том, откуда все это, кому принадлежит, современно или несовременно, парижское ли это, тульское и так далее.

Если я пишу по-русски — это значит, что я этого не могу написать по-английски, а если пишу по-английски — значит, не могу это написать по-русски. Язык в данном случае является необходимостью. Он связан с сюжетом романа, он является частью ткани этого романа.

Л.Г. Проблемы интеграции, взаимодействия культур занимают не только интеллектуальную элиту. Многих людей интересует, похожи ли мы и они, достижимо ли настоящее взаимопонимание, совпадение ценностей. Я в рамках моего скромного опыта все более ощущаю: понимания мало. Часто получается даже не диалог инакомыслящих, инакочувствующих, а встреча глухонемых. Я уже не говорю о языковых проблемах, особенно мучительных для мастеров-виртуозов слова. Ваше мнение здесь особенно ценно как литератора, который пишет на русском, английском, французском, знает немецкий.

В.А. Все недоразумения между людьми проистекают именно из-за подхода «они» и «мы». Пример: «Вот тут у вас какой-то буржуазный мир с его маленькими красотами — а нам в России светит вечная красота наших страданий». Я, может быть, напрасно иронизирую. Но есть люди, которые приехали на Запад, но до сих пор как бы живут «там». Они создали себе микроклимат, не говорят ни по-французски, ни по-английски. А уж если говорят, то так, что лучше не говорить. Они живут в каком-то замкнутом провинциальном мире.

Есть люди, склонные к метафизике, а есть — склонные к физической красоте. Мне близко и то и другое. Я обожаю хороший ресторан, вообще красоту французского стиля. Некоторые считают, что это буржуазно, что нужно говорить о чем-то таком неземном. Но, по-моему,

земное тоже прекрасно. Человек, понимающий толк в вине, насколько не хуже какого-нибудь мистика.

Есть люди чувствительные и не чувствительные к красоте. Последние, даже если верят в Бога, говорят все время об ангелах и архангелах и, в общем, очень легковесны. С другой стороны, люди, чувствующие красоту, как бы все время говорят о чем-то духовном, даже если речь идет о вине. Красота не может быть не духовной, на мой взгляд.

Л.Г. У нас, увы, не знают ваших романов. Простите обусловленный этим неделикатный вопрос: о чем они, как приняты на Западе?

В.А. Тут мне похвастаться абсолютно нечем. Никаких премий я не получал. Я написал шесть романов — два по-французски, четыре по-английски, но опубликовано только два. По разным причинам. Во-первых, потому что я их все время переделываю. Например, второй роман был опубликован во Франции и в Германии на французском и на немецком языках, хотя он был написан по-английски. Я потом продолжал его переделывать, и получилось, что те версии, которые вышли на французском и на немецком, как бы не закончены. Окончательный вариант так и не опубликован. Это меня удручает. Да и очень трудно опубликовать роман сейчас — преобладает коммерческий подход.

Я не сравниваю себя с Набоковым, но такие же трудности были и у него, потому что он не входил ни в какие литературные категории и во Франции его не издавали. Алданов же, например, был очень популярен в США, где Набокова тоже не издавали и не переводили. Существует проблема литературных категорий: если вы не входите в какие-то определенные категории, значит, вас трудно в какой-то ящик засунуть. Если нет ящика, то издатели начинают колебаться. Иногда помогает случайность. Успех «Лолиты» — чистая случайность, слава Богу, что это произошло.

Может быть, такая случайность и меня коснется. Я не возражаю против славы. А нет — я просто буду получать удовольствие, когда пишу: этого вполне достаточно. Слава должна быть уж такая, как у Беккета. Это может удовлетворять. Слава какого-то там Кундеры — это меня никогда бы не устроило. Слава приобретает какой-то смысл, когда вы оставили отпечаток вашего мозга в жизни человечества. Вы как бы чувствуете, что ваш мозг проникает в атмосферу. Это очень интересно. Беккет наверняка это ощущал, чего не скажешь о Кундере или Маркесе.

Кто куда, а мы на рынок!

Александр Иванов

Раньше мы жили хорошо. Ну не то чтобы хорошо, но во всяком случае — понятно.

Мы знали, что экономика должна быть экономной, политика — политической, искусство — искусственным, а секс — социалистическим.

Сейчас где мы и что с нами — в полном мраке.

Вот, говорят, рвутся экономические связи. Но разве они могут порваться, если они **экономические**? Да никогда! Что значит — сократили или прекратили поставки?

Что значит — «ослабили горизонтальные связи»? Или даже вообще прервались? Кто-нибудь может себе представить западную фирму, которая производит, но не отгружает? Или отгружает, но не то? Или производит, но произведенное прячет? Кто же ее, родимую, будет кормить?

Значит, экономика у нас была даже не экономной и вовсе не экономической, а какой-то, я бы сказал, идиотически-коммунистической. Приказывали, скажем, Грузии поставить что-то и тогда-то Литве, а Литве — что-то и тогда-то Грузии. Хотя ни тем ни другим это было не нужно и не выгодно. Но попробуй не поставь — партбилет на стол.

Теперь хрен кого этим испугаешь. На выход из партии — очередь. Крики: «Вас тут не стояло!» Не всех еще сразу отпускают.

А тех, кто вдруг испугался или передумал, тотчас принимают обратно. Новичков берут без кандидатского стажа. Ты еще не успел рта раскрыть, а тебе уже партбилетик вручают. Носи на здоровье. Все равно носить больше нечего...

Но выход найден! Россия вступает в рыночную экономику.

Развевались надежды на «регулируемый рынок», «планово-рыночную

экономику» и прочие досужие выдумки социалистических политэкономов. Впрочем, развеялись, да не совсем.

Вот недавно Иван Иванович Антонович, крупная шишка в российской компартии, изрек прямо-таки с детской непосредственностью: «В вопросе реализации экономической реформы я не придерживаюсь взаимно-исключающей альтернативы: социализм или рынок. У меня подход другой — социализм и рынок».

Как впрямь в одну телегу коня изгнившего папье-маше и живую трепетную лань — дядя Ваня не уточняет. Да с их точки зрения это и не важно.

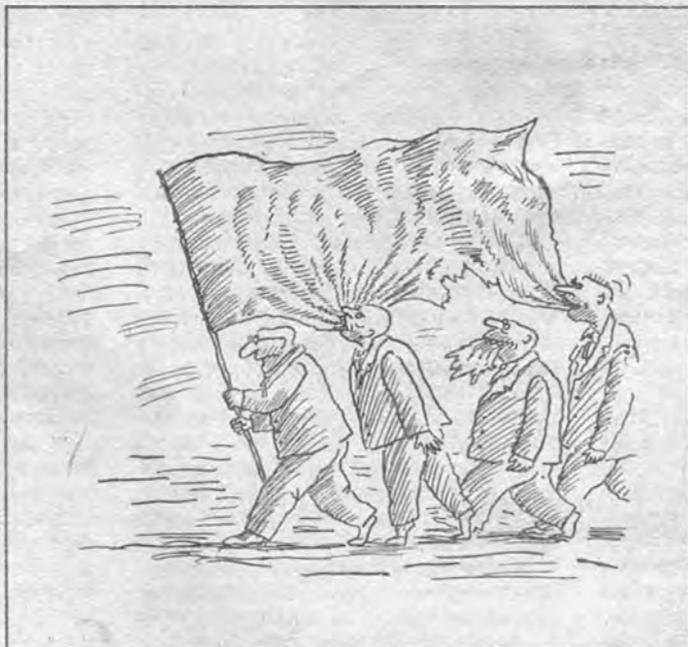

Рисунок Виктора Богорада

Им лишь бы оставаться «руководящей и направляющей», а там хоть трава не расти. Она, кстати, и не растет.

Да, рынок такая вещь: или он есть, или его нет.

Так что нравится это кому или не нравится, хочешь не хочешь, а рынок, будем говорить прямо, — это то, что весьма условно называется капитализмом.

Но не спешите радоваться те, кто ждет дождется капитализма. Не впадайте в панику и те, кто его на дух не переносит.

Не забывайте: мы — в России.

А умом, как сказал поэт, Россию не понять. Тут какой-то другой инструмент нужен. Уж будьте уверены: мы построим такой капитализм, какого свет не видывал.

Потому что строить наш капитализм начинает наша родная коммунистическая партия на фундаменте марксизма-ленинизма. Подвести другой фундамент мы же не мо-

жем — этот путь не для нас.

И руководить строительством российского капитализма будут наши совслужащие, срочно переименованные по такому поводу в менеджеров.

Известно, что главная ценность России — духовность. По духовности мы уже давно на первом месте в мире. Она же, как вы понимаете, наш главный товар на экспорт.

Министерств не будет. Будут компании и концерны с президентами и вице-президентами (в прошлом — секретарями обкомов и горкомов). Но с виду все как у людей.

И вот генеральный директор одного концерна звонит генеральному директору другого концерна. И кричит чуть не плача:

— Что же вы, господин директор, такое дерьмо нам поставляете? Мы же товар для Голландии гоним, а его у нас даже Куба не берет, последний оплот отжившего строя. Креста на вас нет!

— Позвольте, господин директор! — отвечает тот.

— Крест на нас как раз есть. По количеству церквей на душу сотрудников концерна мы уже обогнали Европу. А духовность! 99 процентов работников — подписчики журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». Так что ваши претензии, коллега, неуместны.

Ладно ерничать, скажут скептики, уверенные в жизнеспособности капитализма. А конкуренция?

Извольте другую картинку. Директор предприятия звонит директору другого предприятия. И тоже чуть не плачет.

— Вася! — говорит он. — Не погуби. Запороли мы партию товара для японцев, чтоб их разорвало! Ежели ты перебежишь дорогу, нам хана. Мы тогда банкроты. Фуздец нам тогда... Я же твоего младшего крестил. А за мной, ты знаешь, не пропадет...

— Не гзди, Федя, чего там, — говорит конкурирующий директор. — Мы же русские люди, а не какие-то акулы империализма с «Общего рынка». Нешто я забыл, что ты у меня идеологией управлял. Эх, времена были!.. Во мне не сомневайся. Хрен японцы от нас получают по ихнему контракту, гори он огнем!.. Спи спокойно и будь здоров!

Боюсь, что именно таким будет у нас капитализм в обозримом будущем.

А вместо забастовок и безработицы будет у нас соборность.

Но об этом как-нибудь в другой раз.

Александр ИВАНОВ — поэт-пародист, ведущий телепередачи «Вокруг смеха»

Сегодня, в период обновления нашего общества, перестройки социально-экономической сферы, ВО «Агропромиздат» уделяет особое внимание выпуску литературы по вопросам развития фермерских хозяйств, землевладения и землепользования.

Учитывая мировой опыт выпуска литературы по проблемам развития аграрного сектора, мы готовы к сотрудничеству в сфере подготовки совместных изданий научного и справочного характера, книг для массового читателя, а также уступки и приобретения авторских прав на выпуск печатной продукции.

ВО «Агропромиздат» – Ваш надежный партнер на советском рынке.

ВО «АГРОПРОМИЗДАТ»
107807, ГСП, Москва, Б-53, Садово-Спасская, 18
тел.: 207-21-25, 207-25-81
факс: 7 (095) 207-28-70

АГРОПРОМИЗДАТ

Всесоюзное объединение «Агропромиздат» – крупнейшее издательство в СССР, специализирующееся на выпуске учебной, научной, производственной, справочной, научно-популярной литературы, журналов – по всем вопросам агропромышленного комплекса.

Ежегодно объединение выпускает более 250 названий книг и брошюр, а также 45 журналов общим тиражом около 25 млн. экземпляров.

ВО «Агропромиздат» имеет почти 75-летнюю историю. Все этапы становления Советского государства как в зеркале отразились на страницах книг нашего издательства.

Новые рейсы

63 коч

Alitalia

каждый день - в Италию

Ежедневно:

Москва	Милан	Рим
18.00	20.40	22.35

понедельник, среда,
четверг, суббота:

Москва	Рим
16.55	19.40

Любую информацию Вы можете получить в офисе Алиталии в Москве:
103031 Москва, Пушечная ул., 7. Телефоны: 923-98-40, 923-98-56

Alitalia